

КЭШ

Артур Таболов

Артур Таболов

КЭШ

Артур Таболов

КЭШ

Москва
2012

УДК 821.161.1-311.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т12

Таболов, А.Б.

Т12 Кэш / Артур Борисович Таболов. — М.: Русь-Олимп, 2012. — 320 с.

ISBN 978-5-9648-0357-7

Бывает ли детективный роман без ментов, бандитов, погонь и горы трупов?

Бывает, если это роман о российском бизнесе. Жизнь любого предпринимателя в России полна таких острых поворотов сюжета, что это уже не детектив, это триллер — «Кэш».

«Уйти в кэш — успешно завершить сделку». Бизнес-сленг.

УДК 821.161.1-311.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-9648-0357-7

© ООО «ИД «Русь»-«Олимп», 2012

Вместо пролога
**ПАМЯТНИК НА ВАГАНЬКОВСКОМ
КЛАДБИЩЕ**

С двадцатым веком Россия прощалась с облегчением и надеждой. Страшный был век. Как начался с национальной катастрофы, с революции и гражданской войны, так и закончился геополитическим катаклизмом — крахом СССР. А в середине? Будто ящик Пандоры открылся и высыпал на Россию все беды, мыслимые и немыслимые. Как вспомнишь, так вздрогнешь. Но, слава Богу, проехали. Теперь все будет по-другому. Кончились 90-е с их нескончаемым бардаком, старого алкаша Ельцина сменил молодой президент с крепкой рукой. Он наведет порядок. Вот, уже приструнил Чечню. Выпьем же за то, что мы перемогли проклятый двадцатый век. С Новым годом, с новым веком, с новыми надеждами на спокойную мирную жизнь!

В России никогда не умирала надежда.

14 сентября 2009 года на Ваганьковском кладбище в Москве был открыт и освящен надгробный памятник

на могиле человека, имя которого не мелькало на страницах газет, но было хорошо известно деловым людям, связанным со строительным бизнесом и финансами. Он погиб год назад в авиакатастрофе «Боинга 737» в Перми в возрасте сорока восьми лет. Никто не знал, зачем его понесло в Пермь, никаких дел там у него не было. Когда его фамилия появилась в списке жертв катастрофы, сначала даже не поверили, что это он. Но в компьютере аэропорта сохранились его паспортные данные, а дежурная компании «Аэрофлот-Норд», которой принадлежал самолет, уверенно опознала его по фото: да, этот господин зарегистрировался на рейс и прошел на посадку. То, что от него осталось, отпели в храме Воскресения Слоущего и похоронили в закрытом гробу.

Открытие памятника было приурочено к первой годовщине со дня его смерти.

Известно, что на Ваганьковском кладбище хоронят тех, кто по своему социальному весу не дотягивает до Новодевичьего, но все же весомее Троекуровского или Хованского. Но и тут своя градация: кто-то лежит рядом с Есениным и Высоцким, кто-то подальше. Место для захоронения погибшего выделили вдалеке от центральной аллеи, и людям, которые пришли почтить его память, пришлось протискиваться между могильных оград по траве и раскисшей глине. С утра моросило, вода копилась на листьях лип и берез, струйками плюхалась на зонты. В процессии было человек десять мужчин разного возраста, все в черных кашемировых пальто, с черными зонтами. Со стороны казалось, что по кладбищу ползет, изгибаясь между могилами, длинная чер-

ная гусеница, лоснящаяся от воды. Все были с букетиками гвоздик, а два молодых человека в конце процессии несли тяжелый венок.

Возле надгробия, закрытого черной пленкой, их ждал коренастый мужичонка с нервным лицом в рыжеватой кожаной куртке и камуфляжных штанах, заправленных в кирзовые сапоги с подвернутыми голенищами. Длинные седые волосы перехватывал кожаный ремешок, как у русских мастеровых. Это был известный среди московских камнерезов Фрол, человек небесталанный, но вечно запойный: и когда работал, и когда пил, третьего состояния у него не было. Он сидел на черной гранитной скамье, установленной перед могильной клумбой, окантованной гранитным поребриком. Такая же скамья была напротив. Они предназначались для тех, кто придет сюда скорбно помолчать о безвозвратной утрате. При появлении процессии Фрол поднялся и встал возле памятника, ожидая знака снять пленку.

Черная гусеница подтянулась к могиле и обступила ее полукругом. В центре оказался грузный человек лет пятидесяти с безгловым выражением на тяжелом лице с темными мешками под глазами. Его как будто все раздражало: погода, измазанные глиной туфли, медлительность сопровождающих. Спросил, ни к кому в отдельности не обращаясь:

— Священник?

Поспешно ответили:

— Облачается. Поторопить, Олег Николаевич?

Он недовольно посмотрел на часы и кивнул камнерезу:

— Открывай.

Фрол стянул пленку с надгробия и ревниво взгляделся в лица, пытаясь понять, какое впечатление произвело его творение.

Творение представляло собой глыбу белоснежного мрамора на черном гранитном постаменте. Из мрамора словно бы вырывалось лицо человека с грубоватыми чертами и выражением несмирности со своей зависимостью от бесформенности камня. Ему так и не удалось вырваться, но и то, что открылось, говорило о необычном, сильном характере.

На постаменте золотилась надпись:

ГЕОРГИЙ АНДРЕЕВИЧ ГОЛЬЦОВ

16.05.1960 — 14.09. 2008

Долго, исподлобья, как бы набычась, смотрел тот, кого называли Олегом Николаевичем, на надгробие. Все в окружении застыли, не смея ни словом, ни лишним движением помешать тяжелому начальственному молчанию. Наконец он сказал:

— Похож.

Молодые люди поставили к постаменту венок, расправили ленту с надписью «От команды «Росинвеста». Помним, скорбим», все положили на могилу цветы. Только Олег Николаевич остался стоять со своими гвоздиками, словно позабыв, что с ними делать. Он так и простоял все время, пока подоспевший молодой служитель храма Воскресения Словущего совершал чин освящения, побрякивая кадиллом и окропляя надгробие святой водой. Он даже забыл снять шляпу, но никто не решился ему об этом напомнить. Лишь когда церемония закончилась, шагнул вперед, обнажил крупную лысоватую голову и произнес напряженным голосом:

— Георгий, друг! Сколько я себя помню, ты всегда был рядом. Даже сейчас я чувствую твое присутствие. Мы всегда с тобой, ты всегда с нами.

С этими словами положил на могилу гвоздики, нахлобучил шляпу и пошел прочь, не оглядываясь и не разбирая дороги. Черная гусеница поползла к выходу, извиваясь между могилами. Фрол увязался следом. Он ухитрился первым оказаться возле начальственного «мерседеса», услужливо открыл Олегу Николаевичу дверцу и почтительно поинтересовался:

— Все было как надо?

— Ну?

— Бонус бы.

— Расчет получил?

— Получил, — со вздохом признался Фрол. — Уже давно.

— Свободен.

«Мерседес» уехал, за ним машины сопровождающих лиц. Фрол проводил их хмурым взглядом, пробормотал: «Суки!» Потом купил в палатке две фляжки коньяка «Московский» и побрел к могиле Гольцова, чтобы в одиночестве отметить окончание работы. Трудная была работа. Полгода он не выходил из мастерской, испортил три мраморных заготовки. Но все же сделал то, что хотел. Сделал. Грех за это не выпить.

Но выпить в одиночестве не получилось. Еще издали Фрол увидел возле могилы какого-то мужика в кепке и сером плаще. Он сначала стоял, рассматривая надгробье, потом медленно обошел памятник и наконец сел на гранитную скамейку и закурил. Он был явно не из тех, из «Росинвеста», что отбыли здесь протокольное мероприятие. Но и на случайного прохожего не похож.

Они все больше на центральной аллее, глазают на знаменитостей. Если он забрел сюда в будний день, да еще в непогоду, значит, были на то причины.

— Знакомый? — спросил Фрол, опускаясь рядом и деловито сворачивая крышку с первой фляжки.

— Можно сказать и так.

— Выпьешь?

— Нет, спасибо.

— А я приму... — Фрол выбулькал в рот полфляжки, занюхал рукавом. Прислушался к себе, оценил: — Хорошо. Когда долго не пьешь, сразу вставляет!.. Значит, знал его?

— Знал.

— Хорошо знал?

— Хорошо даже себя не знает никто.

— Тогда зацени, — широким жестом предложил Фрол, не обратив внимание на неопределенность ответа. — Моя работа.

— Это я уже понял, — усмехнулся незнакомец и послушно посмотрел на надгробие.

— Ну, как? — поинтересовался Фрол. Не то чтобы его очень уж волновало мнение этого мужика, но был хороший повод поговорить о недавно законченной работе. Сам он почти не сомневался, что изваял шедевр, но уверенность была еще не очень твердая, податливая, как сырая глина. Поэтому Фрол был открыт для чужих оценок. Лучше для восхищенных, но можно и просто для одобрительных. А кому не нравится, шли бы вы со своим мнением в жопу, много вы понимаете.

— Похож, — помедлив, сказал незнакомец.

— Да что вы, как сговорились! — разозлился Фрол. — Похож, не похож! Разве в этом дело?

— А в чем?

— Ни хера ты не понимаешь в искусстве! Образ — вот в чем! Есть образ — искусство. Нет — трэш. Мусор, если тебе так понятней.

— Пожалуй, есть, — согласился незнакомец. — Таким он был в первую половину жизни.

— Каким?

— Да вот таким, — кивнул незнакомец на памятник. — Ничего не боялся.

— А во вторую?

— Уже не таким.

Фрол опорожнил фляжку и сунул ее в карман. Потом выбросит. Не в его правилах было свинячить на кладбище.

— И то верно, — подумав, сказал он. — Я все больше работал по его фоткам в молодости. Вдова дала. Странная дамочка.

— Почему странная?

— Да как? Вроде переживала, а на открытие памятника не пришла. Сигареткой не угостишь? Вообще-то я не курю, только иногда, когда выпью.

Корявыми, с каменными мозолями пальцами деликатно взял сигарету из иностранной пачки, прикурил от зажигалки незнакомца. Одобрил:

— Крепкие... Слушай, мужик, я мог тебя где-то видеть?

— Нет. Я даже не москвич, здесь проездом.

— Откуда?

— Издалека, с северов.

— А почему мне твой фейс кажется таким знакомым?

— Понятия не имею. Дежавю — ложная память. Мне пора. Приятно было познакомиться.

— Да посиди, — попросил Фрол. — Хоть поговорить с человеком. Это ты хорошо сказал: первая половина

жизни, вторая половина жизни. Я когда выбиваю черточку... ну, эту вот, год рождения — год смерти, меня иногда так и тянет выбить еще одну: год рождения, год смерти и еще черточка. Третья половина жизни. Как бы человек ее прожил? Что бы сделал?

— Интересный вопрос. Отдал бы долги, которые не успел отдать. Получил бы долги, которые не успел получить. Заставил бы оплатить все счета. К третьей половине жизни много чего накапливается. — Незнакомец надвинул на глаза кепку и встал. — Пойду, дела. Будь здоров, мастер. Удачи тебе.

— И тебе.

— Спасибо. Удача мне бы не помешала.

Фрол поглядел ему вслед, ополовинил вторую фляжку и осмотрел надгробие как бы посторонним взглядом. Будто не он извлекал из бесформенного мрамора образ этого человека, а кто-то другой. С удовольствием отметил: добротная работа, без дураков. И вдруг замер. Да вот где он видел этого мужика! Вот почему его фейс показался таким знакомым! Он же прожил с ним целых полгода!

Ну да, те же резковатые черты лица, то же выражение упорства, над которым он столько мудохался, чтобы передать его в камне. Лицо, правда, уже немолодое, жизнь хорошо по нему проехала, подсушила, уложила резкие складки в углах рта. Но тот же взгляд, та же неукротимость. Только уже не юношеская, беспечная, а тяжелая, волчья. Так вот зачем он пришел на Ваганьково: посидеть у своей могилы!

«Ну и дела!» — ошарашенно подумал Фрол, в рассеянности прикончил фляжку и долго еще сидел у надгробия, размышляя о превратностях жизни.

На кладбище всегда хорошо думается о жизни.

Глава первая

У ГРЕХОВ ДЛИННЫЕ ТЕНИ

I

Со дня открытия памятника Гольцову прошло уже два месяца, а Олег Николаевич Михеев, генеральный директор ЗАО «Росинвест», все никак не мог избавиться от тяжелого чувства, которое оставило у него это действо. Мероприятие по сути своей формальное, ничего не означающее, кроме того, что оно означало: в годовщину гибели Георгия на его могиле был открыт памятник. Вот и все. Михееву не в чем было себя упрекнуть, он сделал все, что от него зависело. Прорбил в московской мэрии место на престижном Ваганьковском кладбище, а это было очень непросто, заплатил чертову уйму денег за надгробие. Надгробие получилось впечатляющее. Олег Николаевич замер, когда с мрамора соскользнула черная пленка. Словно бы Георгий на мгновение ожил. Впечатление было гораздо сильнее, чем на похоронах. Тогда был просто закрытый гроб в венках, свечи, золотые ризы настоятеля храма Воскресения Словущего. И было, чего греха таить, чувство

облегчения. Со смертью Георгия будто исчезла радиация, невидимая, но опасная для всех, кто его окружал. Своей энергией и склонностью к риску он создавал вокруг себя атмосферу постоянной напряженности, будто стоишь рядом с трансформатором чудовищной мощности. В молодости это увлекает, а на пятом десятке хочется чего-то поспокойнее.

И вот трансформатор умолк, стало тихо.

Причину своего настроения Олег Николаевич попытался найти во внешних обстоятельствах. Не пришел никто из правительственных чиновников, многие из которых называли себя друзьями Георгия. И когда-то были друзьями. Михеев сам обзванивал всех и уверял, что никакой прессы не будет. Не рискнули. Ну, этого следовало ожидать, последние годы у Георгия была репутация человека, от которого лучше держаться подальше. Не пришла вдова. Тем самым дала понять, что не желает иметь с Михеевым ничего общего. И хорошо, что не пришла. В ее присутствии Олег Николаевич чувствовал бы себя напряженно. Слишком много между ними накопилось такого, о чем лучше не вспоминать. Так что и не в этом дело. А в чем?

По складу характера Михеев не был склонен к рефлексии. Если в твоём холдинге три десятка самых разных бизнесов, от домостроительных комбинатов до банков и от нефтепереработки до патронного завода, тебе некогда копаться в душевных переживаниях. Олег Николаевич и в юности не особо расстраивался, когда его динамили знакомые девушки. Парень он был видный, спортивный, хотя никаким спортом не увлекался. Это сейчас набрал килограммов двадцать лишнего веса. Не

красавец, но с внешностью добродушной, вызывающей доверие. С этой не вышло, выйдет с другой. Искренне не понимал, как можно из-за такой ерунды впадать в черную мерихлюндию и доставать друзей разговорами о том, что он жить без нее не может, к чему был склонен Георгий. Можешь. Еще как можешь. Георгий злился: «Ты толстокожий, как бегемот!» В ответ слышал: «А ты псих». То, что Георгий называл толстокожестью, Олег Николаевич всегда считал признаком своего душевного здоровья, и обнаружить в зрелые годы, что и ты подвержен заразе неврастении, было неприятной новостью. Но хуже было другое.

На открытии памятника Гольцову Олег Николаевич сказал, что он и сейчас чувствует присутствие Георгия в своей жизни. Ну, сказал и сказал, нужно же было что-то сказать. Но позже, пытаясь разобраться в себе, понял, что эти слова вырвались не случайно, что он вслух произнес то, в чем не хотел признаваться даже себе. Да, даже сейчас, через год после гибели, Гольцов в его сознании был так же реален, как бывает реален начальник, даже если его нет рядом. Он может быть в командировке или отдыхать на Бали, но он есть, и с ним нельзя не считаться.

Эта мысль появилась у Олега Николаевича во время совещания с юристами. Ситуация была очень сложная. Речь шла о фармацевтической фабрике на юго-западе Москвы. Существовала она с середины 50-х годов прошлого века и долго была в ведении Министерства обороны. После 91-го года военные от фабрики отказались, госзаказы, обеспечивающие спокойную безбедную жизнь, кончились, фабрику отпустили в свободное плавание по бурному морю российской рыночной экономики. Генеральным директором был известный уче-

ный-биохимик, действительный член Российской академии наук Владимир Федорович Троицкий. После акционирования фабрики сначала у него был блокирующий пакет, потом он скупил у рабочих их акции и довел свою долю до восьмидесяти процентов. Под залог части акций взял кредит, заключил соглашение с канадским фармацевтическим концерном «Апотекс» и стал выпускать лекарства по их лицензии. Но лекарства продавались плохо, фабрика еле сводила концы с концами. Года три назад Троицкий решил модернизировать производство и взял новый кредит в 40 миллионов долларов в «Альфа-банке». Но с модернизацией не получилось, деньги потратили без толку, и возвращать кредит было не из чего. Михеев заранее выкупил долг фабрики и, выждав подходящий момент, предъявил к оплате. Все шло к тому, что будет начата процедура банкротства и фабрика отойдет «Росинвесту». Ценность представляла не фабрика, а шесть гектаров бешено дорогой московской земли. Если построить на ней торговые центры и элитное жилье, прибыль зашкалит за тысячу процентов.

Но когда все уже было на мази, фабрикой заинтересовалась фирма «Интеко», принадлежавшая жене московского мэра Батуриной. Михееву предложили переуступить долг. Правильнее даже сказать — приказали. Это была наглость, свидетельствующая о том, что «Интеко» не ожидает от какого-то «Росинвеста» и попытки сопротивления. Связываться со всемогущей Батуриной было опасно, но и смириться Михеев не мог. Вот тогда он и подумал: а как бы поступил в этой ситуации Георгий? Сама эта мысль говорила о том, что он так и не освободился от влияния друга. Сознать это было неприятно, даже болезненно. Примерно так,

с раздражением, реагирует ученый, сын всемирного известного ученого, когда ему напоминают об отце.

Олег Николаевич прервал совещание и перешел из кабинета в комнату отдыха. Утопив грузное тело в кресле, долго сидел с закрытыми глазами. Неплохо бы сейчас принять на грудь граммов сто чего-нибудь покрепче. Но он сдержался. И так последнее время стал слишком много пить.

В дверь постучали. На пороге появилась секретарь Марина Евгеньевна, сухопарая дама лет сорока, которую Михеев ценил за точность и исполнительность.

— Извините, Олег Николаевич...

— Что у вас?

— Позвонили с вахты. Там какой-то скульптор хочет вас видеть.

— Скульптор? — удивился Михеев. — Какой еще скульптор?

— Его зовут Фрол. Говорит, вы его знаете.

— А, камнерез! Чего ему?

— Не сказал. Уверяет, что по делу.

— Знаю его дела... — Михеев извлек из бумажника тысячерублевую купюру. — Передайте ему. И пусть гуляет.

Минут через пятнадцать, которые понадобились ей, чтобы спуститься со второго этажа на первый и подняться обратно, Марина Евгеньевна вернулась в комнату отдыха и положила банкноту на стол.

— Не взял. Говорит, у него к вам важное дело.

— Фрол не взял деньги? — не поверил Олег Николаевич. — Не может такого быть. Значит, дело действительно важное. Проводите его ко мне.

— Сюда? — почему-то испугалась Марина Евгеньевна.

- Не на вахту же мне идти. Что вас смущает?
- Он... как бы это сказать...
- Не во фраке? Ничего, выдержу.

Когда камнерез был впущен в комнату отдыха, Михеев сразу понял, чем была вызвана реакция секретарши. Он был в той же рыжеватой кожаной куртке, что и на кладбище, с тем же кожаным ремешком на лбу, придерживающим длинные седые волосы, только вместе камуфляжных штанов в кирзовые сапоги с подвернутыми голенищами были заправлены линялые джинсы, а на шее болталась голубенькая косынка, призванная заменить галстук. Кирзачи на дорогом ковре ввергли бы в панику любую хозяйку. Хорошо еще, что они были вымыты и даже слегка начищены.

— Да ты, брат, прибарахлился, как на светский прием, — заметил Михеев.

— Знал, куда иду, — ответил Фрол. — Здорово, Олег Николаевич. Правильно, что велел пустить, не пожалел.

— Выпить хочешь?

— Всегда. Но сначала дело. Современный человек никогда не мешает дело с удовольствием. И всегда различает, что дело, а что удовольствие.

— Да ты философ! — засмеялся Михеев.

— Такая профессия, располагает к размышлениям, — согласился Фрол. — Так вот, о деле. Как ты насчет того, чтобы заказать свой надгробный памятник?

— Как?! — изумился Михеев. — Тебе?

— А кому? Ты мою руку знаешь.

— Надгробный памятник?!

— Ну!

— Но я же еще... как бы это поточнее сказать? Немножко живой.

— Это сейчас ты живой. А кто знает, что будет завтра? Или даже через час? Лопнет какая-нибудь хренотень в голове — и привет. У тебя машина с мигалкой?

— С мигалкой.

— Вот! — обрадовался Фрол. — Выскочишь на встречу, как все вы привыкли ездить, а на тебя прет Камаз. И как? Ты только представь: взорвут тебя, подстрелят или еще что. Это я никому на хрен не нужен, а на серьезного бизнесмена всегда найдутся охотники. Уверен, что твои наследники закажут хороший памятник? А ну как решат сэкономить? И будешь лежать под цементом с мраморной крошкой с надписью «Спи спокойно, дорогой товарищ». Хорошо тебе будет? А так ты знаешь, что надгробие у тебя будет, какое сам захочешь.

— Ты уже сколько пьешь? — поинтересовался Михеев.

— Не считаю. Вредная привычка. Сколько пью, столько и пью.

— А сколько не пьешь?

— Ох, долго. Часа три. Пока до твоего офиса добрался, пока ждал. Твоя вохра сначала и разговаривать не хотела.

— И когда эта светлая мысль пришла тебе в голову — когда пил или когда не пил?

— Да я уже давно об этом думаю. А к тебе пришел, потому что у тебя много знакомых бизнесменов. И все вы по краю ходите.

— Понимаю, понимаю, — покивал Михеев. — Ты сделаешь мое надгробие, я похвастаюсь перед друзь-

ями, они захотят такое же. И ты пустишь это дело на поток. Наймешь бригаду, а сам будешь сидеть в офисе и стричь бабки. Так?

— Нет, с бригадой не выйдет, — вздохнул Фрол. — Придется вкалывать самому. Это все же не ширпотреб, штучная работа.

— Что ты несешь, что ты несешь? — не сдержавшись, заорал Михеев. — Где это видано, чтобы живым людям заказывали надгробья?!

— Не скажи, — возразил камнерез. — Некрологи же пишут. Живым. В газетах на всех заготовлены некрологи. Я читал. Сегодня он отбросил коньки, а завтра утром уже некролог.

— Так то некролог! Сравнил!

— А какая разница? Только в материале. Там бумага, тут камень. И еще неизвестно, что прочнее. Бумага, бывает, все камни переживает. И ты же поставил памятник живому, — добавил Фрол, как бы удивляясь тому, что Олег Николаевич не хочет признать таких очевидных вещей.

— Какому живому? — не понял Михеев.

— Гольцову.

— С чего ты взял, что он живой?

— Я живого от мертвого отличаю на раз. Это просто. Жмуры по большей части молчат. А живые разговаривают. Бывает, что и они молчат, но это потому что говорить не хотят. Или не о чем.

— А с Гольцовым, значит, ты разговаривал?

— Как с тобой, — подтвердил Фрол.

— Где?

— На Ваганькове, на его могиле.

— Когда?

— Да сразу, как вы открыли памятник и свалили.

— О чем?

— Ни о чем, вообще. Об искусстве. В искусстве он ни хрена не понимает. О жизни. В жизни понимает. Про нее он хорошо сказал. К третьей половине жизни, сказал, много чего накапливается. Это я запомнил.

— Вот что, мастер, — решительно предложил Михеев. — Давай все-таки выпьем. Мне будет легче тебя понимать.

— Как скажешь, ты хозяин.

Олег Николаевич открыл бар с разномастными бутылками:

— Выбирай. Виски? Коньяк?

— Да мне и водчонки хватило бы, — застеснялся Фрол.

— Водки не держим. — Михеев налил в хрустальные граненые стаканы «Хеннеси», чокнулся с камнерезом. — Будь здоров!

— И тебе не болеть.

— А теперь соберись и не пропускай подробностей, — попросил Михеев. — Почему ты уверен, что человек, с которым ты разговаривал на могиле Гольцова, и был Гольцов?

— Обижаешь, Олег Николаевич. Назвал меня мастером, а моему глазу не доверяешь. Он у меня полгода жил вот тут, — постучал Фрол по лбу. — Я узнал бы его в любой толпе. Врубился, правда, не сразу. Когда он ушел.

— Какой он?

— Высокий, худой. Лицо, как на памятнике, только уже не молодое. Если бы сейчас делать его, мрамор бы не подошел. Мрамор — он всегда молодит.

— Как одет?

— Да как? Обычно. Серая кепка, плащик — такой сотни три на любой барахолке. Считаешь, гоню? — слегка оскорбился Фрол, заметив на лице Михеева ироническую усмешку.

— Ну почему? Верю, что говоришь то, что думаешь. Только человек, о котором мы говорим, если мы говорим об одном и том же человеке, в плащах с барахолки никогда не ходил. Не было у него такой привычки. Предпочитал Хуго Босса.

— Если разобраться, что такое привычка? — рассудительно заметил Фрол. — Следствие обстоятельств. Я тоже не всегда в кирзачах ходил. И ничего, хожу.

— Ну-ну, дальше? — поторопил Михеев.

— Да, считай, все. Сказал, что не москвич, проездом откуда-то с северов. Но я так думаю, соврал. Не знаю, зачем. Выговор у него московский, ни с чем не спутаешь. Что еще? Курил как-то странно, из горсти, обычно эки так курят.

— Папиросы?

— Нет, сигареты. «Голуаз».

— «Голуаз»? — переспросил Михеев. — Уверен?

— Ну да. Угостил меня. Я так понимаю, Олег Николаевич, мое предложение тебя не зацепило? Насчет надгробия?

— Зацепило, — заверил Михеев. — Могу даже сказать — потрясло. Нужно подумать. Такие вещи с кондачка не решают. Давай-ка, мастер, еще по граммульке, да мне пора заняться делами.

— Наливай, — уныло кивнул Фрол. — Зря я, выходит, тащился через всю Москву. А я бы тебе хороший памятник сделал. Есть в тебе что-то наполеоновское, если ты понимаешь, о чем я говорю. С такими фейсами интересно работать.

Олег Николаевич только головой покачал. Похоже, этот псих верил, что Михеев двумя руками ухватится за его идиотскую идею, и теперь искренне огорчен. Он присоединил к бесхозной тысячерублевке еще несколько купюр, сунул их в карман рыжеватой куртки Фрола и похлопал его по плечу.

— Не расстраивайся. Общество всегда плохо воспринимает новые идеи. Не созрело. Ничего, созреет. До некрологов про запас созрело? Созреет и до надгробьев. Я вот о чем тебя попрошу. Про то, что ты разговаривал с Гольцовым, не нужно никому рассказывать. Могут неправильно понять.

— Не поверил, значит, — заключил Фрол. — Думаешь, померещилось спяну? Так я в тот день был как стекло. Полгода не пил, страшное дело!

— Я-то верю, а другие могут и не поверить. И загремишь в психушку. Тебе это надо? Ценю, что ты пришел ко мне. Насчет своего надгробья не обещаю, но при случае порекомендую тебя тем, кому это уже нужно. Сильную ты сделал работу. Я прямо обмер, когда ее увидел. За твою руку, мастер!

Фрол с достоинством опорожнил стакан, занюхал рукавом куртки. Михеев вызвал секретаршу.

— Проводите моего гостя.

Оставшись один, обессилено повалился в кресло. Даже трудные многочасовые переговоры не выматывали его так, как этот разговор. Разговор совершенно идиотский. Даже странно, как это камнерезу удалось Олега Николаевича в него втянуть. Какая-то чертовщина была в убежденности Фрола в том, что он разговаривал с живым Гольцовым.

Марина Евгеньевна напомнила:

— Через десять минут совещание по экономике.

— Перенесите на завтра.

— Что с вами, Олег Николаевич? Что-то случилось?

— Нет, все в порядке. Просто немного устал.

— Вот не хотела я пускать к вам этого волосатого. Как знала. Он сумасшедший.

— Не будьте так строги к людям, — вяло посоветовал Михеев. — Все мы немного сумасшедшие. Каждый по-своему...

Сумасшедший. Это многое объясняло. Но не все. «Голуаз». Георгий всегда курил эти французские сигареты. С тех пор, как они появились в Москве. Тысячи людей курят «Голуаз». Тысячи людей курят сигареты, как зэки, как бы из горсти, защищая их от дождя и снега. Так, как курил Георгий после четырех лет в лагере. Привык, да так и не отучился. Человек, с которым на Ваганьковском кладбище разговаривал камнерез, вполне мог курить сигареты «Голуаз», не такая уж это случайность. Он мог курить их, как бывшие зэки, мало ли в Москве бывших зэков. Но столько совпадений кряду — если и это была случайность, то какая-то редкостная, высшего порядка.

И было еще кое-что, что мешало Михееву стереть этот idiotский разговор из памяти, как стирают ненужный файл.

II

Звонку из Следственного комитета российской прокуратуры, который раздался несколько месяцев назад, жарким июльским днем, Олег Николаевич сначала не

придал значения. Звонил следователь по особо важным делам Саша Кириллов, с которым Михеев был знаком еще с тех пор, когда он работал в Таганской межрайонной прокуратуре и имел чин юриста первого класса, что по армейским меркам соответствует званию капитана. За несколько лет сделал неплохую карьеру (не без помощи Олега Николаевича, оба это знали, но никогда не говорили об этом), стал подполковником юстиции. Они поддерживали доверительные отношения, иногда Михеев консультировал Сашу по сложным хозяйственным делам, в которых за долгие годы работы в серьезном бизнесе научился разбираться лучше любого юриста. Они давно уже были на «ты», Михеев называл Сашу по имени, а тот Михеева по имени-отчеству, потому что был младше его лет на десять.

— Олег Николаевич, не найдется у тебя немного времени, чтобы заехать ко мне? — спросил Кириллов.

— Что за вопрос? Конечно, найдется. Может, пересечемся в городе? — предложил Михеев. — Например, в «Пиноккио» на Кутузовском. У них, говорят, новый повар, из Италии. Там и поговорим.

— Не получится, — поскукнел Кириллов. — Нужно в конторе. Бывал у нас? Технический переулок, дом два. Это возле Лефортово.

— Найду.

— Не забудь паспорт, пропуск закажу...

Для любого предпринимателя вызов в СКП, даже в такой деликатной форме, не обещает ничего хорошего. Пока «мерседес» Михеева торчал в пробке в загазованном лефортовском тоннеле, он прикинул, с какой стороны можно ждать неприятностей. Вроде бы ни с какой. Было несколько дел в арбитраже, но ничего тако-

го, за что мог бы уцепиться следственный комитет. Олег Николаевич успокоился.

Саше Кириллову было около сорока, но выглядел он неприлично молодо. Белобрысенький, небольшого росточка, хилого телосложения, с узким унылым лицом, словно пропитанным канцелярской пылью. Недокормленный студент-старшекурсник, а не следователь СКП по особо важным делам. Но жестоко ошибались те, кто по внешности судил о его характере. Среди знакомых Михееву милицейских и прокурорских мало кто мог сравниться с этим «студентом» по въедливости, он впи-вался в жертву энцефалитным клещом. Не забывал и своего интереса. Не сказать, чтобы это очень нравилось Олегу Николаевичу, но было удобно. Саша был из тех людей, с которыми можно договориться. Это всегда облегчает жизнь.

— Проходите, господин Михеев, — встретил он посетителя скучным казенным голосом. Олег Николаевич удивленно на него посмотрел. Саша подергал себя за ухо. Михеев кивнул: понимаю. — Будьте добры, паспорт. Внесем в протокол допроса ваши данные.

— В протокол допроса? — переспросил Михеев.

— В протокол допроса свидетеля.

Пока Кириллов тюкал двумя пальцами по клавиатуре ноутбука, Михеев осмотрелся. Кабинет маленький, недавно отремонтированный, но уже нестерпимо скучный, как все казенные места. Олег Николаевич давно уже привык к офисам с евроремонтом, с современной стильной мебелью. Оказавшись здесь, он словно бы перенесся лет на двадцать назад. Уже стало забываться, что бывают такие убогие письменные столы и громоздкие железные сейфы.

— Вот о чем я обязан вас спросить, — начал Кириллов. — К нам поступила информация о том, что в 2002 году из ЗАО «Росинвест» было незаконно выведено активов на общую сумму в три миллиона восемьсот тысяч рублей. Статья сто пятьдесят девятая, мошенничество в особо крупных размерах.

— Информация от кого? — перебил Михеев.

— Анонимная.

— Разве анонимки рассматриваются?

— Не принято. Но когда в них содержатся факты, делаем исключение. А этот аноним очень хорошо информирован. Генеральным директором ЗАО «Росинвест» в том году был господин Гольцов, он погиб. А вы исполняли обязанности финансового директора. Что вы можете рассказать следствию об этом преступлении?

— Уголовное дело возбуждено?

— Нет. Доследственная проверка.

— Разве такими делами занимается СКП, а не милиция? УБЭП или кто там еще?

— Кому поручили, тот и занимается. У нас приказы не обсуждают. Я слушаю.

Михеев безучастно пожал плечами.

— Даже не знаю, что сказать. Через меня проходили десятки операций. Не помню, чтобы у нас увели три миллиона.

— Три миллиона восемьсот тысяч рублей, — уточнил следователь. — Что по тогдашнему курсу составляло сто тридцать пять тысяч семьсот четырнадцать долларов.

Кириллов извлек из сейфа тоненькую папку.

— Посмотрите эти документы. Может быть, вспомните.

В папке было всего несколько ксерокопий — платежные поручения, банковские чеки на снятие налички, доверенность курьера на получение денег. Михееву понадобилось приложить огромные усилия, чтобы остаться спокойным и даже слегка равнодушным.

— Это ваша подпись на платежках? — тем же скучным казенным голосом спросил Кириллов.

— Нет, не моя, — твердо ответил Михеев. — Подпись подделана.

— А на доверенности курьера?

— Тоже не моя.

— Что ж, попробуем найти курьера. Кому-то же он отвез бабки. Тогда и узнаем, кто увел у вас три миллиона восемьсот тысяч рублей. Да так ловко, что вы даже не заметили. Посидите, я запишу ваши показания.

Следователь набрал на компьютере несколько фраз, вывел текст на принтер и положил листок перед Михеевым. «По существу заданных мне вопросов поясняю следующее. В связи с тем, что через меня в 2002 году проходило очень много финансовых операций, по прошествии стольких лет никаких подробностей дела я припомнить не могу. Предъявленных мне платежных документов я не подписывал. С моих слов записано верно, мною прочитано».

Михеев расписался. Кириллов вложил протокол в папку, убрал ее в сейф.

— Давайте отмечу пропуск. Спасибо, господин Михеев, за содействие. Я, пожалуй, вас провожу, а то заблудитесь в наших коридорах.

Когда вышли к стоянке служебных машин, на которой под солнцем сверкал черным лаком «мерседес» Михеева, Кириллов сказал:

— Ну вот, теперь можно поговорить.

— Слушают? — посочувствовал Олег Николаевич.

— Не исключено.

— Кто?

— Да кто? Собственная безопасность. Шизанулись с этой коррупцией, скоро в сортире видеокамеры поставят. А теперь скажи мне, Олег Николаевич, без протокола. Ты действительно об этом деле ни слухом ни духом? Никаких подозрений?

— Без протокола скажу, — помедлив, решился Михеев. — Есть подозрения.

— Кто?

— Гольцов.

— Гольцов увел у самого себя бабки? — не поверил Кириллов. — Он же был хозяином фирмы. Смысл? Уйти от налогов?

Михеев усмехнулся.

— Налогов мы платили миллионы. С этих трех — мелочь, не о чем говорить.

— Тогда не понимаю.

— Его даже я не всегда понимал. Такой человек. Не знаю, для чего ему понадобились эти бабки. Но для чего-то понадобились. Плохо, Саша, если дело всплывет. Ему-то все равно, а нам не все равно. Репутация фирмы. Какой срок давности по этой статье?

— Десять лет.

— Значит, остался всего год?

— Год и четыре месяца, — поправил следователь.

— Можно потянуть?

— Все можно. Кроме того, что нельзя. Но и это можно, только другая цена.

— Сколько? — прямо спросил Олег Николаевич. — И не говори, что не понимаешь, о чем я.

— Три миллиона восемьсот тысяч.

— Сколько?!

— Репутация фирмы того не стоит? Подумай, я не спешу. Только учти: завтра будет дороже. Сам понимаешь, инфляция. Будь здоров, Олег Николаевич, рад был тебя повидать.

Следователь небрежно пожал Михееву руку, оценивающим взглядом скользнул по «мерседесу» и скрылся в подъезде СКП. «Ну, студент! — злобно, но и не без некоторого уважения подумал Олег Николаевич. — Ай да студент! Своего не упустит!» Но он был доволен тем, как повернулся допрос. И только вечером до него дошло, что он предал Георгия Гольцова еще раз. Но тут же привычно успокоил себя: мне жить, а ему уже все равно.

III

В памяти каждого человека с годами копятся воспоминания о самых постыдных эпизодах его жизни. Мелкие подлости в детстве, трусость в юности, выплывшее на люди вранье, предательства случайные или совершенные сознательно, по малодушию или вынужденно. В бессонницу (или с похмелья) поступки благородные почему-то помнятся мимолетно, а эти намертво оседают в памяти, как соли тяжелых металлов в костях.

К неполным пятидесяти годам у Олега Николаевича накопилось немало такого, о чем он запрещал себе вспоминать. И не вспоминал, оправдывая себя тем, что так сложились обстоятельства. Но историю о том, как он увел из фирмы друга три миллиона восемьсот тысяч рублей, никакими обстоятельствами было не объяснить, только собственной глупостью. И вот за

эту глупость ему бывало мучительно стыдно. Когда она вспоминалась. Или когда, как сейчас, о ней напоминали.

Произошло это летом 1998 года, когда страна начала наконец-то оправляться от разрухи начала 90-х. Подмосковные поселки прирастали новыми постройками, сначала из силикатного кирпича, а потом и особняками с каменными заборами и черепичными крышами. Барахолки ломались от всяческого самострока, газеты пестрели объявлениями о всевозможных услугах — от изучения языков до ремонта квартир, купирования собачьих ушей и быстрой очистки дачной канализации. Крым наводнили отдыхающие из России, снять жилье было большой проблемой.

Тот год для «Росинвеста» был очень успешным. Самыми прибыльными стали вложения в ГКО, государственные краткосрочные обязательства. Георгий приостановил все проекты, перевел освободившиеся средства в кэш и вбухивал их в ГКО с размахом, который осторожного Михеева поначалу пугал. Но все получалось, ГКО давали до 240 и даже до 400 процентов годовых, это было похоже на чудо. Олег Николаевич и сам втянулся в эту азартную игру. И был очень недоволен, когда Гольцов вдруг приказал сбросить все бумаги. «Росинвест» от ГКО освободился, а Михеев свои бумаги придержал. Через два месяца грянул черный август 98-го. Дефолт. ГКО превратились в резаную бумагу. Михеев волосы на себе рвал, клял себя последними словами. Знал же, что Георгий никогда ничего не делает просто так. Неважно, прочувствовал он ситуацию или ему слил инсайдерскую информацию кто-то из друзей в правительстве или Минфине. Важен результат. А результат такой: Гольцов наварил на ГКО четыреста

тридцать миллионов долларов и успел переправить их в оффшор на Кипре, а у Михеева безнадежно зависли даже те деньги, которые он отложил на жизнь. Едва стало известно о дефолте, он кинулся в банк, но еще издали понял, что опоздал. Офис осаждала огромная толпа, а объявление на дверях сообщало, что банк закрыт по техническим причинам. То же творилось по всей Москве.

Но даже не это было самое страшное. В ГКО Олег Николаевич вложил не только свои, но и заемные деньги — кредит в три миллиона рублей, взятый в коммерческом банке под 20 процентов годовых. Банк принадлежал ингушам. Они не торопили, давали отсрочки, но через четыре года их терпение кончилось. К Михееву пришли вежливые молодые люди, осмотрели его квартиру в сталинском доме на Ленинградском проспекте и сказали, что они согласны получить квартиру в счет долга. Долг уже составлял три миллиона восемьсот тысяч, а квартира стоила больше десяти миллионов. Михеев запаниковал. Впасть в беспросветную нищету, стать бомжом — нет, этого нельзя было допустить. Он выпросил еще одну небольшую отсрочку, перевел на счет фирмы-однодневки три миллиона восемьсот тысяч по липовому договору о поставке оргтехники, обналечил деньги и вернул ингушам. Он понимал, что афера может легко вскрыться, но рассчитывал на то, что эта операция не привлечет внимания Георгия. Гольцов во всем ему доверял, а в оборотах «Росинвеста» это была капля в море.

Некоторое время Олег Николаевич напрягался, когда видел Георгия. Потом понял: сошло, и вздохнул

с облечением. Не сошло. Однажды Гольцов завел его в комнату отдыха, в ту самую, где Михеев разговаривал с камнерезом, запер дверь и бросил на стол несколько документов — тех, что были в папке у следователя Кириллова. Только не ксерокопии, а оригиналы.

— Что скажешь? Я жду.

Такого обжигающего стыда Олег Николаевич не испытывал никогда в жизни. Он честно рассказал все. Георгий долго молчал, потом сказал:

— Забудь.

Никакой огласки эта история не получила, они продолжали вместе работать, как ни в чем не бывало. Но Михееву показалось, что в их отношениях начал проскальзывать холодок. Он знал, чем это может кончиться, и понял, что нужно принимать меры...

Время лечит. Язва на совести Михеева затянулась. Допрос Кириллова будто содрал с нее заскорузлый бинт, а разговор с сумасшедшим камнерезом заставил поставить эти два разных события в один ряд.

«Голуаз»... Курит, как зэк...»

И он наконец-то понял, что связывает эти события: платежки и доверенность курьера.

О них не знал никто.

Знал только один человек: Георгий Гольцов.

В эту ночь Олег Николаевич долго не мог заснуть. Не давала покоя ноющая, как зубная боль, мысль: почему же так получилось, что даже сейчас, через год после гибели Георгия, он постоянно чувствует его присутствие в своей жизни?

IV

Многие бытовые мелочи, из которых состоит жизнь любого человека, так и остаются мелочами, бесследно уносятся временем, как половодье уносит скопившийся за зиму мусор. Но иногда то, что казалось мелочью, встраивается в ряд последующих событий и обретает значение, какого раньше невозможно было предугадать. Точно так же тысячи случайных знакомств так и остаются зернами, упавшими на асфальт, и лишь очень немногие, как попавшее в трещину семечко, прорастают в будущее неукротимым побегом дикой малины.

Таким семечком стала встреча Олега Николаевича с Георгием Гольцовым. Ее могло не произойти, и тогда их жизни пошли бы каждая по своей колее. Но она случилась.

Оба учились в МИСИ, инженерно-строительном институте имени Куйбышева, позже ставшим университетом и потерявшим по дороге имя. Олег на экономическом факультете, Георгий на гидротехническом, только он поступил на год раньше. Институт был огромный, с учебными корпусами на Ярославском шоссе, в нем можно было проучиться все пять лет и ни разу не встретиться.

Олег познакомился с Георгием после третьего курса на гремевшем тогда БАМе, в студенческом строительном отряде МИСИ. Ни в какой стройотряд он ехать не собирался. Полгода назад он женился на москвичке, однокурснице Раисе. Девушка была крупная, не красотка, но все при ней, характера энергичного и резковатого, оттого что она уже давно тяготилась своей невинностью. Решающим для Олега было не то, что

она москвичка, московская прописка была ему ни к чему, он и сам был из семьи коренных москвичей. Мать преподавала литературу в школе, отец работал редактором в издательстве «Советская Россия». Жили втроем в двухкомнатной кооперативной квартире на Автозаводской. В детстве никаких неудобств от этого Олег не ощущал, со временем стала раздражать напряженность, которая всегда возникает, когда в двух смежных комнатах живут трое взрослых людей с разными характерами и привычками. Отец иногда писал и публиковал в сборниках статьи о разлагающем советское общество вещизме, мать находила их совершенными по форме и глубокими по содержанию. Олега это бесило. Какой к черту вещизм? Жалкая мебель из ДСП, денег едва хватает от получки до получки, а туда же — вещизм! В такие минуты он готов был убраться из дома куда глаза глядят. Но куда уберешься? Приходилось терпеть.

И тут возникла Раиса. У нее была своя комната в четырехкомнатной квартире на Ленинградском проспекте, в которую никто не входил без стука. Она даже не запирала ее, когда приходил Олег, что его слегка напрягало. Но гораздо важнее было другое: Раиса была единственной дочерью профсоюзного деятеля союзного уровня, что-то вроде зампреда ВЦСПС. Это была совсем другая жизнь, безбедная, с домработницей, продуктовые заказы привозил шофер отца из распределителя на улице Грановского. Олег понял, что другого такого случая может не быть, и сделал Раисе предложение.

Он рассчитывал, что тесть устроит молодоженам путевку куда-нибудь в Крым. Но вышло иначе. Однажды тесть призвал его в свой солидный домашний каби-

нет с антикварным секретером и картинами на стенах, пейзажами старых русских художников, усадил на антикварное канапе и обрисовал его перспективы:

— Парень ты обстоятельный, но цена твоя сейчас — ноль. Через два года получишь диплом. Кем ты будешь? Никем. Распределят в какой-нибудь Мухосранск, этого хочешь?

Нет, этого Олег не хотел.

— Время еще есть, нужно использовать его с толком, — продолжал тесть. — Главное — вступить в партию. А для этого нужно себя проявить. Вот в стройотряде и прояви.

— Как? Совершить трудовой подвиг?

— А вот смехуечков не надо! Я тебе дело говорю. Добровольно поехал на БАМ, на всесоюзную ударную комсомольскую стройку. Значит, что? Общественно активен. Понял? В остальном помогу.

Так и оказался Олег вместо Крыма в притрассовом поселке Могот на Центральном участке БАМа, километрах в тридцати от Тынды. Стройотряд был большой, человек двести. Жили в армейских палатках, строили сборно-щитовые дома. Вкалывали по двенадцать часов. Но поначалу больше изматывала не работа, а бесконечные простои. То вообще нет щитов, то некомплект. От безделья ребята посылали гонцов в Тынду за портвейном «Агдам». В Могот спиртного не завозили, а в Тынде было. Олегу это осточертело. Не то чтобы он был таким уж моралистом, но по пьянке чего не бывает. Подерутся с местными. Или свалится кто с лесов и сломает шею. И доказывай потом, что ты ни при чем. Это вместо трудового подвига. Однажды он отловил командира отряда и высказал все, что думает о порядках на стройке. Командиром был Гольцов, высокий худой па-

рень с некрасивым живым лицом. Он ездил со стройотрядами с первого курса и считался умелым организатором. Выслушав Олега, сочувственно покивал:

— Ах, как я тебя понимаю! А теперь так: берешь человек двадцать и дуешь на разъезд. Там состав со щитами. Разгружаешь, везешь к себе, вот вам и фронт работ.

— Почему я? — возмутился Олег.

— А кто — я? Кому щиты нужны, мне? Запомни, чувак: инициатива наказуема. Сам предложил — сам сделал. Все понял?

Гольцов обаятельно улыбнулся и убежал по своим командирским делам, сразу забыв про Олега. Но не забыл. Недели через три назначил его своим заместителем по материально-техническому снабжению. Объяснил:

— Гвозди забивать все умеют. Организовать дело — не все. У тебя получается. Ну так и действуй!

За два месяца заработали по три тысячи рублей. По тем временам, когда стипендия была сорок рублей, а двести рублей считались приличной зарплатой, деньги немалые. Не без гордости Олег выложил перед тестем пачку сторублевок и почетную грамоту Амурского обкома комсомола. На деньги тесть глянул равнодушно, а грамоту внимательно прочитал и одобрил:

— То, что надо.

С деньгами же поступил так: добавил свои три тысячи, и через месяц Олег стал обладателем белых, как холодильник, «Жигулей» ВАЗ-2104, выделенных из резервного фонда ВЦСПС. От благодарностей Олега тесть отмахнулся:

— Не о чем говорить. Только вот что: блядей не ка-тай. Раиса узнает, шкуру спустит. И я ее пойму.

Почетную грамоту никому предъявлять не пришлось, но в рекомендациях, которые дали Олегу тесть и председатель профкома института, она была упомянута и благожелательно воспринята парткомом и райкомом. Олег стал кандидатом в члены КПСС и закончил институт членом партии. Распределился в экономический департамент Минпромстроя РСФСР, через три года стал начальником отдела. Карьера шла не слишком быстрая, но уверенная, что соответствовало характеру Михеева. Но в 1990 году тесть предложил ему подать документы на участие в конкурсе на замещение должности начальника экономического управления Минпромстроя СССР. Олег засомневался:

— Да кому я там нужен?

— Делай, что говорю, — прикрикнул тесть.

Он уже работал на Старой площади в Управлении делами ЦК КПСС, возможности у него были большие. Олег рискнул. Подал документы на конкурс втайне от сослуживцев. С расчетом на то, что если его завернут, никто в министерстве ничего не узнает. Рассматривали документы долго, только через полгода вопрос решился. Олега телефонограммой вызвали в союзное министерство, в тот же день замминистра представил коллективу нового руководителя. Олег даже не сразу поверил. Стать в двадцать восемь лет начальником управления в союзном министерстве — да ладно, так не бывает. Оказывается, бывает. Оказывается, горбачевская перестройка и свежий ветер, о котором вдохновенно распевал Лев Лещенко, не пустые слова.

В российском Минпромстрое сенсационную новость о взлете карьеры Михеева встретили с кислыми физиономиями. Не то чтобы Олега это обидело, но все же неприятно царапнуло. Он отменил прощальный

ужин, который хотел устроить в ресторане «Прага», перебрался в новый кабинет и о прежних сослуживцах сразу забыл. Жизнь пошла по новой колее, как поезд, который перевели на главный путь. Раиса родила дочь, потом вторую, переключила с мужа на них свою энергию, чему Олег был очень рад, хоть и не показывал виду. Все устраивалось как нельзя лучше...

Не спалось. За окнами затих Ленинградский проспект, лишь помигивала разноцветная реклама казино, да изредка верещала охранная сигнализация припаркованных у дома машин. Осторожно, чтобы не разбудить Раису, Олег Николаевич сполз с кровати и как был, в пижаме, прошел в кабинет. Не включая света, извлек из бара первую попавшуюся под руки бутылку. У окна разглядел: односолодовое шотландское виски «Speyburn». Сойдет. Накатил сто пятьдесят, занюхал рукавом пижамы. Как камнерез. Опустился в скрипнувшее под его тяжестью кресло в ожидании, когда наступит расслабление.

Как камнерез. Черт бы побрал этого психа!..

После БАМа Олег случайно столкнулся с Гольцовым месяца через два возле общежития МИСИ на Спартаковской, куда подвез из института симпатичную первокурсницу. Георгий восхитился «Жигулями», особенно почему-то вместительностью багажника, озабоченно спросил:

— Не выручишь? Я тут кое-что прикупил своим, а как отвезти, не знаю. Тачку брать дорого, а на электричке не дотащишь.

— Нет проблем, — добродушно отозвался Олег, довольный тем, что может оказать товарищу услугу, которая ему самому ничего не стоила. Как всякий ново-явленный автовладелец, он пользовался любым поводом, чтобы покататься на машине — по делу и не по делу. — Куда ехать?

— Не так далеко, всего километров двести. В Калинин.

Олег охнул, но давать задний ход было поздно. Пока Георгий таскал из общаги то, что он прикупил своим, стало понятно, почему его восхитил багажник «четверки». Машина просела под грузом ящиков со сгущенкой и китайской тушенкой «Великая стена», мешками гречки и сахара, макаронами в картонных коробках.

— У них там что — голодный край? — удивился Олег.

— Не совсем голодный, но и не очень-то сытый, — ответил Георгий, озабоченно перекладывая поклажу.

Стояла глубокая осень, за окнами машины струились сырые поля, пролетали деревни в тяжелых рябинах. Поначалу Олег злился на себя, но понемногу отошел, оживленно разговаривал с Георгием на тему «этим летом на БАМе», у них уже было общее прошлое.

Дом, к которому они подъехали, стоял в пригороде Калинина, на берегу Тверцы, двухэтажный, деревянный, с множеством хозяйственных пристроек, обнесенный старым забором. Во дворе машину сразу окружила малышня в одинаковых серых курточках. Георгий вскрыл один из картонных ящиков и одарил всех печеньем «Октябрьское». Ребята постарше быстро разгрузили багажник, Георгий о чем-то поговорил с маленьким пожилым человеком с институтским ромбом на лацкане пиджака, обнял его и вернулся в машину.

— Все, можно ехать. Спасибо, ты меня очень выручил.

— Это детдом? — спросил Олег.

— Да.

— Но ты сказал, что кое-что прикупил своим.

— Это и есть мои...

После этой поездки они стали встречаться чаще. Олег приезжал в общагу на Спартаковской отдохнуть от суровых порядков семьи, где тон задавала теща, поиграть в преферанс, выпить и потрепаться с ребятами. В комнату Георгия всегда набивалось человек по десять, азартно спорили о политике, пели под гитару. На гитаре Георгий играл мастерски. В преферанс тоже мастерски, азартно и в то же время расчетливо, никогда не проигрывал. Он вообще не проигрывал. Пока ему не изменила удача.

После института их пути разошлись. Гольцов распределился куда-то на Урал. Несколько лет о нем ничего не было слышно, потом кто-то рассказал, что Георгий в Венесуэле, строит какую-то гидроэлектростанцию. Олег удивился: каким ветром его занесло в Венесуэлу? Потом понял: знак новых времен. Если сам он в двадцать восемь лет стал начальником управления в союзном министерстве, почему молодой русский инженер не может работать в Венесуэле? Менялись времена, менялись...

Странное какое-то виски. Не берет. Нужно добавить.

За тем, что в те годы происходило в стране, Олег следил с интересом, но как бы отстраненно — так болельщик следит по телевизору за футбольным чемпи-

онатом. На его жизнь ничего не влияло: ни горбачевская антиалкогольная компания, ни яростная борьба народных избранников за отмену 6-й статьи Конституции о руководящей роли КПСС, ни осязаемый даже в Москве дефицит продуктов. Зарплаты хватало, продукты по-прежнему привозил шофер тестя, а водки и коньяков было всегда полно в его домашнем баре. Только вот тесть с каждым днем становился все более хмурым и раздражительным. Но Олег научился слушать его с внимательным и сочувствующим видом, а все его слова пропускал мимо ушей. Даже ГКЧП воспринял как неожиданное развлечение.

К вечеру 19-го августа он из любопытства подъехал на Краснопресненскую набережную. Машину оставил возле гостиницы «Украина», вместе с толпой прошел к Белому дому. На улице стояла колонна танков, но вид у них был не устрашающий, а довольно мирный. Экипажи сидели на броне, покуривали, пересмеивались с москвичами. В дулах танков торчали какие-то красноватые цветки, везде одинаковые. «Девушки подарили?» — спросил Олег у танкиста. «Какие там девушки, — ухмыльнулся тот. — Старшина!»

Возле Белого дома бурлила толпа, происходила какая-то жизнь. Куда-то тащили арматуру и бетонные столбы, катили огромные деревянные бобины из-под кабеля — строили баррикаду. Но, по большей части, кучковались возле тех, у кого были транзисторы, напряженно слушали радио «Свобода». По радио передавали, что Горбачев в Форосе. В толпе появлялись какие-то озабоченные люди, военные и штатские, на ходу отдавали приказания. Олег узнал среди них вице-пре-

зидента Руцкого, примелькавшихся по телевизору депутатов. Покрутившись возле Белого дома часа полтора и подкатив к баррикаде бобину, с трудом пристроившись к облепившим ее энтузиастам, Олег решил, что остальное лучше смотреть дома по телевизору и начал выбираться наружу. И тут на него наскочил какой-то человек в камуфляже без знаков различия, весело приветствовал и сразу спросил:

— Ты на машине?

Это был Гольцов. Олег даже не сразу его узнал — из-за камуфляжа и сильно загорелого лица.

— Да, а что? Ты как здесь? Я слышал, ты в Венесуэле.

— Проехали. Дуй в ресторан «Загородный», забери все, что они наготовили, и вези сюда. Скажи — от меня, они знают.

После «Загородного» пришлось смотаться на базу райпищеторга в Филях, потом в типографию за тиражом экстренного выпуска демократических газет. Несколько раз «Жигули» Олега останавливали военные патрули. Услышав фамилию Гольцова, пропускали.

Стемнело, начал накрапывать дождь. Толпа у Белого дома не уменьшилась, но будто помолодела. Жгли костры, пели под гитару. По «Свободе» передавали тревожные сообщения, но на площади никакого напряжения не ощущалось. Совсем другая атмосфера было внутри Белого дома, куда Олега провел Георгий. Трезвонили телефоны, хрипели милицейские рации, по коридорам быстро проходили хмурые люди. Гольцова знали. Он с кем-то знакомил Олега, представляя: «Мой друг». Фамилии этих людей ничего не говорили Олегу, он сразу их забывал. И только позже узнавал по телевизору: рыжий Чубайс, пухлый Гайдар, худосочный,

словно бы чахоточный, Хасбулатов. На лестничной площадке, куда Георгий вышел покурить, они неожиданно столкнулись с группой людей, спускавшейся вниз. Впереди шел Ельцин — обрюзгий, с растрепанной прической. Георгий посторонился, почтительно поздоровался. Ельцин приостановился, хмуро взгляделся.

— А, гидротехник! Как же, помню.

Пожал Георгию руку и проследовал дальше.

— Откуда он тебя знает? — спросил Олег.

— Пересекались. Давно, когда я Нижне-Кутскую ГЭС строил. Чуть под суд меня не упек.

— За что?

— Да было дело. Надо же, запомнил. Вот что значит бывший прораб! Всех помнит!

Лицо Георгия оживила улыбка, как бы даже растроганная.

Тревожная ночь в Белом доме вселила в Олега чувство причастности к дальнейшим событиям. За ними он следил по телевизору. Втайне от тестя радовался триумфу Ельцина, ликовал вместе со стотысячной толпой на площади Свободной России, даже не подозревая, как эти события отразятся на его жизни.

6 ноября 1991 года указом президента Ельцина деятельность КПСС была запрещена, ее организационная структура распущена. Тестя свалил тяжелый инсульт.

8 декабря 1991 года президенты России, Украины и Белоруссии подписали Беловежское соглашение, денонсирующее договор 1922 года о создании Союза Советских Социалистических Республик. СССР перестал существовать. Все союзные министерства закрылись. В их числе и Минпромстрой СССР.

Удар был страшный. В одночасье Олег оказался безработным с парализованным тестем в инвалидной коляске, с двумя дочерьми и неработающей женой на руках, с умеющей только командовать тещей. Он растерялся. От растерянности сунулся в Минпромстрой РСФСР, хотя заранее знал, как его там встретят. Так и встретили — злорадными ухмылками. В кадрах заверили, что специалист с таким опытом руководящей работы им нужен, но вакансий пока нет. Либерализация цен обнулила все немалые семейные сбережения. Из дома быстро исчезли ценные вещи — ковры, дубленки Раисы, картины и антиквариат из кабинета тестя. Как жить?

По вечерам Олег садился в «четверку» и всю ночь колесил по Москве, подбирая припозднившихся москвичей и загулявших гостей столицы. Получалось плохо, торговаться он не умел, солидные с виду клиенты уходили проходными дворами, пьяные засыпали в машине и не понимали, чего от них хочет водила. Приходилось выбрасывать их из салона и уезжать, злобно матерясь.

Воспоминания о том жутком периоде жизни намертво врезались в его память. Как человек, которому пришлось поголодать, с особенной бережливостью относиться к хлебу, так и Олег стал относиться к деньгам. Деньги были единственной защитой от превратностей жизни. Человек, у которого нет денег, как голый на осеннем ветру. Он никогда не забывал того, что тогда чувствовал.

В то тяжелое время у него даже мысли не появилось позвонить кому-нибудь с просьбой о помощи. Кому? Все его знакомые оказались, как и он, выброшены на

обочину жизни. А те, кто сумел пристроиться на хорошее место в кооперативе или СП, были вовсе не склонны к благотворительности. Какой им смысл кому-то помогать, тратить попусту свои возможности? Олег их понимал, он и сам бы не стал.

Ни разу не возникло у него желания позвонить и Гольцову. Да, вроде бы друг. Но что такое дружба? Такая же эфемерность, как любовь. Но любовь хотя бы подразумевает некие физические действия, нечто вполне материальное. А дружба?

Георгий позвонил сам:

— Чем занимаешься?

— Бизнесом, — буркнул Олег. — Собираю по помойкам бутылки. Прибыльное, оказывается, дело!

— Так, понял. Сейчас подъеду, никуда не уходи.

Прикатил на длинном белом «линкольне», в прекрасном костюме. Окинув быстрым взглядом кабинет с голыми стенами, тусклым паркетом вместо ковра и пустыми углами, разозлился:

— Жопа! Почему сразу не позвонил?

Объяснений Олега не дослушал:

— Хватит, этот поезд ушел. Ты мне нужен. Есть интересное дело.

— Какое?

— Гуано.

— То есть? — не понял Олег. — Это же...

— Ну да, птичье говно...

Только на рассвете Олегу Николаевичу удалось забыться тяжелым сном. Тут же, в кабинете, на широком кожаном диване, давно сменившем антикварное канапе. Проснувшись от гула Ленинградского проспекта, с удивлением посмотрел на бутылку виски.

Пустая. А вчера была полная. Это он, что ли, ее приговорил? Выходит, он, а кто же еще? В ванной долго разглядывал себя в зеркало. Обвисшие, как у бульдога, щеки, мешки под глазами, жиденькие волосики на голове. «Что-то наполеоновское», — вспомнились слова камнереза. Хмуро усмехнулся. Да уж, наполеоновское. Только вряд ли Наполеон после Аустерлица. Скорее — после Ватерлоо или на острове Святой Елены.

Заглянула Раиса:

— Третий раз звонят с работы. Спрашивают, ты будешь? Что сказать?

— Буду. Вызови машину.

— Я тебе не секретарша.

— А кто ты мне?

— Михеев, ты хам! — равнодушно отреагировала Раиса.

В офисе Олег Николаевич вызвал Марину Евгеньевну:

— Позвоните Панкратову. Панкратов Михаил Юрьевич. Скажите, что мне нужно его увидеть. Пусть назначит удобное для него время.

Глава вторая **ПОСРЕДНИК**

I

Отношения власти и бизнеса были напряженными везде и во все времена. На Западе веками совершенствовалась система взаимодействия между ними — адвокатура, арбитраж, суды. В СССР их роль выполняли партийные комитеты всех уровней, от райкомов до ЦК КПСС, мелкие трения между предприятиями устраняли тысячи толкачей, вооруженных коробками конфет и духами «Красная Москва» для секретарш местных начальников и коньяками «Двин» и «КВВК» для самих начальников. События 1991 года, которые позже стали называть демократической революцией, не только разрушили все хозяйственные связи, но и уничтожили этот незаметно встроенный в систему механизм.

Российское государство и российский бизнес были изначально обречены на немирное существование, потому что бизнес был молодой, дикий, не признающий никаких самоограничений, а государство за семьдесят

советских лет так привыкло к всевластию, что органически не могло идти ни на какие компромиссы с бизнесом. В этих условиях неизбежно должны были появиться люди, которые взяли бы на себя функции посредников между властью и бизнесом, помогали бы им сосуществовать без кризисов.

В начале 90-х годов эту нишу занял криминал. Организованные преступные группировки не только крышевали магазины и своими методами разрешали противоречия между бизнесменами, но и пытались наладить их взаимодействие с властями. Но серьезные предприниматели быстро поняли, что эта помощь может обернуться потерей всего бизнеса, и сами начали искать ходы во властные структуры — в милицию, налоговые инспекции, губернаторские администрации и даже в Кремль. Дело это очень трудозатратное, гораздо удобнее иметь рядом человека, у кого эти связи уже налажены и к кому можно обратиться, когда возникнет необходимость.

Таким человеком и был Михаил Юрьевич Панкратов.

Среднего роста, плотного телосложения, с очень коротким седым ежиком на крупной голове, с припухшими веками, придававшими его лицу слегка сонный вид, он походил на муниципального чиновника, привыкшего иметь дело с бумагами. Да так оно и было, чего-чего, а бумаг через его руки прошли многие тысячи.

Иногда, оглядываясь на прожитую жизнь, он поражался тому, какими непредсказуемыми зигзагами она изобиловала. Выпускник юридического факультета МГУ, он совершенно неожиданно для себя стал

следователем Управления по борьбе с особо опасными хищениями социалистической собственности КГБ, дослужился там до полковника. После 91-го года КГБ расформировали, вывели из него погранвойска, Службу внешней разведки, правительственную связь ФАПСИ и Службу охраны. Некогда всемогущий Комитет государственной безопасности превратился в Федеральную службу контрразведки, а Управление съезжилось до размеров отдела экономической безопасности. Тогдашнее руководство ФСК больше всего было озабочено тем, чтобы не испортить отношений с Кремлем, вмешивалось в ход расследований, выводя из дела крупные фигуры, связанные с властью. Это не нравилось Панкратову, привыкшему все дела расследовать обстоятельно и до конца. Напряженность нарастала, кончилось тем, что во время очередной реорганизации Панкратова вывели за штат. Не успел он подумать, чем дальше жить, как получил предложение поработать для ассоциации «Русалко», объединявшей водкозаводчиков московского региона. Позже возглавил службу безопасности «Русалко», а когда она прекратила свое существование, стал советником по безопасности Национальной алкогольной ассоциации. Про то, что он полковник, Панкратов и думать забыл и очень удивился, когда однажды получил из кадров ФСБ предписание явиться для оформления отставки и пенсии.

Он не сразу определил свое положение в социальном устройстве постсоветской России, взбаламученной, как после землетрясения, перепутавшего все привычные роли. Учителя торговали в палатках, инженеры шли в челноки, писатели в политику, младшие научные сотрудники становились банкирами и владельцами ог-

ромных заводов. Постепенно приходило понимание, что само время вызовет к жизни людей, которые играли бы в громоздком государственном механизме ту же роль, какую играет смазка в работе двигателя.

В такой роли неожиданно для себя оказался Панкратов. Осознав это, он словно нащупал под ногами твердую почву. Это сообщило ему чувство своей не то чтобы значимости, но необходимости в новом устройстве России, и позволило избавиться от состояния неопределенности, в каком он долго пребывал.

За годы работы он приобрел огромный опыт, обзавелся обширным кругом знакомств. К нему часто обращались за советом не только водкозаводчики, попавшие в трудное положение, но и предприниматели, не связанные с алкогольным бизнесом. У него была репутация человека, который не берется за сомнительные дела, но если за что-то берется, доводит дело до конца. Дела были самые разные: разрулить противоречиво сложившуюся ситуацию, найти устраивающий всех выход из конфликта интересов, проверить подноготную предполагаемого делового партнера.

Звонок из ЗАО «Росинвест» с просьбой генерального директора Михеева о встрече его не удивил, хотя ни ЗАО «Росинвест», ни фамилия Михеев ничего ему не говорили. Нередко бывало, что на него выходили через знакомых.

Накануне того дня, на который была назначена встреча, набрал в Гугле: «Росинвест, Михеев». Высыпала целая куча ссылок на разные «Росинвесты», еще больше на «Михеев». Но совместились они только один раз, на сайте Московской регистрационной палаты. ЗАО «Росинвест»: зарегистрировано в 1992 году как

совместное предприятие с немецкой торговой фирмой Blumengarten под первоначальным названием «Росарт», производственная и торгово-закупочная деятельность. «Blumengarten — цветник», — вспомнил Панкратов основательно подзабытый немецкий. Что такое «Росарт», не понял. С 1996 года существует под названием «Росинвест». Генеральный директор Михеев О.Н. Адрес, контактный телефон. И все.

Такая скудость информации могла свидетельствовать о двух вещах: либо это ЗАО небольшое и по этой причине не объявляющее о себе в Интернете, либо не хочет привлекать к себе внимания. Попросту говоря — не хочет светиться. Разумно, отметил Панкратов, не те времена, чтобы выставлять напоказ свое процветание, можно запросто привлечь внимание рейдеров.

«Росинвест» занимал небольшой трехэтажный особняк в глубине кривых лубянских переулков с такими пробками, что Панкратов на своем «фольсквагене» пробивался по ним больше времени, чем ехал от своего дома на Бульварном кольце. Погода вконец испортилась, лепил мокрый снег, дворники работали без остановки. Въезд во дворик особняка преграждал шлагбаум. Охранник вежливо спросил, к кому приехал посетитель. Услышал фамилию Михеева, что-то сказал в рацию, услышал ответ и поднял шлагбаум. Во дворе стояло с десяток иномарок и черный «мерседес». В особняке вели мраморные ступени, вахта была, как ресепшен пятизвездочного отеля. На вахте Панкратова уже ждала сухощавая подтянутая женщина средних лет, ничем не напоминающая надменных, как проститутки, моделей, привычных в офисах новых русских. Панкратов

невольно зауважал неведомого Михеева. Если человек подбирает секретарш по деловым качествам, а не по длине ног и величине бюста, уже одно это говорит в его пользу.

— Михаил Юрьевич? Давайте ваше пальто. Меня зовут Марина Евгеньевна, я секретарь Олега Николаевича. Пойдемте, шеф вас ждет.

— Симпатичный особняк, — заметил Панкратов, поднимаясь за ней на второй этаж и попутно отмечая дорогой евроремонт, тонированные стекла и ковровые дорожки в коридорах. — Арендуете или ваш?

— Наш.

Неслабо. Такой особняк стоит не меньше пятнадцати миллионов долларов.

В просторном кабинете из-за массивного письменного стола навстречу Панкратову поднялся грузный человек с несвежим тяжелым лицом и темными мешками под глазами.

— Михеев. Добрый день, Михаил Юрьевич. Спасибо, что откликнулись на мою просьбу...

II

Первое впечатление Олега Николаевича от посетителя, которого ему рекомендовал знакомый водкозаводчик, было не слишком благоприятным. Заурядный серый костюм, черный свитерок под горло, сонное лицо. От кофе отказался, разговор о погоде и жутком московском трафике не поддержал. Опустившись в кресло возле журнального стола, будто бы погрузнел, стал увесистым.

— Ваши координаты мне дал сосед по даче, водкозаводчик, — начал Михеев, располагаясь в соседнем кресле. Назвал фамилию. — Знаете его?

— Знаю.

— У нас дачи рядом на Николиной горе. Иногда встречаемся в спортзале, в ресторане «Каток»...

— Олег Николаевич, давайте не будем терять времени, — перебил Панкратов. — Чем занимается «Росинвест»? Я почему спрашиваю. В Интернете информации о вас практически нет.

— Нам не нужна реклама.

— А все-таки?

— Легче сказать, чем мы не занимаемся. Всем, что подворачивается под руку. От нефтепереработки до строительства.

— Цель?

— Даже не знаю, как бы вам объяснить...

— Объясните, как сможете.

— Мы покупаем обанкротившиеся предприятия или близкие к банкротству. Инвестируем в них средства, меняем менеджмент, проводим санацию. Потом продаем.

— Понятно. В чем ваша проблема?

Олег Николаевич замялся:

— Не уверен, можно ли это назвать проблемой...

— Можно. Иначе вы бы не обратились ко мне.

— Да, пожалуй, — пришлось согласиться Михееву. — Ладно, слушайте. Только, пожалуйста, не перебивайте. Небольшое предисловие. «Росинвест» существует с 1992 года. Его создал и долгое время руководил им Георгий Гольцов, мой друг еще с институтских времен. Удивительно талантливый предприниматель и, что

важно, очень удачливый. При нем оборот «Росинвеста» зашкаливал за сто миллионов долларов. Я был у него финансовым директором. В 2004 году его посадили. Он недоплатил налоги с четырехсот тридцати миллионов долларов, которые заработал на ГКО. Точнее, с двухсот тридцати заплатил, а с двухсот — нет.

— ГКО закончились в девяносто восьмом году, — напомнил Панкратов. — Всплыло старое дело? Почему?

— Не знаю. Всплыло и всплыло. Тогда много старых дел всплыло. После ареста Ходорковского. Открылся сезон охоты. Кто не спрятался, я не виноват. Георгий не спрятался. Получил восемь лет. Через четыре года вышел по условно-досрочному. Еще в начале 2004 года, когда на него завели уголовное дело и взяли подписку о невыезде, он передал мне все акции «Росинвеста» в доверительное управление и назначил генеральным директором. Уже знал, что его посадят, хотел сохранить бизнес. Вы ничего не записываете?

— У меня хорошая память. Продолжайте.

— Когда Георгий освободился, я предложил вернуть ему акции и снова стать генеральным директором. Он отказался. Сказал, пусть пока все так и останется. Не знаю, почему. Возможно, боялся нового дела. Так или иначе, но все так и осталось. Я был официальным генеральным директором, а Георгий теневым. Не скажу, что наше сотрудничество было мирным. За четыре года многое изменилось, Георгий не чувствовал новую ситуацию, жил старыми представлениями...

— А вы уже привыкли к роли главного, — вставил Панкратов.

— Не без этого, — признал Олег Николаевич. — У нас были довольно резкие противоречия, я уступал,

хоть фирма теряла большие деньги. 14-го сентября 2008 года он вылетел в Пермь на «Боинге 737» компании «Аэрофлот-Норд». Самолет разбился. Вы наверняка слышали об этой катастрофе, было по телевизору и во всех газетах.

— Слышал.

— Так и не выяснили почему. То ли пилот был пьяный, то ли экипаж что-то перепутал в приборах. Иностранные были приборы, непонятные для русского человека. Для всех, кто знал Георгия, это был шок. Его любили. Такой он был человек, к нему никто не относился равнодушно. Или любили, или ненавидели.

— Кто его ненавидел?

— Кто всегда ненавидит ярких успешных людей? Те, кто ни на что не способны. Талантливый человек, если он неудачник, еще может вызвать сочувствие. Если он удачливый и богатый, ненависть ему гарантирована. Я и сам иногда ловил себя на такой мысли. Ну почему одному всего отпущено полной мерой, и везения, и талантов, а ты вынужден довольствоваться жалкими крохами? Что это за высшая несправедливость? Как видите, я трезво оцениваю свои возможности.

— Гольцов был богатым?

— Одно время он входит в число самых богатых людей России. По версии журнала «Финансы». Не в первой десятке, но и не в последней.

— Как после гибели Гольцова изменилась ситуация в «Росинвесте»? Я имею в виду формы собственности.

— Никак. Акции по-прежнему в моем управлении. Это и есть причина, по которой я обратился к вам. Есть подозрения, что Георгий Гольцов не погиб.

— Вот как? — слегка оживился Панкратов. — Как он мог не погибнуть, если самолет разбился? Насколь-

ко я знаю, не спасся никто. Пассажиры и экипаж, восемьдесят восемь человек.

— Он не погиб, если не вылетел на этом самолете.

— Но он вылетел?

— По данным аэропорта «Домодедово» — да. Дежурная «Аэрофлот-Норда» опознала его по снимкам. Утверждает, что он зарегистрировал билет и прошел на посадку.

— Не сказал бы, что это свидетельство достоверное. Через нее проходят тысячи пассажиров.

— Но его запомнила. У него не было никакого багажа, даже кейса. И он производил впечатление человека не то чтобы растерянного, но не уверенного, что он делает то, что нужно. Его машина осталась на платной стоянке. Джип «Ниссан Террано», он любил большие машины. Только через месяц нам позвонили и попросили ее забрать.

— Как его опознали?

— Никак. Привезли в закрытом гробу, так и похоронили.

— Генетическая экспертиза?

— О чем вы говорите? Какая к черту генетическая экспертиза? Вы видели место катастрофы? Все вперемешку. Я даже не уверен, что в гробу были останки Георгия. Собрали с земли, что было, сунули в цинк и дело с концом.

— Зачем он полетел в Пермь?

— Тоже загадка. Никаких дел в Перми у него не было. А если были, то я о них не знал. После лагеря он вел замкнутый образ жизни. Бывало, что в офисе не появлялся неделями. Это не все, — продолжал Михеев. — С месяц назад, в годовщину его гибели, мы открыли на Ваганьковском кладбище его надгробье. Автор памят-

ника — камнерез, некто Фрол, там его все знают. Пьянь, но очень талантливый. Позавчера он пришел ко мне и уверял, что разговаривал на могиле Гольцова с живым Гольцовым.

— Вы сами сказали — пьянь. Как ему верить?

— Я поверил. Почти. Он точно его описал. Клялся, что не мог ошибиться, потому что работал над памятником полгода и все время держал его образ в голове.

— Он пришел, чтобы рассказать вам об этом?

— Нет, тема возникла случайно. Он хотел, чтобы я заказал ему собственное надгробье.

— Серьезно? — удивился Панкратов. — Вы заказали?

— Я что, сумасшедший?

— Это все?

— В общем, все. Остальное — мелочи, на уровне предчувствий. Вот, вдова не пришла на открытие памятника. Я сначала решил, что из-за наших отношений, они не были безоблачными. Но потом подумал: а если она знала, что Георгий жив?

— С родителями говорили? Они могли знать. Смерть сына для них удар, он не стал бы подвергать их такому потрясению.

— Он детдомовский. Отец погиб в Новочеркасске в 62-м году, когда расстреляли рабочих. Слышали про это?

— Что-то читал.

— Очень его эта история волновала. Он даже финансировал издание документальной книги про те события. Книга вышла в серии «Русские тайны». Называлась «Огонь на поражение». Не попадалась?

— Нет.

— Тогда Георгию было два года. Мать вскоре умерла, его отдали в детдом под Тверью. Это сейчас Тверь, а в те времена еще был Калинин.

Панкратов поднялся из кресла, сразу как бы потеряв свою грузность, постоял у окна, глядя, как мокрый снег покрывает крыши машин.

— Давайте определимся, — вернувшись к столу, предложил он. — Вы хотите, чтобы я нашел Гольцова, если он жив. Я вас правильно понял?

— Нет, — возразил Олег Николаевич. — Я хочу, чтобы вы установили, жив он или погиб. Абсолютно достоверно. От этого зависит, как мне вести бизнес.

— Если жив — что?

— Ничего. Он сам даст о себе знать.

— Вряд ли я смогу гарантировать абсолютную достоверность, — помедлив, заметил Панкратов.

— Вы сделаете все, что сможете. Этого достаточно. Мне рекомендовали вас как человека, который умеет работать.

— Не уверен, что мне стоит браться за это дело. Я предпочел бы чего попроще: защита от рейдеров, спор хозяйствующих субъектов. Сколько времени вы мне даете?

— Сколько понадобится. Я даже не спрашиваю, сколько стоит ваша работа.

— Можете спросить, я не делаю из этого тайны. Восемьсот долларов в день. Плюс накладные расходы.

— Какие?

— Мало ли. Разъезды, гостиницы. Может понадобится наружное наблюдение или прослушка. Все это не бесплатно. Прослушка только одного номера стоит

тысячу долларов в день, наружка — сто долларов в час на одного топтуна. А часто нужен не один. И не поторгуешься.

— Согласен, — решительно кивнул Олег Николаевич, достал из настенного сейфа три «котлеты», десяти тысячные пачки долларов в банковской упаковке, и положил перед посетителем. — Аванс. Мы договорились?

— Вы умеете убеждать, — усмехнулся Панкратов и спрятал деньги в кейс.

Михеев взял с письменного стола тоненькую папку и протянул Панкратову:

— Здесь снимки Георгия и кое-какие материалы о нем. Что-то вроде объективки. Возможно, они вам помогут.

Попрощавшись с посетителем, посмотрел из окна, как Панкратов неторопливо выходит из офиса и садится в синий «фольксваген-пассат». Он был доволен, что уговорил его взяться за это дело. И одновременно ощущал некоторую неуверенность, как человек, вступающий на незнакомую землю. Кто его знает, какая гадюка может выползти из-под безобидной коряги!

III

«Гольцов Георгий Андреевич. Родился в 1960 году в г. Новочеркасск Ростовской области. Отец, Гольцов Андрей Григорьевич, 1934 года рождения, фрезеровщик Новочеркасского электровагоностроительного завода, погиб 2 июня 1962 года. Мать, Гольцова Таисия Ивановна, 1938 года рождения, медсестра, умер-

ла в 1964 году. Некоторое время Георгий жил в многодетной семье дяди, родного брата отца, осужденного на 12 лет за участие в массовых беспорядках 1962 года и отбывавшего наказания в «Устимлаге». Материальное положение семьи было очень трудное, в возрасте пяти лет Георгий был помещен в калининский детский дом №24 для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, где прожил до окончания средней школы в 1977 году.

Адрес детского дома: г. Тверь, ул. Речная, 2.

1977 — 1982 — учеба в Московском инженерно-строительном институте им. Куйбышева.

1982 — 1984 — строительство Нижне-Кутской ГЭС в пос. Нижний Кут Свердловской области. Мастер, прораб, начальник участка, и.о. главного инженера.

1984 — 1987 — работа по контракту с Энергетической компанией Венесуэлы, участие в строительстве электростанции на реке Сан-Хуан...»

Неплохо, отметил Панкратов. Если с двадцатичетырехлетним инженером заключает контракт Энергетическая компания Венесуэлы, это дорогого стоит. Парень-то, видно, не прост.

«В 1987 году Гольцов возвращается в Москву и включается в политическую борьбу, сближается с видными деятелями демократического движения Травкиным, Гавриилом Поповым, Черниченко, Старовойтовой, Афанасьевым, входит в политсовет партии «Демократический выбор России», возглавляемой Егором Гайдаром...»

Господи Боже мой! Кажется, это было только вчера: толпы возбужденных людей на Пушкинской площади

возле стендов газеты «Московские новости», шахтеры перекрывают Транссиб, на Манежной площади собирают для них пожертвования. И люди несут последние рубли. Панкратов и сам купил ящик свиной тушенки и привез его на Манежную. Но там брали только деньги, пришлось ехать к Олимпийскому комплексу, там взяли. Он смотрел на фуры, загружаемые нехитрой снедью, ношеной одеждой, одеялами и чувствовал, что у него ком подступает к горлу.

И вот прошло всего двадцать лет, и где это все? Кто помнит те яростные политические сшибки, куда девались тогдашние пламенные трибуны? Кого-то убили, как Старовойтову, кто-то, как Ельцин и Гайдар, сам умер, остальных замело время, как снег заметает сор на площади, когда уехал цирк.

«Весной 1996 года становится заместителем председателя предвыборного штаба президента Ельцина. Но через два месяца из-за разногласий с руководителями штаба переходит в предвыборный штаб генерала Лебеда и активно работает в нем вплоть до первого тура президентских выборов в июне 1996 года...»

Панкратов хорошо помнил то время. Несмотря на огромные финансовые средства и интеллектуальные силы, брошенные на выборы, в первом туре Ельцин набрал только 35,20 процентов голосов, Зюганов — 32,03, Лебедь — 14,52. Исход второго тура выборов не мог предсказать никто. Проценты генерала Лебеда, сами по себе незначительные, стали ключом от Кремля. Ельцин назначает его секретарем Совета безопасности России и получает голоса его избирателей. Во втором туре он набирает 53,82 процента

голосов, на десять процентов больше Зюганова, и становится президентом России. После этого Лебедь оказывается не нужен, своевольного генерала убирают из Совбеза, позже он выигрывает губернаторские выборы в Красноярском крае, а в 2002 году погибает при крушении вертолета, задевшего винтом за провод ЛЭП в условиях плохой видимости. Писали, что пилоты не хотели лететь, но были вынуждены подчиниться его приказу.

Ни во время пребывания Лебеда на посту секретаря Совбеза, ни позже, в пору его губернаторства, никаких должностей Гольцов не занимал, что было немного странно и даже как-то не в российской традиции. Люди в победившей команде, а третье место генерала Лебеда было огромной победой, всегда водружаются на высокие начальственные места. В объективке, составленной, вероятно, по анкетным данным, ничего этого не было. Гольцов занимался бизнесом, и его арест в 2004 году выглядел не то чтобы странным, но скорее уж нетипичным, как аллергическая опухоль на вполне здоровой руке. Ну да, после ареста Ходорковского открылся сезон охоты. Но далеко не на всех. Государство понимало, что пересажать-то можно всех, но кто тогда будет работать? Сажали политических противников и тех, чей бизнес можно присвоить. Ни к тем, ни к другим Гольцов не относился. В политику не лез, а захватить его бизнес не представлялось возможным, так как это было нечто устоявшееся, с налаженным производством, с оборудованием и товарной продукцией, которые можно продать. Это был процесс санации предприятий, доведенных до ручки неумелым менеджментом. Процесс не прикарманишь. Да, он был в списке самых

богатых людей России, но не в «Форбсе», а в журнале «Финансы». Так что и не это привлекло к нему внимание. Но почему-то его все-таки посадили?

Панкратов отложил папку и прошел на кухню. Была глубокая ночь. За окном давало о себе знать Бульварное кольцо глухим гулом машин и редкими гудками, как вскриками. В ожидании, когда закипит чайник, включил транзистор, попал на станцию «Юмор ФМ». Передавали речь Брежнева на каком-то съезде или пленуме ЦК КПСС. Панкратов не раз уже попадал на эту трансляцию, и всякий раз застревал у приемника на полчаса. Невозможно было оторваться от этой скрежещущей, как ржавый механизм, речи, с раскатистыми «р», с шамканьем, с вкусными причмокиваниями. А ведь когда-то это было вовсе не шуткой. Сравнительно недавно, еще на памяти Панкратова. Молодого Брежнева он не застал, а этот, шамкающий, намертво врезался в память.

«А ведь он говорит очень правильные вещи, — неожиданно подумал Панкратов. — И нынешние руководители тоже говорят очень правильные вещи. Интересно, как их будут слушать лет через двадцать?»

Чайник давно вскипел, передача закончилась, а Панкратов все сидел за кухонным столом, положив тяжелый подбородок на сомкнутые замком руки. Странные мысли роились у него в голове. В том, что говорили президент Медведев и премьер-министр Путин, он как бы слышал раскатистое «р» и шепелявость Брежнева, изпод торговых центров и небоскребов Москвы упрямо выпирали семь московских холмов, а сквозь мишуру демократической России неумолимо проступал Советской Союз.

IV

После катастрофы «Боинга» в Перми Федеральное агентство воздушного транспорта отозвало лицензию у авиакомпании «Аэрофлот-Норд» на то время, пока не будут устранены все недостатки, выявленные в ходе инспекционной проверки Росавиации. Надо полагать, пока командиры корабля не привыкнут садиться за штурвалы трезвыми, а экипажи не освоятся с иностранными приборами. Разыскивать дежурную, которая оформляла билет Гольцову, было делом бесперспективным, да и вряд ли она могла что-то добавить к тому, что уже рассказала. Панкратов поступил по-другому. Изучив расписание, он подошел к кассе и купил билет до Казани. Вылет в 15-15, прилет в 16-45.

— Рейс выполняет «Аэрофлот», — предупредила кассирша. — Четыре тысячи шестьсот шестьдесят семь рублей. Через три часа будет рейс «Трансаэро» — три тысячи семьсот пятьдесят четыре. Почти на тысячу рублей дешевле. Подождете?

— Нет, я спешу.

— Регистрацию уже объявили, приятного полета.

У стойки «Аэрофлота» отдал билет и паспорт дежурной, лет тридцати, в синем форменном костюмчике с красной шелковой косынкой и шрамом на подбородке, который ее не портил, а даже придавал ее простенькому личику какое-то своеобразие. Она ввела его данные в компьютер, спросила:

— Багаж есть?

— Нет.

— Что берете в салон?

— Ничего.

— Совсем ничего?

— Совсем. Куплю какой-нибудь детектив.

— Берите коротенький, лететь всего полтора часа, — посоветовала дежурная.

От зала ожидания сектор посадки отделялся несколькими рамками металлоискателей и аппаратами, просвечивающими содержимое ручной клади. Багажом занимались сотрудницы аэропорта, возле рамок металлоискателей дежурила милиция. Панкратов послушно выгрузил из карманов ключи от машины и квартиры, мобильник, всю мелочь, но детектор все-таки зазвенел. Пришлось снять и ремень с металлической пряжкой, совсем небольшой, но вызвавшей возмущение металлоискателя. Придерживая штаны, Панкратов, соблюдая все формальности, оказался в том, что раньше называли накопителем.

Ему много приходилось летать и в советские времена, и в постсоветские. По мере того как изменялась жизнь, менялись и накопители. Когда-то это были огромные мрачные помещения без окон, с бетонными полами, без единой скамейки. Когда в них набивалось человек сто пятьдесят — столько, сколько вмещал самолет, — открывалась дверь на летное поле и пассажиры устремлялись к самолетным трапам. Тому, кто попал в накопитель, обратного хода не было.

Постепенно накопители менялись. Сначала в них появились скамейки, потом окна, а потом они и вовсе исчезли. Накопитель аэропорта «Домодедово» ничем не отличался от залов ожидания — мраморные полы, мягкие кресла, световые табло у выходов на посадку. Панкратов устроился так, чтобы видно было табло. Когда появился номер казанского рейса и струйка пассажиров начала перетекать из накопителя в длинный

коридор, выходящий на летное поле, неторопливо поднялся и направился в зал ожидания.

— Гражданин, вы куда? — окликнул его милиционер, дежуривший у металлоискателя.

— Куплю чего-нибудь почитать.

— Там же есть газетный киоск.

— Ничего подходящего не нашел.

— Только не задерживайтесь, посадка уже идет.

В газетном киоске Панкратов купил несколько пухлых еженедельников, устроился в кресле в глубине зала ожидания и принялся листать их, время от времени поглядывая на часы. В 15-15 казанской борт взлетел, в 16-45 приземлился в Казани. Выждав еще четверть часа, он направился к стойке «Аэрофлота». Дежурная со шрамиком на подбородке удивилась:

— Вы не улетели?

— Это я и хочу узнать. Улетел я или не улетел. Запросите справочное, прибыл ли пассажир Панкратов в Казань. Панкратов — это я.

— Прибыл, — сообщила она, пошелестев клавиатурой компьютера. — Ровно в шестнадцать сорок пять.

— Значит, если бы самолет разбился, я попал бы в список жертв авиационной катастрофы?

— Что вы такое говорите! — возмутилась дежурная. — Наши самолеты не разбиваются!

— Иногда разбиваются, — возразил Панкратов. — 14 сентября 2008 года. Пермь. «Боинг 737» компании «Аэрофлот-Норд».

— Это был не наш самолет!

— Я и не говорю, что ваш. Я говорю, что иногда они все-таки разбиваются.

— На это я вам вот что скажу. Я десять лет летала стюардессой. И ничего. А однажды поехали на машине

в Крым и попали в аварию. С тех пор хромаю, а какая из хромой стюардесса? Я вот смотрю на вас и никак не могу понять, как это вы можете быть здесь и одновременно в Казани?

— Я тоже хочу это понять. Предположим, я перебрал лишнего в баре, задремал и опоздал на рейс...

— Вы не похожи на поддатого.

— Я сказал, предположим. Как контролируются пассажиры?

— Я сообщаю дежурным, сколько пассажиров зарегистрировалось. Они отрывают билеты и пересчитывают. В самолете старшая бортпроводница считает по занятым креслам. Если бы у вас был багаж, вас сразу бы вычислили. Если пассажир сдал чемодан в багаж, а сам не полетел — это ЧП. Кто его знает, что у него в чемодане. Но у вас багажа не было.

— Почему бортпроводница не обнаружила отсутствующего пассажира?

— Да ведь знаете, какая суматоха при посадке. Прочиталась. Или кто-то посадил двухлетнего ребенка на свободное кресло. По всякому бывает. Хотите сдать билет? С пассажира, опоздавшего на рейс, взимается двадцать пять процентов штрафа.

— Нет, — сказал Панкратов. — Я его сохранию на память. Спасибо, вы помогли мне разобраться в одном запутанном деле.

— Можно спросить? — остановила его дежурная. — У вас такая симпатичная стрижка, ужас как мне нравится. Я мужу всегда говорю, стригись покороче, тебе идет. Не получается. Как ни придет из парикмахерской, все не то. Где вас стригут? Если, конечно, не секрет.

— Это большой секрет, — серьезно ответил Панкратов. — Но вам, так и быть, скажу. Раз в два месяца жена берет машинку и стрижет меня наголо. С неделю

я не могу смотреть на себя в зеркало. Невыразимо противно. Потом привыкаю. Через два месяца все повторяется.

— Завтра же своего охломона постригу!..

Панкратов забрал машину с платной стоянки и выехал на шоссе. Он был доволен временем, проведенном в аэропорту. Кое-что удалось узнать, но что — в этом еще нужно разбираться.

Значит, чемодан отправить без пассажира нельзя. А купить билет, пройти регистрацию и не улететь — можно. И никто ничего не заметит. Осталось выяснить, что заставило Гольцова купить билет в Пермь и в последний момент отказаться от вылета. Если он отказался, в чем никакой уверенности у Панкратова не было.

Смущала машина, оставленная на стоянке. Если человек раздумал лететь, он сядет в машину и уедет домой. Зачем ему тащиться на автобусе-экспрессе или на электричке? Только в одном случае: если он хочет, чтобы все думали, что он улетел в Пермь. Когда стало известно о гибели самолета? Через час, полтора? В электричках радио нет, в экспрессах обычно крутят попсу. Значит, Гольцов узнал об этом уже в Москве. И не поспешил обзванивать родных и друзей, чтобы сообщить, что по счастливой случайности он остался жив. Значит, что? Значит, ему зачем-то было нужно, чтобы его посчитали погибшим. Зачем?

V

Каждый год в России бесследно исчезает больше семидесяти тысяч человек. Процентом десять из них — старые люди, страдающие потерей памяти, иногда они

обнаруживаются в тысячах километрах от дома. Процентом пятнадцать — оставленные без присмотра малолетние дети и подростки, сбежавшие от родительского насилия или в знак протеста против «ущемления» их свобод. В большинстве случаев их находят и возвращают под родительский кров. Но процентов десять так и остаются пропавшими без вести. В основном же исчезают люди вполне взрослые, никаким психическим заболеваниям не подверженные. Часто это гастарбайтеры, отправившиеся на поиски лучшей доли и не желающие возвращаться в нищие палестины. Нередки среди них злостные алиментщики, многоженцы, разорившиеся предприниматели, скрывающиеся от долгов. Да мало ли что может побудить человека уйти в бега.

По закону их ищут пятнадцать лет, после чего розыскное дело закрывается, а фигуранта объявляют умершим. Но родственники уже через пять лет могут по суду признать пропавшего безвестно отсутствующим и вступить во владение его имуществом, если такое имущество было.

Поиск пропавших всегда ведется по такой же отработанной схеме, по какой больных, доставленных на скорой помощи в приемный покой, подвергают стандартным процедурам: измерение давления, ЭКГ, анализ мочи и крови. Так же действует и милиция: осмотр места происшествия, если известно, откуда человек пропал, опрос тех, кто видел его в последний раз, опрос родственников и знакомых. Если по горячим следам ничего узнать не удалось, розыскное дело ложится на полку и пылится там до тех пор, пока фамилия пропавшего не мелькнет в милицейских сводках или из морга не сообщат о похожем трупе.

Панкратов знал о том, как работает милиция. И хотя ему никогда не приходилось разыскивать без вести пропавших, он не видел причин, почему нужно отступить от сложившейся практики. По правилам сейчас ему следовало бы встретиться с вдовой Гольцова, но с этим он решил подождать. Если допустить, что Гольцов не погиб и жена об этом знает, вряд ли она что-нибудь скажет, а у Панкратова не было никаких средств, чтобы расположить ее к откровенности. Поэтому он решил начать с ваганьковского камнереза Фрола. Но сначала нужно было взглянуть на надгробие, чтобы не оказаться в неловком положении, если этот Фрол спросит, видел ли он его. А он обязательно спросит, творческие люди очень ревниво относятся к своим творениям.

Контора Ваганьковского кладбища приятно удивила Панкратова своим видом. Не было сваленных в углу лопат с комьями глины, за столом не забивали козла свободные от работы могильщики, небритые, в замызганных робах и кирзачах, благоухающие перегаром. Такую картину Панкратов наблюдал лет десять назад на Люберецком кладбище, когда помогал вдове организовывать похороны знакомого. Приемная была похожа на обычный офис, могильщиков вообще не было, а в окошке с надписью «Справки» за компьютером сидел приличный молодой человек в приличном костюме с галстуком, типичный банковский клерк.

— Я хотел бы узнать, где похоронен один мой знакомый, — обратился к нему Панкратов.

— Нет проблем. Справка сто восемьдесят рублей. Фамилия?

— Гольцов Георгий Андреевич.

— Свидетельство о смерти есть?

— Нет.

— Когда похоронили?

— Точно не знаю. Вскоре после 14 сентября 2008 года.

— Справка триста двадцать рублей. За сложность поиска. Согласны?

— Ищите.

Клерк пощелкал клавиатурой.

— Нашел. Я могу назвать вам сектор и номер участка, но сами вы не найдете. Дать сопровождающего?

— Дайте.

— Плюс пятьсот. Итого восемьсот двадцать. Это в кассу. И сотни три дадите ему. Не обездолит?

— Выдержу.

— Минутку!.. — Клерк ушел в соседнюю комнату и вскоре вернулся с худосочным юношей в темном одеянии, напоминающем монашеское, с жидкой бороденкой и с черными волосами до плеч. — Иероним. Это его так зовут. Он здесь все знает.

Клерк получил деньги, дал Иерониму листок с номером участка и занялся другим посетителем.

— Усопший был вашим близким? — спросил Иероним.

— Я бы этого не сказал.

— Навестить могилу любого человека — богоугодное дело. Пойдемте...

Клерк не преувеличил, Иероним прекрасно знал кладбище. Минут через двадцать, покружив между могильными оградами, они оказались на месте.

— Вот. Раб Божий Георгий. Мир праху его. Назад дорогу найдете?

— Подождите меня, я недолго, у меня к вам еще одно небольшое дело, — сказал Панкратов и дал ему пятьсот рублей.

— Благодарствую, — с поклоном сказал Иероним и немного отступил назад, чтобы не мешать человеку в богоугодном деле.

Если бы Панкратов ничего не знал о Гольцове, то и тогда надгробие произвело бы на него впечатление. Но он уже кое-что знал, и в образе молодого человека, вырывающегося из глыбы белоснежного мрамора, угадывал то, что так и осталось в камне. Воображение дорисовывало дерзкий веселый взгляд, живость некрасивого, но поразительно обаятельного лица, неукротимую волю в крутых скулах и твердом подбородке. «Не хотел бы я иметь этого человека своим врагом», — почему-то подумал Панкратов.

— Нравится? — спросил Иероним.

— Да.

— Его рукой водил сам Господь Бог, истинно говорю вам.

— Чьей рукой? — не понял Панкратов.

— Рукой Фрола. Господь его посещает. Но редко. Чаще им владеют бесы. Мы все молимся за него.

— Помогает?

— Не очень. Не доходят наши молитвы. Наверное, нет в них настоящей веры.

— Где мне найти Фрола? — спросил Панкратов.

— Вам зачем?

— Хочу выразить ему свое восхищение.

— Ему будет приятно услышать доброе слово. У него мастерская под Ваганьковским путепроводом. Это недалеко. Спросите, его там все знают. Раньше там были гаражи, а сейчас обитают разные божьи люди.

— Бомжи?

— Каждый человек — раб Божий. Какая кому доля выпала, ту он и несет.

Панкратов достал тысячерублевую купюру и протянул Иерониму. Тот отрицательно покачал головой:

— Вы мне уже заплатили.

— Это не вам. Я не догадался принести цветов на могилу. Сделайте это за меня.

Уже отойдя от могилы, Панкратов оглянулся. В дымке хмурого зимнего дня белоснежное надгробие на черном гранитном постаменте словно бы светилось изнутри неземным, божественным светом.

VI

Путепровод Панкратов нашел без труда, припарковал машину в начале Беговой улицы, спустился под мост и тут сразу же потерялся. Горы мусора, огромные железные ворота, ведущие неизвестно куда, никого вокруг. Потянул на себя ржавую створку бокса, из которого доносились неясные звуки, и сразу же отшатнулся. В нос шибануло помойкой, внутри шевелились какие-то люди, мало похожие на людей, — в отрепьях, с тупыми бессмысленными лицами, с больными глазами. Спрашивать их о чем-то было бесполезно, они изъяснялись уже не на человеческом языке, а на каком-то другом, предчеловеческом. Остальные ворота были заперты, а в тех боксах, где ощущалась какая-то жизнь, на стук не отвечали, даже притихали, замирали, пережидая непрошенное вмешательство.

Панкратов прошел из конца в конец под мостом и хотел уж было уйти, но тут со стороны Беговой бодро вкатились два бомжа с тяжелыми рюкзаками и устались на Панкратора, как на приведение. По-видимо-

му, обычный человек в обычной одежде был здесь большой редкостью.

— Мужики, не подскажите, где мне найти Фрولا? Фрол, камнерез с Ваганьковского, — пояснил Панкратов.

— Он нам рассказывает, кто такой Фрол, — хмыкнул один из них. — На хера тебе Фрол?

— Есть к нему небольшое дело.

— Он не при делах, бухает. Попробуй. Крайний бокс с той стороны, видишь? Только стучи сильнее. Он, когда бухает, никому не открывает. Когда работает — тоже. Но ты стучи.

— Пошли, люди ждут! — нетерпеливо вмешался второй.

Возле одного из боксов они сбросили рюкзаки, в них звякнули бутылки, явно не пустые, постучали в железную дверь условным шпионским стуком. Дверь распахнулась, вырвался торжествующий вопль десятка глоток, дверь закрылась и снова все стихло. Жизнь продолжалась. Наверху своя, здесь своя.

У крайнего бокса Панкратов немного постоял, прислушался. Ни звука. Попробовал постучать кулаком, без толку, только перепачкался в ржавчине. Отыскал в мусоре кусок трубы, заколотил по створке так, что железо загудело. Сработало. Изнутри повозились с замком, бокс открылся, в проеме возник какой-то человек, пробурчал раздраженно:

— Ну чего молотишь, чего молотишь? Как по башке, надо же понимать. Быстрей заходи, дует!

Бокс был большой, без окон, с высоким сводчатым потолком, черным от гари, с ремонтной ямой и таями, сохранившимися от тех времен, когда здесь ремонтировали машины. С потолка на длинном проводе сви-

сала лампочка с жестяным абажуром, освещающая часть бокса, приспособленную под жилье: стол с бутылками и остатками еды, продавленная тахта, явно с помойки, два таких же кресла с ободранной обивкой. Остальное пространство терялось в темноте. В боксе было тепло, что немного удивило Панкратова. Приглядевшись, он заметил вдоль стен трубы теплоцентрали, отопление не отключили — то ли забыли, то ли по каким-то другим причинам.

— Располагайся, раз пришел, — недружелюбно предложил хозяин, опускаясь в кресло и деловито наливая себе водки в граненый стакан. — Будешь? Не паленка, не думай. Настоящий «Ермак». Уважаю!

— Нет, спасибо, я на машине, — отказался Панкратов.

— Была бы честь предложена. — Фрол как бы с усилием пропихнул в себя водку и откинулся в кресле, будто передыхая после трудной работы.

Только теперь Панкратов его рассмотрел. Он был в бордовом стеганом халате, когда-то богатым, с атласными отворотами, а теперь замызганным, с торчавшей из швов ватой. Халат распирала волосатая грудь, мощная, как у молотобойца. Длинные седые волосы перехватывал кожаный ремешок, глаза на блеклом лице светились неукротимым огнем, как у ветхозаветных пророков.

«Сумасшедший, — сразу решил Панкратов. Но тут же вспомнил надгробие Гольцова. — Или гений. Черт их разберет!»

Он никак не мог придумать, с чего начать разговор, но Фрол невольно помог вопросом:

— Как ты меня нашел?

— Подсказал монашек с Ваганьковского. Иероним.

— А, Ерема! — заулыбался Фрол. — Божий человек, все молится за меня. А того не может понять, что у каждого свой путь к Богу. У него вера и церковь, у меня это вот, — шелкнул он по стакану. — Ты пьешь?

— Случается.

— Тогда поймешь. Замечал, как бывает, когда наберешься под завязку? Ничего нет, есть только горние выси, и ты один на один с Ним. И паришь там, паришь. Все внятно, никаких загадок. «И внял я неба содроганье, И горний ангелов полет, И гад морских подводный ход, И дольней лозы прозябанье», — с чувством продекламировал Фрол. — Это Пушкин. Говорят, он не пил. А я так думаю, квасил по-черному. Уедет к себе в Болдино и поддает. А иначе откуда бы он все это знал?

— Гений, — неопределенно отозвался Панкратов.

— Вот! — почему-то обрадовался Фрол. — А кто такой гений? Тот, кто общается с Ним. Иногда. Часто нельзя, человек не выдерживает.

— А похмелье? — полюбопытствовал Панкратов, которому случалось выпивать со всеми вытекающими последствиями.

— А что похмелье? Коль ты побывал в раю, справедливо, если после этого посидишь в аду. За все нужно платить, закон природы. Погоди, подзаправлюсь... — Фрол пропихнул в себя еще полстакана водки, отдышался и оживленно продолжал: — Ерема говорит, что в меня вселяются бесы, когда бухаю. Нет, они вселяются, когда завязываю. Терзают, суки. А почему? Хотят вытравить память о том, как я был с Ним. Но ничего у них не выходит. Это остается тут, — Фрол постучал себя по лбу корявым пальцем. — И тут, — постучал по груди. — А главное тут — в руках. Ты думаешь, я сам

решаю, что из камня убрать, а что оставить? Нет, Он. Я всего-то инструмент в Его руке. Такие дела.

— Сколько вам лет? — спросил Панкратов.

— Сорок. Нет, сорок уже было. Сорок один. Или сорок два. Не помню.

— Вы учились скульптуре?

— Этому не учат. Это или есть, или нет и никогда не будет. Когда-то учился в Суриковском. Давно. На третьем курсе мои работы похвалил Неизвестный. Эрнст Неизвестный, слышал про такого? Сказал: в парне есть искра Божья. После этого меня из института поперли.

— За то, что похвалил Эрнст Неизвестный?

— Да нет, за пьянку.

— А потом?

— Потом пошла жизнь. Нужно было кормить семью. Так и стал камнерезом.

— Семья сохранилась?

— Куда-то исчезла, ничего про нее не знаю. А ты, мужик, кто? Повадка у тебя ментовская.

— Нет, я не из милиции. Я сам по себе. Один человек рассказал мне, что вы разговаривали на могиле Гольцова с живым Гольцовым. Было такое?

— Ну да, было. А что?

— Я хотел бы кое-что уточнить. Посмотрите на эти снимки...

Панкратов убрал со стола пустые бутылки и выложил штук тридцать фотографий. Накануне он полдня просидел за компьютером, скачивая из Сети снимки самых разных людей, близких по возрасту, лет по пятьдесят, и печатая их на цветном лазерном принтере. Среди них была только одна сканированная фотография Гольцова — из папки, которую передал ему Михе-

ев. Снимок был сделан, вероятно, сразу после выхода Гольцова из лагеря — в казенной одежде, с настороженным выражением лица.

— Вы кого-нибудь узнаете из этих людей?

Фрол скользнул взглядом по снимкам и сразу ткнул в Гольцова:

— Он. Такой он и был, когда я с ним разговаривал.

— Спасибо, вы мне очень помогли. Я был сегодня на Ваганьковском кладбище, видел вашу работу. Я небольшой знаток, но она произвела на меня сильное впечатление.

— Ничего получилось, — как-то равнодушно воспринял комплимент Фрол. — Я вот еще немного пообщаюсь с Богом... Вот, всего пол ящика осталось, — уточнил он, заглянув под стол. — Оклемаюсь и кое-что сделаю. Вот это будет нечто.

— Тоже надгробье?

— Мой жанр.

— Чье?

— Неважно. Важно, что. Вот как это будет называться — судьба. Страшное это дело, судьба. Никогда не думал об этом?

— Страшное чем? — не понял Панкратов.

— Тем, что она конечна. Всегда. Черточка между рождением и смертью. И все. Второй черточки никогда не бывает.

Фрол шелкнул у стены рубильником, середина бокса осветилась сильными лампами. Это была мастерская камнереза. Длинный самодельный стол с аккуратно разложенными инструментами, блоки то ли глины, то ли пластилина в целлофане. На невысоких козлах из толстых брусках возвышалось что-то, накрытое мешковиной.

— Получили заказ? — поинтересовался Панкратов. — От кого?

— А хрен его знает. Приехал какой-то малый на этом... сквотере, скрутере? Никак не запомню.

— Скутере? — подсказал Панкратов.

— Ну да, на такой желтой перделке. Чернявый, вроде кавказца. Дал фотки и аванс. А больше мне ничего и не надо.

Фрол снял мешковину с того, что было на козлах. Под светом ламп заискрилась на сколах бесформенная глыба какого-то черного камня. Камнерез провел по ней руками, то ли оглаживая ее, то ли ощупывая.

— Я уже знаю, что буду делать. Даже в руках зудит. Но еще рано, еще немного рано.

— Это гранит? — спросит Панкратов.

— Габро. Научно говоря, габродиабаз. Из Карелии. Живой камень. Душа в нем есть, только ее нужно почувствовать.

— И все-таки — кто это будет?

— Фотки там, на столе, в папке, — отозвался камнерез, бережно укутывая мешковиной камень.

В папке была пачка цветных снимков. И со всех снимков смотрел на Панкратова генеральный директор ЗАО «Росинвест» Олег Николаевич Михеев.

Вернувшись на Беговую, Панкратов долго сидел в машине, задумчиво барабаня пальцами по рулю. Потом завел двигатель и выехал на Ленинградский проспект. Он уже знал, куда едет — в Тверь, в детский дом №24, где десять лет прожил Георгий Гольцов, осиротевший после того, как его отца застрелили на площади в Новочеркасске 2 июня 1962 года, а его дядю на 12 лет отправили в «Устимлаг».

Глава третья

РАССТРЕЛ НА ПЛОЩАДИ

I

«Утром 2 июня 1962 года к воротам Новочеркасского электровозостроительного завода имени Буденного начал стекаться рабочий люд. Но по цехам не расходились. Завод стоял. Застыли станки в механических цехах, по литейке не проплывали ковши с расплавленным металлом, на сборке не суетились слесаря возле остовов электровозов. А толпа все росла — хмурая, молчаливая, как бы накапливающая в себе энергию действия. Никто не знал, что этот день войдет в историю России, как вошло «кровавое воскресенье» 9 января 1905 года, но все знали, что в этот день что-то произойдет.

К девяти часам у проходной собралось все взрослое население поселка Буденовский, все четырнадцать тысяч рабочих электровозостроительного завода. Пришли жены рабочих, принаряженные, как на праздник, набежала вездесущая ребятня. Какой-то малости не хватало, чтобы энергия толпы превратилась в действие.

Эта малость явилась в виде плаката, написанного на простыне заводским художником Коротеевым: «Мясо, масло, повышение зарплаты!» (За этот плакат он позже получил двенадцать лет колонии строгого режима.) По толпе пронеслось: «Пошли!» Не нужно было говорить куда, все и так знали: в центр города, к Атаманскому дворцу, где помещались Горком партии и горисполком. «Мы им все скажем!» Многотысячная толпа двинулась в путь, заполняя собой широкую, как выгон, улицу. Несли портреты Ленина из старых запасов заводского профкома, несли свежие лозунги, заготовленные к несостоявшемуся празднику освобожденного труда: «Да здравствует освобожденный труд!»

От поселка Буденовского до Атаманского дворца было двенадцать километров...

События, взбунтовавшие мирный южный город Новочеркасск, начались двумя днями раньше. 31 мая 1962 года появилось правительственное постановление о повышении цен на мясомолочные продукты. Мясо, стоившее рубль двадцать копеек килограмм, стало по два рубля. Молоко — 35 копеек литр вместо 20 копеек. Масло — 3.40 вместо 2.20. Все цены скакнули в среднем на 30 процентов. Хрущев, в то время Первый секретарь ЦК КПСС, понимал, что простым постановлением тут не отделаешься, нужно объяснить советскому народу, чем оно вызвано. Обращение писали четыре группы экспертов, рассаженные по цэковским пансионатам. Все их варианты Хрущев забраковал, написал свой. Объяснил по-нашенски, по-простецки. Уже год мы вынуждены покупать пшеницу в Канаде, а денег в казне нет. Снизить расходы на оборону не можем, сами понимаете почему, сельское

хозяйство работает себе в убыток из-за низких закупочных цен. Придется вам, товарищи рабочие, эту нагрузку взять на себя. Мера эта временная, как только, так сразу. Как ни странно, сработало. Во временность, конечно, никто не поверил, но волнений повышение цен не вызвало. Поматерили «кукурузника», не без этого, на том и кончилось.

В Новочеркасске тоже ничего бы, вероятно, не произошло, если бы повышение цен не совпало со снижением заводских расценок на 30 процентов. Директор НЭВЗ Курочкин объявил об этом первого июня. Ему спустили указание сверху, он издал соответствующий приказ. Тридцатипроцентное повышение цен на основные продукты и снижение на треть расценок означало, что у рабочих, получавших по 80—100 рублей, жизненный уровень упадет как минимум вдвое. Курочкина окружили возмущенные рабочие литейного цеха: «Как жить? И так еле сводим концы с концами!» Директор отбивался: «Я-то при чем? Мне приказали!» «Вы все не при чем! А нам чем кормить семьи? Мясо и раньше было через раз, а теперь к нему не подступишься!» Донельзя раздраженный и разозленный директор не выдержал: «Не хватает на мясо? Жрите пирожки с ливером!» Фраза мгновенно облетела литейку, а затем и весь завод. По цехам пронеслось: «Бросай работу!»

Неурочно и оттого тревожно, будоражаще заревел заводской гудок. Гудок включил слесарь Гладышев. Он ревел десять минут. (За это Гладышев потом получил десять лет.)

Рабочая забастовка на крупнейшем предприятии Новочеркаска — это было ЧП. Из Ростова примчался первый секретарь обкома КПСС Басов. Его призы-

вы успокоиться и вернуться на рабочие места только разъярили толпу. Басова и сопровождающих его лиц загнали в заводоуправление, оттуда их потом вывели черным ходом. Энергия бастующих требовала выхода. Баррикадой перекрыли железную дорогу: пусть о нас узнают в Москве. Десятки пассажирских и товарных поездов застыли в степи. Послали гонцов на другие предприятия Новочеркаска с призывом поддержать забастовку, одновременно отправили отряд из тридцати человек на газораспределительную станцию с заданием перекрыть газ и остановить все заводы.

Позже следствию так и не удалось установить, кто руководил действиями митингующих. Не было никакого забастовочного комитета, не было вожakov. Да и откуда бы им взяться? У молодых рабочих никакого опыта не было. А между тем было немало людей, умевших действовать в сложных обстоятельствах и принимать командование на себя. Всего семнадцать лет назад кончилась страшная война, были живы и полны сил ее участники, которых еще не называли ветеранами, молодые солдаты и офицеры, писавшие с фронта родным: «Потерпите еще немного, мы скоро вернемся и покажем этим блядам, как Родину любить!» Они вернулись. Никому ничего не показали. Но умение не забылось.

Власти понимали, что бездействия им не простят. Но что делать, этого не знал никто. Делали то единственное, что умели. По приказу первого секретаря обкома начальник Новочеркасского гарнизона генерал-майор Олешко поднял по тревоге 500 курсантов 12-й артиллерийской школы и выдвинулся с ними к НЭВЗу. Но

разогнать митинг не удалось, рабочие встретили их камнями, курсанты поспешно отступили. Одновременно из Ростова прибыли 150 военнослужащих 505-го полка внутренних войск. Их действия были более успешными: они разблокировали железную дорогу, очистили от забастовщиков газораспределительную станцию и арестовали тридцать зачинщиков беспорядков. Солдаты внутренних войск и милиция взяли под охрану госбанк, почту, телеграф, радиоузел, административные здания, из банка вывезли сейфы с ценностями.

Вечером первого июня в город вошли несколько танков и бронетранспортеров.

Тем же вечером о рабочих волнениях в Новочеркасске доложили Хрущеву. Он приказал навести порядок и отправил в мятежный город членов Президиума ЦК КПСС Микояна, Кириленко, Ильичева, Козлова, Полянского, Шелепина — всех, кто попался ему на глаза, почти половину тогдашнего Политбюро. Утром 2 июня их самолет приземлился в Ростове. Среди встречавших высоких гостей был командующий Северо-Кавказским военным округом, Герой Советского Союза, генерал армии Исса Плиев. Едва сойдя с самолетного трапа, Кириленко обрушился на него:

— Почему в Новочеркасск до сих пор не введены войска?

На что Плиев ответил:

— Армия со своим народом не воюет.

Фраза эта до сих пор вызывает споры. Сказал ее прославленный герой Великой Отечественной войны всемогущему члену Президиума ЦК КПСС или благо-

разумно промолчал? Могло быть и то, и то. При всей своей власти Кириленко не мог отдавать приказы командующему округом, он подчинялся министру обороны Малиновскому, а директивы от Малиновского не было. Пока не было.

В Атаманском дворце Новочеркаска для приема московских гостей накрыли стол с черной и красной икрой и деликатесной донской рыбой. Но им было не до фуршета. Прибежал посыльный:

— Они вышли!

Гостей успокоили:

— Далеко не уйдут. Мост через реку Тузлов перекрыт танками и бронетранспортерами. Другой дороги нет. Но вам лучше перейти в более безопасное место. На всякий случай.

Таким местом был бывший Кадетский корпус, где теперь находились кавалерийские курсы. Члены Президиума переместились туда. Здесь их догнало новое сообщение:

— Они подошли к мосту!..

Они подошли к мосту. Тысячи хмурых мужчин, исполненных решимости добиться справедливости. Два танка и три бронетранспортера, поставленные впри-тык, борт к борту, гусеница к гусенице, перегораживали мост. Прямо в толпу были нацелены пушки, наглухо задраены люки.

Бронетехника выдвинулась на мост по приказу заместителя командующего округом, Героя Советского Союза, генерал-лейтенанта Матвея Шапошникова. По его же приказу табельным оружием были вооружены только офицеры, боекомплект танков и БТР остался на

складе. Этот приказ позже стоил ему военной карьеры, его отправили в отставку, а через несколько лет исключили из партии и возбудили уголовное дело за антисоветскую агитацию — за его рассказы о том, чему он был свидетелем в Новочеркасске.

Но в толпе этого не знали, и в первый момент возникло замешательство. Никто не верил, что танкисты будут стрелять по своим, но кого не остановит вид направленных на тебя оружейных стволов? Нужна была немалая решительность, чтобы шагнуть к танкам. И такие люди нашлись. И снова из тех, кто еще помнил, как ходил на фашистские танки со связкой гранат. Шагнули. Танки молчали. Протиснулись между гусеницами, забрались на броню. Танки молчали. И вся толпа, как муравьи, преодолевающие преграду, сплошной массой полезла по танкам и БТР. Танки молчали.

Препятствие осталось позади, бастующие вышли на улицу Московскую, ведущую к центру города. По пути к ним присоединялись рабочие других заводов. Милицейские и военные патрули, высланные на перехват, поспешно скрывались в переулки при приближении многотысячной грозной толпы.

До Атаманского дворца оставалось всего три километра...

О том, что в Новочеркасске складывается опасное положение, Хрущеву доложили около полудня, когда он открывал новый Дворец пионеров на Ленинских горах. В шифрограмме члены Президиума ЦК КПСС просили Первого секретаря разрешить использовать войска для подавления мятежа. Она очень болезненно подействовала на Хрущева, так не вязалось ее содержание с тем, что он видел вокруг себя: белые рубашки,

красные галстуки, счастливые детские лица. «Запрещаю! — бросил он офицеру связи, не переставая улыбаться и отвечать на приветствия. — Их послали навести порядок, а не воевать с рабочими!»

Ответ Хрущева произвел в Кадетском корпусе гнетущее впечатление. Здесь не сомневались, что разрешение будет получено, и подготовились к нему. Как могли. Создали Оперативный штаб во главе с заместителем министра МВД СССР Ромашовым, по его приказу в Новочеркасск срочно перебросили 98-й отдельный батальон из Каменска-Шахтинска, 566-й полк из Грозного и весь оставшийся в Ростове личный состав 505-го полка внутренних войск. Солдаты получили патроны и были готовы выполнить любой приказ командования. Запрет Хрущева поломал все планы. В Кадетском корпусе растерялись. Члены Президиума ЦК КПСС, привыкшие стоять на Мавзолее и приветствовать восторженные демонстрации, не понимали, что происходит и как нужно на происходящее реагировать. Леонид Федорович Ильичев, Секретарь ЦК КПСС и Председатель Идеологической комиссии ЦК КПСС, все повторял: «Это религиозные сектанты, это они!» «Какие к черту сектанты, — возразили ему. — Где вы увидели сектантов?» «Тогда кто? Советские рабочие не могут выступить против советской власти! Знаю, это казаки, это казаки взбаламутили население!»

— Они уже на площади Революции, — доложил очередной гонец. — Через полчаса будут здесь.

— Фрол Романович, звони самому, — обратился Микоян к Козлову.

— Почему я?

— Тебе поверит.

По спецсвязи Козлов связался с Хрущевым:

— Никита Сергеевич, в городе антисоветский мятеж.

— Антисоветский? — мгновенно разъярился Хрущев. — Подавить беспощадно!

Через пятнадцать минут командующий Северо-Кавказским военным округом генерал армии Плиев получил директиву министра обороны СССР маршала Малиновского с разрешением использовать армию для подавления антисоветского мятежа.

Они не могли не врать.

Многотысячная толпа с портретами Ленина и лозунгами «Слава освобожденному труду!» до отказа заполнила сквер перед Атаманским дворцом и прилегающие улицы. В толпе скандировали: «Мяса! Масла! Повышения зарплаты!» Председатель Новочеркасского горисполкома Замула и заведующий отделом ЦК КПСС Степаков попытались с балкона обратиться к собравшимся и призвать их к благоразумию. Их заглушили возмущенные крики и свист. Разъяренные рабочие смяли солдат охраны и ворвались в горком. Все, кто еще оставался в Атаманской дворце, повыпрыгивали со второго этажа во двор. Деликатесы, обнаруженные в банкетном зале, были показаны с балкона и выброшены в толпу. «Они жрут икру, а мы голодаем!» Возмущение достигло предела. Послали делегатов в Кадетский корпус, где под усиленной вооруженной охраной скрывался Микоян и другие члены Президиума ЦК КПСС. Микояна знали, потребовали встречи с ним. Анастас Иванович к делегатам не вышел. Одновременно группа рабочих направилась к горотделу милиции, чтобы освободить тридцать забастовщиков, арестованных на газораспределительной станции.

Директива маршала Малиновского, разрешающая применить военную силу для усмирения бунтовщиков, одновременно обязывала ее применить. Начальник Новочеркасского гарнизона генерал-майор Олешко с пятьюдесятью вооруженными автоматчиками направился к Атаманскому дворцу и предпринял попытку оттеснить толпу от здания. Толпа не поддавалась, уговоры и приказы не действовали. Солдаты дали предупредительный залп поверх голов. С окружавших сквер деревьев посыпалась пацанва, залезшая на деревья, чтобы все лучше видеть. Толпа отхлынула. Но кто-то крикнул: «Стреляют холостыми, по своим не будут стрелять!» Задние напирали. Солдаты дали еще один предупредительный залп в воздух. Толпа не остановилась. Кто-то попытался отнять у солдата оружие. И тогда последовал залп по людям...

Трагические события всегда обрастают легендами. Говорили, что на площади остались сотни трупов. Нет, было убито 17 человек и 89 ранено. Еще четыре человека погибли и несколько были ранены при попытке восставших освободить арестованных товарищей. Один из них сумел вырвать автомат у часового. Его напарник открыл огонь на поражение. Случайной пулей был убит проходивший мимо 15-летний подросток.

Говорили, что погибли дети, срезанные автоматными очередями с деревьев. Однако в захоронениях жертв новочеркасской трагедии, вскрытых спустя три десятилетия, детских трупов не было обнаружено.

Говорили, что какой-то майор при виде кровавого побоища застрелился прямо на площади, перед толпой. Не было такого майора. Он тоже был рожден народным воображением.

Говорили, что русские солдаты отказались стрелять в русских людей и их спешно заменили на нерусских. И это неправда. Правда в том, что в русских рабочих стреляли русские солдаты. Правда в том, что советская власть не нашла другого языка для разговора с советским народом, кроме оружия.

Площадь опустела. Трупы сволокли в морг инфекционной больницы, раненых рассовали кого куда. Пригнали пожарные машины, убрали обломки портретов Ленина и лозунгов «Слава освобожденному труду!», брандспойтами смыли с асфальта кровь. И всего через час на площади с еще мокрым асфальтом и пятнами крови состоялся концерт артистов Ростовской филармонии и самодеятельных коллективов, срочно доставленных в Новочеркасск. Это был очень странный концерт, на нем не было зрителей.

Два последующих месяца город жил, как в осаде. По ночам милицейские «воронки» разъезжали по темным улицам, из домов выволакивали людей и утрамбовывали ими камеры Новочеркасской тюрьмы. Брели тех, кто попал в объективы фотоаппаратов и кинокамер сотрудников КГБ в штатском, усердно снимавших все события.

14 августа в здании бывшего Кадетского корпуса под усиленной охраной милиции и войск МВД начался процесс над участниками событий 2 июня. Вел заседания председатель Верховного суда РСФСР Смирнов, государственное обвинение поддерживал прокурор РСФСР Круглов. Процесс длился до 20 августа. Семь обвиняемых в организации антисоветского мятежа были приговорены к расстрелу, больше ста — к лагерям

строгого режима сроком от 10 до 12 лет. Приговор был приведен в исполнение. Обжалованию приговор не подлежал.

27 июля 1962 года в местной прессе было опубликовано решение городского Совета депутатов трудящихся «Об охране общественного порядка в городе Новочеркасске». В нем указывалось на недопустимость недостойного поведения на улицах, порчи деревьев, скамеек, замусоривания тротуаров шелухой и распития спиртных напитков в общественных местах.

Можно замолчать правду о трагедии. Можно сажать за разговоры о ней. Но вытравить ее из памяти народа нельзя. Она жива и проявляется самым неожиданным образом.

19 августа 1991 года заместитель командующего ВДВ отказался выполнить преступный приказ министра обороны маршала Язова и во главе батальона тульских десантников взял под охрану здание Верховного Совета РСФСР — Белого дома.

В 1962 году ему было 12 лет. Он был одним из тех пацанов, что сидели на деревьях в сквере у Атаманского дворца.

Звали его Александр Лебедь...»

II

Эту главу из документальной книги неизвестного ему автора Ларионова «Огонь на поражение» Панкратов читал в Ленинской библиотеке на другой день после возвращения из Твери особенно внимательно. Книгу показал ему бывший директор детского дома №24, глу-

бокий пенсионер, живущий в пристройке при доме — маленький, словно бы усохший, с седым хохолком на голове, почему-то делающим его похожим на воробья. Директором детского дома была его дочь, лет сорока, с виду типичная бизнес-вумен, но без московской лощености и с певучим тверским говорком. Узнав, что Панкрата интересуют Георгий Гольцов, сразу сказала:

— Я знаю, с кем вам нужно поговорить.

Провела Панкрата по светлому гулкому коридору, спустилась по лестнице в пристройку, постучала в какую-то комнату:

— Отец, можно к тебе? Вот господин из Москвы интересуется Георгием. Поговори с ним. — Объяснила: — Папа у нас живая история детдома. Знает все и обо всех. Его зовут Николаем Алексеевичем. Если что-нибудь будет нужно, я у себя.

Комната была небольшая, опрятная, со школьным письменным столом и кроватью, покрытой серым солдатским одеялом. Она была похожа на келью.

— Вы здесь и живете? — поинтересовался Панкратов.

— Ну да, здесь. У дочери квартира в городе, но там дети, зять, буду только мешаться под ногами. А здесь я сам себе хозяин. Вы писатель? — спросил Николай Алексеевич.

— Разве я похож на писателя? — удивился Панкратов.

— Нет, вы похожи на милиционера.

— Когда-то был кем-то в этом роде. Но очень давно.

— А кто сейчас?

— Даже не знаю. Посредник. Помогаю людям мирно разрешать конфликты.

— Ну что, тоже дело. Почему вы заинтересовались Георгием? Вы Георгия Гольцова имели в виду?

— Да. Возникли некоторые неясности, — уклончиво ответил Панкратов. — Вы знаете, что он погиб?

— Конечно, знаю. Это для всех нас было огромное горе. Его любили все. И старшие, и малышня. Он столько сделал для нас. Мы ездили на похороны. На автобусе. У нас замечательный автобус, «Икарус». Автобус нам тоже он купил. Вы видели наш дом?

— Нет.

— Пойдемте покажу, вам будет интересно.

Николай Алексеевич накинул меховой колушок, на голову натянул лыжную шапку с помпоном и сразу стал похож на гнома.

Еще подъезжая к детскому дому на Речной, разместившемуся немного на отшибе от пригородов, Панкратов обратил внимание, что он обнесен забором, но не сплошным, а с красивыми коваными решетками. В глубине стояло новое трехэтажное здание, а на участке — с десятков небольших двухэтажных коттеджей из красного кирпича.

— Дом нам построил Георгий, — объяснил Николай Алексеевич. — На третьем этаже спальни для малышни, на втором классы, на первом столовая и спортзал. Хотел построить крытый бассейн. Не успел.

— Коттеджи — тоже он построил?

— Не совсем. У него был большой бизнес с немецкой фирмой «Блюменгартен». Удобрения, садовое оборудование и все прочее. Так он уговорил немцев вложиться в благотворительность. Они и построили коттеджи. Сначала называли «Киндердорф» — «Детская деревня», но название не прижилось. В них живут старшие дети, от семи до восемнадцати, школьники.

В каждом человек по восемь. Отдельная воспитательница. Не семья, но хоть какая-то иллюзия семьи.

— Хватает финансирования, чтобы все это обслуживать?

— Нет, конечно. Помогают спонсоры, наши воспитанники. Те, кому повезло. А главное — фонд Георгия. Им руководит его вдова Вера Павловна. Знакомы?

— Еще нет.

— Интересная дама. Деловая. После гибели Георгия у фонда были трудности, но потом все наладилось.

— Потом — это когда?

— Месяца через три.

Николай Алексеевич завел гостя в один из коттеджей, с гордостью показал светлые спальни, гостиную с телевизором и компьютерами.

— А где дети? — спросил Панкратов.

— В школе. Они ходят в обычную школу. Была мысль сделать закрытый лицей, но я возражал. Это неправильно, нельзя им отрываться от жизни. А теперь пойдете, покажу наш музей.

Музей располагался в пристройке к зданию, рядом с каморкой Николая Алексеевича. Все стены были увешены коллективными снимками выпускников детдома, в книжных шкафах стояли альбомы с фотографиями. Отдельный стенд был посвящен Гольцову. Панкратов с интересом разглядывал снимки. От черно-белых, уже тусклых, с угловатым подростком с упрямым выражением лица, до более поздних, крупных, цветных. На одном из них Гольцов был запечатлен во фраке рядом с молодой смуглой женщиной в белом свадебном платье какой-то удивительной, нездешней и будто бы неземной красоты.

— Это кто?

— Его первая жена. Барбара Валенсия. Он привез ее из Венесуэлы. Она была у него переводчицей, когда он строил там электростанцию. Свадьбу устроил у нас. Как и положено — дома. Это был замечательный праздник.

— Красивая девушка, — отметил Панкратов.

— Не то слово! Чудо! Как экзотический цветок. Вроде орхидеи. Я еще тогда подумал: не нужно бы ей приехать в Россию, эта страна не для нее. И как в воду глядел.

— Они разошлись?

— Она умерла. Через три года. При родах. Ни ребенка, ни ее спасти не удалось. Не знаю почему. То ли скорая не сразу приехала, то ли еще что. Георгий ходил весь черный, я за него даже боялся. Не климат у нас для орхидей. Здесь другие цветы выживают — попроще. И лучше с шипами.

— Его вторая жена, Вера Павловна, попроще?

— Она с шипами.

В альбоме с фотографиями Гольцова Панкратов обратил внимание на старый снимок. На нем Георгию было лет двенадцать-тринадцать, а рядом с ним — какой-то высокий худой человек болезненного вида. При всей разнице в возрасте в их лицах было что-то неуловимо общее.

— Это дядя Георгия, старший брат отца, — объяснил Николай Алексеевич. — Его осудили на двенадцать лет, через десять лет амнистировали и выпустили. От него Георгий узнал, почему стал сиротой. Это было для него потрясением. Тема Новочеркаска стала для него больной на много лет. После возвращения из Венесуэлы он финансировал книгу о тех событиях. Вот эту...

Николай Алексеевич бережно взял с витрины томик в яркой бумажной обложке. Панкратов прочитал: «Русские тайны. Валерий Ларионов. Огонь на поражение». На титульном листе — надпись: «Милому моему дому. Георгий Гольцов, 1989 год».

— Подарить не могу, единственный экземпляр. Я почему спросил, не писатель ли вы? Ларионов приезжал к нам несколько раз, расспрашивал о Георгии. После его гибели Вера Павловна заказала ему книгу о муже.

— Книга вышла?

— Нет, что-то не получилось. Я и подумал, что она нашла другого писателя...

Николай Алексеевич вышел проводить московского гостя к машине. Смеркалось. От пригорода к дому тянулись малыши с пудовыми ранцами, старшеклассники с рюкзачками и кейсами. Обычные школьники и школьницы, ничем не напоминающие детдомовцев. С Николаем Алексеевичем здоровались без особой почтительности, свободно, весело.

— Дети... Все мои дети... — растроганно произнес он и шумно высморкался в большой клетчатый платок. — Что-то я стал сентиментален на старости лет... Вы узнали то, что хотели узнать?

— Да, спасибо, — ответил Панкратов. — Кое-что прояснилось.

Теперь можно было ехать к вдове. Но что-то мешало, что-то тормозило. Панкратов не понимал, что, и это вызывало у него раздражение. И наутро он отправился не к вдове Гольцова, а в Ленинскую библиотеку, где несколько часов просидел в читальном зале над книгой Ларионова «Огонь на поражение».

III

Писатель Ларионов жил в подмосковном дачном поселке в деревянном доме с мансардой в глубине просторного участка с соснами и старыми яблонями. На участке был гараж из силикатного кирпича и еще какой-то флигель. Все листья с яблонь давно уже облетели, на облепленных мокрым снегом деревьях в темноте светились неснятые яблоки.

Адрес и телефон Ларионова Панкратов нашел в справочнике Союза писателей. Но дозвониться и договориться о встрече не удалось, механический голос раз за разом отвечал: «Неправильно набран номер». Справочник был старый, телефон, возможно, сменился. И все же Панкратов решил поехать.

Помятуя, что писатели чаще всего не любят рано вставать и не желая ломать рабочий день Ларионова, он выехал из Москвы хорошо после обеда, часа полтора проторчал в пробках на загородном шоссе и дом писателя нашел уже в темноте. Звонка на калитке не было, замка тоже. Панкратов прошел по узкой дорожке, поднялся на крыльцо и нашарил кнопку звонка. Ни звука. Понажимал еще. То же. Пришлось стучать. Из флигеля выглянул какой-то молодой человек:

— Вы к отцу? Он в гараже. Зайдите с улицы, там открыто.

Из гаража доносился звук то ли дрели, то ли еще какого-то механизма. Панкратов вошел и едва не поперхнулся от густой белесой пыли. Ее извергала шлифовальная машинка, которой немолодой слесарь в комбинезоне на голое тело обдирает шпаклевку с боины «Жигулей». Другой слесарь копался в моторном

отсеке. Увидев незнакомого человека в дверях, первый выключил машинку.

— Вам кого?

— Могу я видеть Ларионова?

— Валерий, тебя!

Второй слесарь, постарше, совершенно трезвый, но с помятым лицом хорошо пьющего человека, вылез из-под капота и подошел к посетителю, вытирая руки ветошью. Увидев у гаража «фольксваген-пассат» Панкратова, сразу сказал:

— Нет, мы такие машины не чиним. Квалификации не хватает, там же электроники напихано до чертовой матери. «Жигули» и старые иномарки — это пожалуйста

— Вы Ларионов? — спросил Панкратов.

— Да.

— Писатель Ларионов?

— Давно меня так не называли.

— Мне нужно с вами поговорить.

— Вам нужно поговорить с писателем Ларионовым? — недоверчиво уточнил писатель Ларионов.

— Да.

— Что ж, давайте поговорим.

Ларионов обернулся к напарнику:

— Я на сегодня все. Да и ты закругляйся. Пойдемте, — предложил он Панкратову. В доме поднялся по крутой лестнице в мансарду, завел Панкратова в кабинет. — Подождите, я в душ и переоденусь. Кофе будете?

— Спасибо, не откажусь.

Панкратов с интересом осмотрелся. Кабинет был небольшой, с книжными полками, с громоздким двухтумбовым письменным столом, старым, с облезлой сто-

лешницей, прожженной сигаретами, с кругами от стаканов или бутылок. Рабочее кресло с продранными подлокотниками, мягкое кресло сбоку стола. Мертвый монитор компьютера с пыльным экраном. Пыль на столе, на принтере, на клавиатуре. Похоже, в этом кабинете давно никто не работал.

Внимание Панкратова привлекла отдельно повешенная книжная полка и на ней знакомый корешок. Это была книга Ларионова «Огонь на поражение». На титульном листе надпись: «Спасибо. Г.Гольцов». Панкратов перебрал другие книги на полке. Алена Снигирева, «Мой любимый убийца». Маша Зарубина, «Смертельная страсть». Эдуард Хан, «Полиция нравов».

Вошел Ларионов, в свободном пуловере и домашних джинсах, с жестяным подносом, на котором дымились две чашки кофе, стояла бутылка водки и два стограммовых хрустальных стопаря. Кивнул на кресло сбоку стола:

— Располагайтесь. Вы из милиции?

— Можно сказать и так, — согласился Панкратов, решив, что это проще, чем объяснять, кто он и откуда.

— Выпьете?

— Я на машине.

— Ну и что? Вы же из милиции. Водка хорошая, «Ермак».

— Нет, спасибо.

— Ну, как знаете.

Ларионов наполнил стопарь, оприходовал его, запил глотком кофе и с удовольствием закурил.

— Вчера в Ленинке я прочитал вашу книгу, — начал Панкратов. — Вот эту — «Огонь на поражение». Очень

интересно, я об этой трагедии почти ничего не знал. Как я понял, Георгий Гольцов ее тоже читал? На титуле его надпись.

— Читал, — подтвердил Ларионов. — Раз водки не хотите, пейте кофе, остынет.

— Ему понравилась?

— В целом да. Но были вопросы. Мне так и не удалось выяснить, кто отдал солдатам приказ стрелять. Одни говорят — генерал армии Плиев, другие — генерал-майор Олешко, третьи — майор Демин, был там такой. А ведь кто-то отдал, армия без приказа не стреляет. Боюсь, мы этого уже никогда не узнаем.

— Как вообще появилась эта книга? Вы были как-то связаны с Новочеркасском?

— Нет, я знал об этом не больше вас. Однажды позвонил издатель, предложил заняться этой темой. Это было в 87-м году. Тогда уже о многом начали писать, но тема Новочеркаска еще была запретной. Я спросил: а ты не боишься, что тебя возьмут за жопу? Он не отличался особой смелостью, и это еще мягко сказано. Но тут заявил: ты пиши, остальное я беру на себя. Заключил авансовый договор. Только потом я узнал, почему он так раздухарился. Деньги на издание дал Гольцов. Не знаю сколько, но много. А чем больше денег, тем смелее издатель. На книгу у меня ушло два года. В 89-м она вышла. Не скажу, что совсем не была замечена, но сенсацией не стала, тогда уже обо всем писали. Еще не свобода слова, но уже сплошная гласность.

Панкратов поставил книгу на полку.

— У вас странный вкус. «Русские тайны» и рядом какая-то Алена Снигирева.

— Почему какая-то? — обиделся писатель. — Алена Снигирева — это я.

— То есть как?

— А вот так. Буквально.

— А Маша Зарубина?

— Тоже я. Я даже Эдуард Хан.

— Вы шутите?

— Если бы! Писатель Ларионов никому не нужен. А за это туфту платят. Вернее, платили. Сейчас не платят ни за что. Народ перестал покупать книги. Если еще читают, то скачивают из Интернета на халяву. Писатель — вымирающая профессия. Но вы пришли, как я понимаю, разговаривать не о бедах российской словесности. Чем заинтересовал милицию писатель Ларионов?

— Ничем. Нас интересует Георгий Гольцов.

— Вот как? Он погиб больше года назад.

— Есть некоторые неясности в обстоятельствах его гибели.

— Чем я могу вам помочь? — не понял Ларионов. — Последний раз я его видел... когда же? Лет двадцать назад. Когда вышла новочеркасская книга.

— Вдова Гольцова, Вера Павловна, заказала вам книгу о муже. Было?

— Откуда вы знаете?

— Рассказал Николай Алексеевич, бывший директор детского дома.

Ларионов улыбнулся.

— Трогательный старик. Георгий был ему как сын. Впрочем, у него все как родные дети. Да, было.

— Когда?

— Месяца через полтора после катастрофы самолета. После сороковин. Сама нашла меня, дала аванс, многое рассказала.

— Книга документальная? Или роман?

— Что получится. Она хотела только одного — чтобы он в книге был таким, как в жизни. Таким, каким она его любила. А она его любила. Она говорила о нем целый вечер. Говорила и говорила, не могла остановиться. Ей нужно было выговориться. Они прожили вместе пятнадцать лет.

— У них были дети?

— Два сына. Одному сейчас лет десять, второму двенадцать или тринадцать.

— Они живут с матерью?

— Нет, в каком-то пансионе в Англии. Георгий отправил их туда незадолго до своей гибели. Мне кажется, он предчувствовал, что что-то произойдет.

— Вы говорили о книге, — напомнил Панкратов. — И что?

— Я начал работать. Съездил в Нижний Кут, где Георгий строил электростанцию, сейчас он называется Светлогорск, в Москве встречался с людьми, которые его хорошо знали. И с бизнесменами, и с политиками. Они много интересного рассказали. Уже написал пару глав, кое-что набросал. Мне хорошо работалось. Как в молодости. Много ли писателю надо? Кусок хлеба и чтобы никто не мешал. И, конечно, чтобы твою книгу ждали. Все это у меня было. Правда, недолго.

— Почему?

— Вера Павловна отменила заказ. Заплатила за всю работу и сказала, что писать книгу не нужно.

— Она объяснила причину?

— Сначала нет. Приехал какой-то малый на скутере, привез конверт с деньгами и записку: «Спасибо, книгу писать не нужно». И все. На мои звонки не отвечала. Я поехал к ней, подкараулил у дома, потребовал объяснений. Она сказала, что подумала и поняла, что

в книге Георгий все равно не получится, каким был. Она сохранит его в своем сердце. Так она выразилась. Эти долбанные штампы заменяют людям мысли. Она, видимо, поняла, что ляпнула что-то не то, и сказала, что я могу писать любую книгу, какую захочу. Только все фамилии изменить.

— Почему же вы не стали ее писать?

— Да кому она на хер нужна?! — Ларионов прервался на стопарь и раздраженно продолжил: — Потратить год или два, а потом таскать рукопись по издательствам до морковкина заговенья? Умолять: хоть прочитайте, суки! А ты кто? Ларионов? Какой такой Ларионов? Вот если бы ты был Донцова!

— Есть Интернет, — напомнил Панкратов.

— Рукописи, поступившие по Интернету, вообще не читают. Нажимают delete в тот момент, когда текст появляется на экране. И даже раньше. А тверское издательство «Колонна пабликейшенс» честно предупреждает: «Дорогие писатели! Присылать нам рукописи не имеет никакого смысла. Мы их не читаем, не рецензируем и не издаем». Ну, их можно понять, Интернет породил чудовищный вал графомании. А нам-то что делать? Возвращаться в советские времена, когда рукописи пристраивали по знакомству с коньяками, кабаками и перекрестным опылением? Слуга покорный. Лучше уж я пойду в гараж.

— Вы сказали, что деньги и записку от Веры Павловны привез молодой человек на скутере, — отвлек Панкратов писателя от больной темы. — Не помните, на каком?

— На желтом. Как канарейка. Марку не знаю, я в них не разбираюсь.

— Молодого человека не запомнили?

— Лет двадцати пяти. Чернявый. Как сейчас говорят, лицо кавказской национальности. Почему вы спрашиваете? Это важно?

— Совершенно неважно, просто к слову пришлось, — отмахнулся Панкратов. — Когда Вера Павловна отменила заказ на книгу?

— С полгода назад.

— И вы сразу ее забросили?

— Да нет, еще некоторое время продолжал. По инерции.

— Вы не могли бы показать мне главы, которые написали? Извините, если моя просьба покажется вам бестактной. С писателями я дел никогда не имел.

— Я не писатель. Я автослесарь. А у писателей есть правило: половину работы не показывают.

— Половину работы дураку не показывают, — уточнил Панкратов. — Вы это хотели сказать?

— Да не обижайтесь, — усмехнулся Ларионов. — Там нет ничего интересного для милиции. Если вы из милиции. Так, беллетристика. И уж тем более ничего, что помогло бы вам прояснить обстоятельства гибели Гольцова.

— Как знать, — возразил Панкратов. — То, что кажется мелочью, может оказаться очень важным. Если передумаете — вот мои координаты.

Он достал из бумажника визитную карточку со своими телефонами и электронным адресом и пристроил ее на видное место к монитору.

Ларионов прочитал вслух:

— «Национальная алкогольная ассоциация. Панкратов Михаил Юрьевич. Советник по безопасности». Какая же это милиция? Это даже не ФСБ!

— Документ прикрытия, — серьезно объяснил Панкратов.

Ларионов рассмеялся.

— Более дурацкого вечера у меня еще не было. Но все равно спасибо. Развлекли. А то в гараже дичаешь. А знаете, чем работа слесаря лучше писательской?

— А она лучше?

— Кое чем.

— Чем?

— Можно по вечерам напиваться, утром похмеляться пивом, а не накачиваться черным кофе, чтобы заставить шевелиться мозги!

Что автослесарь Ларионов и подтвердил, маханув еще стопарь замечательной водки «Ермак».

Всю дорогу до Москвы Панкратов пытался рассортировать в памяти все, что узнал о Гольцове. Стало понятно, почему после возвращения из Венесуэлы он так активно включился в политическую борьбу. Пепел Новочеркасска стучал в его сердце. Понятно, почему после ссоры с руководителями предвыборного штаба Ельцина он перешел не куда-нибудь, а в штаб генерала Лебеда, хотя программа Конгресса русских общин, выдвинувшего Лебеда кандидатом в президенты, не очень-то соответствовала его политическим пристрастиям. Но бывают случаи, когда личность человека важнее его слов. Здесь и был такой случай. Для Гольцова генерал Лебедь тоже напрямую связывался с Новочеркасском.

В заключительной главе книги Ларионова высказывалось убеждение, что события в Новочеркасске были таким же переломным моментом, как и «кровавое вос-

кресенье» 9 января 1905 года. В тот день треснул фундамент Российской империи, а 2 июня 1962 года дал первую трещину фундамент СССР. Панкратов поначалу воспринял эту мысль как вольное публицистическое обобщение, но теперь подумал, что Ларионов, возможно, прав. Прошлое никогда не умирает, оно прорастает в настоящее и взламывает его, как слабые побеги взламывают асфальт.

Но это были общие рассуждения. Гораздо больше Панкратова заинтересовали слова Ларионова о курьере на желтом скутере. В разговоре он сказал, что это неважно. Он слукавил. Из всего разговора это было самое важное.

Неизвестный на желтом скутере привез камнерезу Фролу заказ на надгробие Михалева, которого тот не заказывал. Он же привез Ларионову деньги и записку от Веры Павловны. Такое не могло быть случайностью.

Что ж, теперь было с чем ехать к вдове.

IV

Панкратов хорошо помнил фотографию первой жены Гольцова Барбары Валенсии, юной женщины поразительной, завораживающей красоты. Ему было интересно, кто смог ее заменить. Какая она, эта Вера Павловна, прожившая с ним в браке пятнадцать лет? В музее детского дома он видел ее снимки с Гольцовым, но не составил о ней никакого представления. Женщина и женщина. Довольно миловидная, с длинными черными волосами, с мягкой улыбкой. Моложе его лет на пятнадцать. Вот, собственно, и все. Был ли их брак

счастливым? Вроде бы да, иначе она не стала бы так убиваться. А там кто его знает, чужая жизнь — потемки.

Предварительно он навел о ней справки. Родилась в Новосибирске, в семье военного. Закончила факультет музыковедения местной консерватории, преподавала в музыкальном училище, подрабатывала в филармонии. В девятнадцать лет вышла замуж за артиста драмтеатра. Брак оказался неудачным, через год распался. В двадцать три года вышла замуж за Гольцова и переехала в Москву. Много лет работала в секретариате ЗАО «Росинвест», принадлежавшем Гольцову. После смерти мужа руководит его благотворительным фондом и ведет музыкальные передачи на ФМ-радио «Классика».

Домашний телефон и адрес Веры Павловны Панкратов взял у Ларионова. Он долго не мог сообразить, как представиться ей и как объяснить, почему ему нужно с ней встретиться. У него было удостоверение полковника ФСБ в отставке, иногда он им пользовался, но здесь оно было не к месту. В конце концов решил ничего не придумывать. Скажет, что ему поручили выяснить все обстоятельства гибели Гольцова и она может ему в этом помочь. Это была правда. Ну, почти правда.

Но ничего объяснять не пришлось.

— Здравствуйте, Вера Павловна, — сказал он, услышав в телефоне ее голос — не то чтобы низкий, но словно бы доверительный. Он сразу узнал этот голос — не раз слышал его по радио в повторах ночных передач, транслировавших классическую музыку. — С вами говорит советник по безопасности Национальной алкогольной ассоциации Михаил Юрьевич Панкратов. Мне очень нужно с вами поговорить.

— О Господи! — изумилась она. — Какое отношение я имею к алкогольной безопасности? Я даже почти не пью. О чем нам говорить?

— О вашем муже.

В трубке повисла тяжелая тишина. Потом прозвучало:

— Хорошо, приезжайте.

Она жила в новом тридцатиэтажном доме в Строгино, на берегу канала, с удобной парковкой. На звонок Панкратову открыла средних лет женщина в переднике, приняла у него пальто. Спросила:

— Вы на машине?

— Да.

— Тогда можете не разуваться. — Проводила в гостиную. — Подождите, хозяйка сейчас выйдет.

Гостиная была просторная, с белыми кожаными креслами и диванами, с огромными окнами, выходящими на пустой канал, по которому не тянулись ржавые баржи и не пробегали речные трамвайчики, навигация давно кончилась. В простенке между книжными полками висел большой цветной снимок Гольцова. Очень удачный снимок, отметил Панкратов. Гольцову на нем было лет сорок или чуть больше. Некрасивое, но очень живое выразительное лицо, открытая обаятельная улыбка. Он был такой же, как на надгробии, но старше — сильный, уверенный в себе мужчина. Только вот траурной ленты не было в углу портрета. А могла быть.

— Нравится? — услышал Панкратов. — Это работа Николаса Муртазаева. Знаете такого фотохудожника?

— Нет, — признался он, оборачиваясь.

— Очко в вашу пользу. Обычно говорят: как же, конечно, знаем. Его никто не знает. Он погиб в двадцать два года. Утонул на Урале при сплаве на байдарках. Гениальный был мальчик.

Вера Павловна стояла на пороге гостиной — в чем-то вроде шелкового бордового кимоно до пят, без всяких следов макияжа на лице. Но что Панкратова поразило — ее прическа. Не было длинных волос, как на фотографиях, на голове остался лишь короткий черный ежик, как если бы ее остригли наголо и волосы успели чуть-чуть отрасти. И это ей очень шло, простенькое миловидное лицо приобрело выразительность, а в целом все выглядело очень сексуально, как сказала бы взрослая дочь Панкратова.

— Садитесь, — предложила она. — Один вопрос, прежде чем мы начнем разговор. Вы тоже стрижетесь в салоне «Альдо Коппола» на Арбате и каждый раз платите по сто пятьдесят долларов?

— Нет, что вы, — ответил Панкратов и смущенно провел рукой по своему ежику, такому же короткому, только седому. — Раз в два месяца жена стрижет меня машинкой под ноль.

— Зачем?

— Большая экономия времени.

— И денег, — усмехнулась Вера Павловна. — Вы меня удачно застали. Через три дня я улетаю в Лондон, проведать сыновей, они учатся там в лицее. Так чем я могу быть полезна Национальной алкогольной ассоциации? Почему она заинтересовалась Георгием?

— Не она. Меня попросили разобраться в обстоятельствах гибели вашего мужа. Зачем он полетел в Пермь?

— Ему нужно было исчезнуть из Москвы. Так складывались обстоятельства. Пермь оказалась случайностью.

— Это было как-то связано с его осуждением на четыре года?

— На восемь, — поправила она. — Да.

— Как?

— Я не хочу об этом говорить.

— Понимаю, что вам неприятно об этом говорить. Но иногда скажешь, и станет легче. И обстоятельства дела прояснятся. Но если не хотите говорить, не нужно.

— Накануне того дня, 14-го сентября, ему пришла повестка из Следственного комитета, — заговорила Вера Павловна резким, напряженным голосом, так непохожим на ее доверительный голос, которым она вела музыкальные передачи. — Вызов на допрос. К следователю по особо важным делам Кириллову. В качестве свидетеля. Но мы знаем, как это бывает. Вызывают в качестве свидетеля, а потом становишься обвиняемым и оказываешься за решеткой. Я ему сразу сказала: «Не ходи». Он возражал: «У них на меня ничего нет». Я закричала: «Прошлый раз у них тоже ничего не было! Если захотят, найдут!» Не знаю, что на него больше подействовало, мои слова или моя истерика. Он согласился: да, нужно на время исчезнуть из Москвы. Пока не выяснится, что происходит.

— Почему он не улетел за границу?

— Загранпаспорт оказался просроченным, он о нем совсем позабыл. Пожалуйста, хватит об этом.

— Как скажете, — согласился Панкратов. — Как вы познакомились? Если не хотите, можете не рассказывать.

— Почему? Расскажу. Случайно. Он прилетел в командировку в Новосибирск по каким-то делам, пришел на концерт в филармонию. Просто так, от нечего делать. Рестораны он не любил, пить тоже не любил. А что еще делать командировочному в чужом городе? Я вела концерт. После концерта он подошел, что-то спросил. Так и познакомились. На другой день я показала ему город. Была поздняя осень, жуткая холодина. Я продрогла, зашла к нему в гостиницу погреться. И осталась на ночь. Потом он улетел и не давал знать о себе полгода. Не звонил, не писал. А я ничего про него не знала. Кто он, что он.

— А потом?

Она улыбнулась.

— Потом была сказка. Про Золушку. Однажды утром ко мне на работу пришел молодой человек. Его звали Ян. Белобрысый, невозмутимый. Похожий на прибалта. Забрал меня и отвез в аэропорт. Там нас ждал самолет. Мы летели в нем одни. Я, он и шесть стюардесс, все почему-то в красном. Самолет сел во Внуково-2, куда все начальство прилетало, знаете? От трапа к залу вела красная ковровая дорожка. У входа в зал меня ждал Георгий с огромным букетом белых роз. Через два часа наш брак зарегистрировали в Сокольническом ЗАГСе. На следующий день мы обвенчались в храме Вознесения Христова в Сокольниках.

— Красиво, — оценил Панкратов.

— Нет, сказочно! Он умел из всего сделать праздник... Знаете, почему я вам об этом рассказываю? Потому что мне приятно об этом рассказывать!.. Потом были разные дни, — помолчав, продолжала она. — Были совсем черные, когда его посадили. Но праздник всегда

был с нами... Мне он очень непросто дался. Вы знаете, что я у него не первая жена?

— Да. Я видел фотографию его первой жены в музее детского дома в Твери. Барбара Валенсия.

— Она выжгла его душу. Как землю выжигает напалм. На ней ничего не могло расти. Мне пришлось отвоевывать каждый клочок земли у этой пустыни. Поливать каждую травинку, каждый росток. Прошел не один год, прежде чем он ожил.

— А он ожил?

— Да. Кто вам дал мой телефон? В справочнике его нет.

— Писатель Ларионов.

— Я чувствую себя перед ним виноватой. Он так хотел написать эту книгу.

— И пусть бы написал.

— Живым не ставят надгробные памятники. О живых книги не пишут.

— Георгий погиб, — осторожно напомнил Панкратов.

— Для меня не погиб.

— Сыновья были на похоронах?

— Нет.

— Они знают, что отец погиб?

Она нахмурилась.

— Что, собственно, интересует Национальную алкогольную ассоциацию? Что вы хотите узнать?

— Кое у кого есть сомнения в том, что Георгий Гольцов погиб, — честно ответил Панкратов.

— Очень интересно. Как он мог не погибнуть, если самолет разбился?

— Мог. Если не сел в этот самолет. Я проверил, это сделать нетрудно.

Она ненадолго задумалась, потом твердо произнесла:

— Мы продолжим разговор, если вы скажете, кто дал вам это поручение. Если не скажете, разговор закончим.

— Не вижу причин скрывать. Его друг, генеральный директор «Росинвеста» Олег Николаевич Михеев.

Лицо Веры Павловны исказила гримаса презрения и гнева. Потемнели глаза, расширились крылья ноздрей, привздернулась верхняя губа.

— Друг? — переспросила она. — Такой друг в жопу влезет и за сердце укусит!.. Передайте ему, что для него Георгий всегда жив! И он скоро об этом узнает!..

Глава четвертая **ЛОВУШКА**

I

О том, что его фамилия появилась в рейтинге журнала «Финансы», который регулярно публиковал списки самых богатых людей России, Олег Николаевич Михеев узнал совершенно случайно во время деловых переговоров с юристом из фирмы «Интеко». Речь шла в фармацевтической фабрике на юго-западе Москвы, которую Олег Николаевич уже считал своей, пока на нее не положила глаз жена московского мэра. Он долго думал, как выкрутиться из непростой ситуации, но ничего не придумал. Тягаться с Батуриной — себе дороже. «Росинвест» для нее семечки, она и не таких акул российского бизнеса харчила, не подавившись. Немного утешала мысль, что и Георгий с его изобретательностью и умением находить нестандартные решения не смог бы ничего придумать. Оставалось только одно — выторговать приличные условия капитуляции.

В трудных переговорах имеет значение любая мелочь. Олег Николаевич понимал, что предлагать юрис-

ту для встречи свой офис бесполезно, не поедет. Ехать к ним в Никитский переулок унизительно, это все равно что заранее ставить себя в положение просителя. После некоторых пререканий договорились встретиться за ланчем в клубе на Остоженке, который раньше называли клубом миллионеров. Олег Николаевич был членом клуба. Он злился, когда приходило время платить годовой взнос, но клуб был очень удобным местом для переговоров с серьезными партнерами. Солидные, не бьющие в глаза показной роскошью интерьеры ресторана и уютные гостиные с каминами располагали к обстоятельности, а сам факт членства в клубе говорил о человеке не меньше, чем его банковский счет.

В том, что юрист «Интеко» согласился там встретиться, Михеев усмотрел свою маленькую победу. Он представил, как подъедет на Остоженку с опозданием минут на пять, когда юрист уже будет топтаться возле невозмутимого швейцара и охранника, водитель почтительно откроет ему дверцу «мерседеса», он извинится за опоздание: «Жуткий трафик, скоро придется пересаживаться на метро», и пройдет в клуб, небрежно бросив швейцару: «Этот господин со мной».

Но все получилось совсем по-другому. Никакого юриста у входа не было, Михееву пришлось ждать его минут десять на ледяном ветру. Он подкатил на красном «порше-кайен», бросил ключи охраннику: «Припаркуйте недалеко, я ненадолго», небрежно извинился за опоздание: «Трафик, знаете ли, прямо беда» и беспрепятственно прошел в клуб мимо предупредительно открывшего ему дверь швейцара. Олег Николаевич поплелся следом за этим молодым жеребцом в клубном блейзере от Гуччи или Армани, чувствуя себя старым, плохо оде-

тым и даже небритым. Дело, конечно, было не в возрасте и одежде, на нем самом был костюм от Армани, а в том, что за юристом стояли «Интеко» и всемогущая Батурина, а за Михеевым не стоял никто.

— Давайте к делу, — предложил юрист, когда после ланча они перешли в каминную и бесшумный официант сервировал кофе. — Ваши сорок миллионов долларов мы вам вернем, мы же не бандиты. Даже с процентами. Восемь процентов годовых устроят?

— Вы знаете банк, где дают кредиты под такие проценты? — поинтересовался Олег Николаевич. — Скажите адрес, я побегу туда со всех ног.

— Ладно, десять.

— Двадцать.

— Не наглейте, уважаемый Олег Николаевич, с нами лучше дружить, — посоветовал юрист и сделал глоток кофе. — Ни к черту. Как в «Макдональдсе», совсем потеряли класс. Двенадцать. Это все.

— Об упущенной выгоде речь вообще не идет?

— О чем вы говорите? Какая упущенная выгода?

— Я работал над этим проектом три года.

— Бросьте. А то мы не знаем, как вы работали. Проплатили в аптекоуправлении, чтобы лекарства фабрики не брали на реализацию, вот и вся ваша работа. Вы вели фабрику к банкротству и привели.

— Не докажете! — буркнул Михеев

— А мы что, в суде? Хотите с нами судиться? Не советую, это я вам говорю как юрист. Гражданский иск может обернуться уголовным делом. По статье за рейдерство.

— Такой статьи нет.

— Есть, только называется она по-другому. Умышленное доведение до банкротства с целью последую-

шего недружественного поглощения. Мошенничество в особо крупных размерах. Дорогой мой, у меня и в мыслях не было вас осуждать. Это бизнес. У кого-то такой, у кого-то другой. Только бизнес, и ничего больше. Итак, мы договорились?

— Мне нужно подумать.

— Подумайте, — легко согласился юрист. — Только недолго, Елена Николаевна не любит ждать. Да не расстраивайтесь вы, что такое какая-то упущенная выгода для человека, попавшего в рейтинг журнала «Финансы»? Мелочь, не о чем говорить!

— Журнала «Финансы»? — переспросил Михеев. — Это вы о чем?

— Не знаете? Вот такова жизнь. Человек, можно сказать, осиян всероссийской славой, а ничего про это не знает. Последний номер «Финансов» видели?

— Нет.

— Так посмотрите. Вы там двести двадцатый или двести сороковой в списке, точно не помню. Это, конечно, не «Форбс», но как знать? Окажетесь и в «Форбсе», если будете себя разумно вести. А я буду всем рассказывать, что пил в клубе дрянной кофе с настоящим миллиардером, а мне никто не будет верить. Засим, дорогой Олег Николаевич, позвольте откланяться. Спасибо за ланч и содержательную беседу!

Юрист небрежно пожал Михееву руку и покинул каминную бодрой рысью, оставив Олега Николаевича в полном недоумении. «Какие к черту «Финансы»? Откуда я там взялся? Какая-то чепуха!»

Он допил кофе и вызвал официанта:

— Счет, пожалуйста.

— За все уже заплатили.

— Кто?

— Ваш друг. Хотите заказать что-то еще?

— Нет.

Тяжелое лицо Михеева потемнело от гнева и унижения. Ему будто еще раз сказали: «Знай свое место. Ты шестерка и всегда будешь шестеркой». Дело уже было не в двенадцати процентах и не в упущенной выгоде. Дело уже было вообще не в деньгах. Никаких денег он бы не пожалел, чтобы окоротить эту обнаглевшую от безнаказанности суку, подмявшую под себя всю Москву. «Елена Николаевна не любит ждать». Тварь. Кем бы ты была без мужа? Тварь!

И, как часто бывает, когда человека переполняют эмоции и смывают в сознании привычные границы между тем, что можно, и тем, чего нельзя, Олег Николаевич вдруг понял, что должен сделать. Это было еще не мысль, только предчувствие мысли. Но она таила в себе такие возможности, что Олег Николаевич похолодел от восторга. У него даже расправились плечи. Может быть, первый раз в жизни он почувствовал себя свободным.

Человек всегда чувствует себя свободным, когда деньги теряют над ним власть.

II

В офисе он затребовал все материалы по фабрике и долго сидел над ними, вникая во все детали. Фабрика выпускала препараты для психиатрических и онкологических клиник по лицензии канадского концерна «Апотекс». Приводились сложные химические форму-

лы и непроизносимые названия, он в них не вникал. Его интересовало другое — спрос. Он, вероятно, был, и немалый. Олег Николаевич хорошо помнил, какие бабки слупили с него деятели из Минздрава, чтобы блокировать дистрибьюцию фабрики. Цены были вполне конкурентноспособные по сравнению с другими производителями. Модернизация, начатая генеральным директором Троицким, да так и не завершенная, предполагала, что производительность фабрики увеличится в полтора раза, а себестоимость лекарств снизится на двадцать процентов. Все сходилось.

Олег Николаевич вызвал начальника юридического отдела. Он работал в «Росинвесте» уже лет пятнадцать. Около сорока, обстоятельный. Его принял на работу еще Гольцов после того, как тот с красным дипломом окончил юридический факультет МГУ и несколько лет перебивался случайными заработками. Невозмутимостью и белобрысостью был похож на прибалта. И имя у него было, как у прибалта, — Ян. Фамилия, впрочем, вполне русская — Серегин.

— Документы на банкротство фабрики отправили?

— Да, Олег Николаевич.

— Отзовите.

— Не понял. Почему?

— Планы изменились.

Ян надолго задумался, словно бы задремал. Осторожно спросил:

— Вы уверены, что это правильное решение?

— Нет, не уверен. Но оно мне нравится... Что вы на меня так смотрите?

— Вы сейчас похожи на Георгия Андреевича, когда ему шлея попадала под хвост.

Олег Николаевич нахмурился.

— Что-то я не пойму, это комплимент? Или не очень?

Ян застенчиво улыбнулся.

— Не знаю. Все зависит от того, есть ли в вас такой же запас удачливости, как у Георгия Андреевича.

— Выполняйте, — недовольно бросил Михеев.

Ян вышел. Олег Николаевич еще похмурился, а потом вдруг понял, что вот такое решение и принял бы Георгий в этой непростой ситуации. Да, такое. И срать ему на Батурину и Лужкова!

Утром он поехал на фабрику, без звонка, никого не предупредив. Генерального директора на месте не оказалось, на вахту к Михееву спустился главный инженер по фамилии Гринберг, в белом халате, с большим простуженным носом и глазами, в которых была вся вековая скорбь еврейского народа.

— А, кредитор! — вяло приветствовал он Михеева. — Не терпится осмотреть будущие владения?

— Я хочу посмотреть фабрику.

— Ну пойдете, покажу. Только наденьте халат. В чистую зону нас все равно не пустят, но так положено.

Фабрика напоминала пчелиный улей, грубо разрушенный посторонним вмешательством и продолжающий жить как бы по инерции. Одни цеха стояли темные, пустые, с ящиками нераспакованного оборудования. В других, освещенных ярким, будто стерильным светом, двигались конвейеры, автоматы заполняли и запечатывали ампулы, молодые женщины во всем белом упаковывали готовую продукцию в картонные коробки, укладывали их на электрокары и отправляли на склад.

Здесь жизнь снова замирала, темные складские модули были забиты коробками и ящиками с фирменными лейблами фабрики.

— Не умеем торговать, — пожаловался Гринберг. — Делать хорошие лекарства умеем, а продавать не умеем, прямо беда.

До этого Олег Николаевич ни разу не видел фабрику, не было необходимости. Она существовала в его сознании как некая абстракция, коммерческий проект. Пятно для застройки одного дома в Москве составляло четверть гектара. На шести гектарах, где привольно, еще по-советски, раскинулись производственные корпуса, склады, столовая, медсанчасть и даже профилакторий, соединенные березовыми аллеями, можно построить целый квартал элитного жилья, пользующегося в постоянно растущей Москве бешеным спросом. Недаром на эту землю положила свой загребуший глаз ненасытная Батурина.

Экскурсию прервала молоденькая лаборантка:

— Приехал шеф, просит вас зайти к нему.

— Спасибо за экскурсию, было очень интересно, — поблагодарил Олег Николаевич Гринберга и последовал за лаборанткой.

Солидный кабинет генерального директора в административном корпусе с дипломами и патентами на стенах еще не затронула разруха гибнущего улья, но самого Троицкого уже коснулась. Проблемы фабрики словно бы сгорбили его высокую фигуру, наложили тени на высокомерное породистое лицо. Он встретил Михеева вопросом:

— Я сегодня был в арбитраже. Там сказали, что вы отозвали требование о банкротстве фабрики. Это так?

— Да.

— Чем это вызвано?

— Объясню, — пообещал Михеев. — Особенно если вы предложите мне сесть. Или будем разговаривать стоя?

— Да, конечно, — спохватился Троицкий. — Садитесь, пожалуйста. Кофе? Кофе у нас еще есть.

— Спасибо, не хочу вас окончательно разорить. Несколько предварительных вопросов. Кроме сорока миллионов долларов, какие еще долги у фабрики?

— Два миллиона. Взятые под залог акций.

— Сколько вам нужно, чтобы завершить модернизацию?

— Много. Миллионов десять.

— Сколько у вас акций фабрики? — продолжал Михеев.

— Восемьдесят два процента. Но часть в залоге у банка.

— У кого остальные восемнадцать процентов?

— У разных людей. Купили в расчете на прибыль. Расчет не оправдался. Я чувствую себя так, будто залез в чужой карман и меня поймали за руку.

Михеев осуждающе покачал головой:

— Владимир Федорович, мне кажется, что вы не прочитали ни одного учебника по бизнесу. Даже самого примитивного.

— Не прочитал, — признался ученый. — Я всегда читал немного другие книги. Что в них сказано?

— Правило номер один. Если вы решили заняться бизнесом, вам следует навсегда забыть слово «мораль».

— Да, это я уже понял, — согласился Троицкий. — Но приложить к себе не могу. Советское воспитание неистребимо.

— Советское? — переспросил Михеев.

— Советское, а какое еще? Гуманистическое начало было частью идеологии. Оно существовало само по себе, в отрыве от практики, но оно было. С этим вы, надеюсь, спорить не будете.

— Не буду. Я даже сделал это основой своей кадровой политики. Никогда не беру на руководящие должности тех, кому меньше сорока лет. У них еще сохранились моральные критерии. Молодые же продадут за копейку.

— А эти не продадут?

— Тоже могут продать, но гораздо дороже. И не сразу. Можно выкупить эти восемнадцать процентов у миноритариев? — продолжил расспросы Михеев. — Уступят?

— За любые деньги. И еще спасибо скажут. Не понимаю, к чему вы ведете. Вы хотите, чтобы я консолидировал у себя все сто процентов акций?

— Да.

— Смысл?

— Я не хочу, чтобы лезли в наши дела. Миноритарий даже с одной акцией может потребовать отчета, и мы будем обязаны его дать. И наши планы сразу станут известны всем.

— Наши планы, — повторил Троицкий. — Правильно ли я вас понял...

— Правильно. Я хочу превратить фабрику в процветающее высокорентабельное предприятие. Соберите своих специалистов и подготовьте бизнес-план. Подробный и максимально честный. Сколько нужно денег, чтобы полностью расплатиться с долгами. Сколько нужно, чтобы закончить модернизацию. Анализ рос-

сийского и мирового рынка ваших лекарств. Емкость рынка, сравнительная себестоимость. Могу дать в помощь своих экономистов.

— Они что-нибудь понимают в фармацевтике? Смогут отличить аспирин от анальгина? — съязвил ученый.

— Они кое-что понимают в деньгах.

— Да, это важнее, — согласился Троицкий. — Производство не проблема. Его мы наладим. Проблема — дистрибуция.

— Это я беру на себя.

— Олег Николаевич, давайте откровенно, — попросил ученый. — Вы вкладываете в нас немалые деньги...

— Очень немалые, — подтвердил Михеев.

— Что вы за них хотите иметь?

— Контрольный пакет. Пятьдесят процентов плюс одну акцию.

— Что ж, это справедливо. Что вы с ними будете делать? Продадите?

— Не знаю. Продам, если предложат хорошую цену. Или буду получать дивиденды. Рано об этом говорить.

— И все-таки не понимаю. Я представляю, какие у вас были виды на фабрику. Снести все к чертовой матери и застроить тридцатиэтажными монстрами, которые уже изуродовали всю Москву. Фабрика не даст вам и десятой доли такой прибыли. Даже если мы доведем ее до идеального состояния.

— Даже сотой, — поправил Михеев. — Вас очень удивит, если я скажу, что не всегда деньги играют главную роль?

— Удивит? Это слишком слабо сказано. Поразит. Так не бывает.

— Бывает. Редко, но бывает. Сейчас как раз такой случай.

Троицкий неожиданно негромко засмеялся.

— Что вас рассмешило? — удивился Михеев.

— Скажу. Я чувствую себя лохом, которого обувают по полной программе, а я не могу понять как.

— Это так сейчас говорят в Российской академии наук? «Лох», «обувают»?

— В академии наук говорят так, как во всей России.

— Не беспокойтесь, Владимир Федорович. Обувают не вас, а совсем других людей.

— Кого?

— А вот этого я вам не скажу...

В машине Олег Николаевич злорадно ухмылялся, представляя, как он встретится с жеребцом из «Интеко». Сначала прикажет Марине Евгеньевне не соединять по телефону: на совещании, еще не приехал, уже уехал, обедает, позвоните через час, в командировке. Потом назначит встречу у себя в офисе на Лубянке. Приедет, никуда не денется, Батурина на него каждый день собак спускает за промедление с фабрикой. Помуржит минут двадцать в приемной, и когда юрист, донельзя раздраженный бесконечными проволочками, потребует решительного ответа, Михеев скажет:

— Ну вот что, парень. Пошел ты на х... вместе со своей Еленой Николаевной. Понял?

Не такими словами, конечно. Но в этом смысле.

И только когда «мерседес» подъехал к особняку, Олег Николаевич вспомнил странные слова юриста про журнал «Финансы».

III

— Марина Евгеньевна, мы журнал «Финансы» выписываем?

— Конечно, Олег Николаевич.

— Свежий номер пришел?

— Еще третьего дня.

— Вы видели?

— Видела. Поздравляю, это очень большой успех.

— Принесите мне номер.

— Он у аналитиков, сейчас схожу.

Через десять минут журнал лежал перед Олегом Николаевичем.

Журнал «Финансы» считался одним из самых серьезных российских деловых изданий. Не «Форбс», конечно, выходявший едва ли не на всех языках мира миллионными тиражами, и не лондонский «Экономист», самое авторитетное издание для всех бизнесменов, но в России он пользовался спросом. Его тираж в сто тысяч экземпляров лучше всяких социологических опросов говорил о том, сколько в стране серьезных предпринимателей, составляющих основу так называемого среднего класса. Тиражи других деловых изданий, которых тоже было немало, не шли с «Финансами» ни в какое сравнение за исключением разве что газеты «Коммерсантъ» с ее тиражом в четверть миллиона. После того как «Финансы» по примеру «Форбса» начали публиковать списки пятисот самых богатых людей России, интерес к журналу заметно повысился.

«Росинвест» выписывал все деловые издания. Они сразу поступали к аналитикам, которых Михеев про себя называл «шныри». Они прогоняли через компью-

теры всю информацию, выискивая проблемные фирмы, в которые можно вложить деньги и после санации вернуть их с прибылью. При Гольцове «Росинвест» занимался безнадежно разваленными предприятиями, которых в 90-е годы было великое множество. Вложения, как правило, требовались большие, а отдача чаще всего была скромной. Пока Георгий был в лагере, Михеев переориентировал шнырей. Нацелил их на поиск прибыльных фирм, столкнувшихся с трудностями. При умелом подходе к делу их можно было подвести к банкротству без особых затрат. Переманить или перекупить поставщиков, затруднить сбыт, как с фармацевтической фабрикой, иногда достаточно было высокой зарплатой и бонусами переманить из руководства фирмы менеджера, на умении и энергии которого держалось все дело. Олег Николаевич очень обиделся, когда Гольцов, уже после лагеря, назвал эту стратегию мародерством. Какое мародерства, при чем здесь мародерство? Это бизнес. Только бизнес, и ничего больше.

Сам Михеев газету «Коммерсантъ» читал не очень внимательно, а в «Финансах» с любопытством просматривал списки российских рублевых миллиардеров. В первой десятке были и долларовые миллиардеры, немного, человек шесть-семь, время от времени они менялись местами. Мировой финансовый кризис уполовинил их капиталы, но через год они снова удвоились без всяких стараний с их стороны. Нефть снова полезла вверх, соответственно восстановили свою цену акции российских компаний. Фамилии их много лет были у всех на слуху и особенного интереса не вызывали, про них было все известно. Кроме того, что неизвестно и никогда известно не будет. В графе

«Статус, характеристика» над ними даже подшучивали: «Прохоров, узник Куршевеля», «Абрамович, поклонник красоты модельера Дарьи Жуковой и акционер Evraz Group», «Лисин, владелец заводов (НЛМК), газет («Газета», парашютов (UCL Holding))».

Любопытно было другое: кто поднялся вверх, кто опустился, кто появился в рейтинге впервые. Многих Олег Николаевич знал, и это сообщало занятию дополнительный интерес.

В списке «Финансов» была и графа, обозначенная почему-то словом «Метки», содержащая информацию о происхождении капиталов и роде деятельности фигурантов. Причем не словами, а значками. Значок «серп и молот» означал «красный директор». Их осталось немного — тех, кто в 90-е приватизировал свой завод и не распродал оборудование и цеха, а сумел удачно вписать его в новую российскую экономику. «0» значил, что бизнес начат с нуля. Больше всего здесь было финансистов и инвестиционных банкиров, создателей розничных торговых сетей вроде «Пятерочки» или «Перекрестка», владельцев страховых компаний. Бизнесмены, связанные с высокими технологиями, IT, начались только в середине второй сотни. Выше всех поднялись создатель Яндекса и бывший владелец «Евросети», недавно сбежавший в Лондон, чтобы не оказаться в тюрьме. В самом конце списка была пара акционеров «М.Видео». Сравнение с рейтингом самых богатых людей планеты, публикуемых «Форбсом», было не в пользу России, во всем мире айтишники были в первой десятке, а акционеры таких компаний, как Гугл и Эппл, даже возглавляли списки.

Значком, похожим на комарика, в «Финансах» обозначались менеджеры, сумевшие заработать денег

и открыть свое дело, а чаще захватившие бизнес прежнего владельца. Чашка с тремя горящими свечами — «наследство, родственные связи». Что-то очень похожее на кувалду — «приватизация и создание бизнеса с помощью связей». В начале списка «кувалды» шли сплошняком и редели лишь где-то на третьей сотне. Значки, обозначающие, что фигурант является депутатом Госдумы или членом Совета федерации, расшифровывались как «интересы», но гораздо правильнее их было отнести в графу «способы создания капитала».

В нынешнем списке Батурина шла под номером 46, ее состояние экспертами «Финансов» оценивалось в 65 миллиардов 680 миллионов рублей или в 2,2 миллиарда долларов. В графе «Метки» стоял мастерок, означающий строительный бизнес, а статус определялся скромно: «Владелица компании «Интеко». И никаких чашек с горящими свечами, которых нужно бы всадить не одну, а штук десять, никаких шуточек. Над Абрамовичем и Прохоровым шутить было можно, над женой московского мэра нельзя. Таких шуток мэр Лужков не понимал.

Олег Николаевич помнил слова юриста «Интеко» о том, что в рейтинге «Финансов» он на двести двадцатом или двести сороковом месте. Но под номером 220 значился какой-то президент компании «Ланит» с состоянием три миллиарда рублей, под номером 240 — совладелец группы Mercury, 2,9 миллиарда. Между ними — незнакомые ритейлеры, строители, нефтяники. «Соврал, козел! — с раздражением и одновременно с облегчением подумал Олег Николаевич. — Зачем? Да низачем, у таких козлов это такая же потребность организма, как жрать и срать!»

Он уже хотел отложить журнал, но тут увидел:

«253. Олег Михеев. Состояние: 2,6 миллиарда рублей, 0,09 миллиарда долларов. Происхождение капитала: «комарик». Сфера деятельности: девелопмент, финансы, строительство, химическая промышленность, др. Статус: владелец холдинга «Росинвест».

От чувства облегчения не осталось и следа. Все фибры его души подавали сигнал, тревожный, как сирены пожарных машин, летящих на срочный вызов: опасность!..

Лет десять назад, когда в русском издании «Форбса» появились первые рейтинги российских долларовых миллионеров (тогда еще не миллиардеров), каждый номер вызывал возмущение фигурантов. Вашу мать, как вы считаете, откуда вы взяли эти миллионы, которых никто в глаза не видел? Если на Западе попасть в список «Форбса» считалось знаком преуспевания и прочного положения в обществе, то в России это было равносильно тому, как если бы человек с пачками денег в руках вышел вечером на площадь трех вокзалов или в темные переулки Марьиной рощи. Не ограбят бандиты, так наедут милицейские «крыши», уже научившиеся присваивать чужие доходные бизнесы. И еще неизвестно, что хуже: бандиты заберут деньги, которые у тебя в руках, «крыши» внедрятся в твой бизнес и он быстро перестанет быть твоим. Но даже если удастся этих напастей избежать, тебе обеспечена жгучая все-народная ненависть.

Постепенно ситуация изменилась. Крупный бизнес обзавелся серьезным покровительством во властных структурах. Обходилось это недешево, но гарантировало спокойную жизнь. На народное же мнение вообще перестали обращать внимание. Ты можешь давать

работу тысячам и даже десяткам тысяч людей, но это не изменит отношения к тебе. Не то беда, что водка дорога, а то беда, что шинкарь богатеет. Попасть в рейтинг «Форбса» или хотя бы «Финансы» стало престижно. Однажды Олегу Николаевичу рассказали, что его знакомый заплатил 200 000 долларов, чтобы оказаться в пятой сотне списка «Форбса». На недоуменный вопрос Михеева, зачем ему это нужно, объяснил:

— А ты не пробовал получить кредит в иностранном банке? Попробуй, тогда поймешь. Очень способствует.

Высоких покровителей во власти у Олега Николаевича не было, от недостатка известности самолюбие не страдало, его тактика была: не высовывайся. И вот на тебе, высунулся.

Предприниматель никогда не знает, сколько стоит его бизнес. Проекты в стадии реализации оценить вообще невозможно, бывает, что они дадут убыток, а не прибыль. Точную цену фирмы или предприятия можно узнать, когда его продашь, уйдешь в кэш, как говорят бизнесмены. Но не раньше. Откуда появились эти 2,6 миллиарда? Вооружившись калькулятором, он не меньше часа подсчитывал стоимость своих активов, намеренно набавляя цену. С трудом наскреб полтора миллиарда рублей. Ладно, пусть 1,6. А где еще миллиард? Почти 35 миллионов долларов, не баран накашлял. Откуда в этих долбанных «Финансах» взяли такие цифры?

Он вызвал Марину Евгеньевну.

— Из редакции «Финансов» мне звонили?

— Нет, Олег Николаевич.

— Не пытались со мной связаться?

— Нет.

— Может быть, меня не было на месте, а вы переключили их на кого-то другого?

— Олег Николаевич, я работаю у вас уже десять лет. Если вы считаете, что я не справляюсь, так и скажите.

— Ну вот, сразу обиды. Извините. Я пытаюсь узнать, кто дал информацию «Финансам».

— Может быть, юристы?

— Пригласите Яна.

Появился Ян. Подремав, сообщил, что ничего про журнал «Финансы» не знает. Ни к нему, ни к сотрудникам отдела никто не обращался.

— Вас что-то обеспокоило?

— Ничего, все в порядке. Скажите Марине Евгеньевне, чтобы вызвала ко мне пресс-центр.

Пресс-центр в «Росинвесте» был в единственном числе и представлен голубоглазой блондинкой лет двадцати пяти с кукольным личиком, длинными стройными ногами и пятым размером бюста. Звали пресс-центр Еленой Георгиевной. Она так умело скрывала свои прелести, что даже в строгом офисном костюмчике и совсем не дерзкой мини-юбке производила ошеломляющее впечатление на незнакомых мужчин. На знакомых тоже. Стоило ей появиться в каком-нибудь отделе, как все бросали работу и вились вокруг нее, изощряясь в остроумии и комплиментах. Но серьезно кадрить даже не пытались, потому что все знали: пресс-центр был любовницей Михеева.

Года три назад она приехала откуда-то с Кубани поступать в институт, не поступила и пришла в «Росинвест» устраиваться на работу секретаршей, заявив, что знает компьютер и говорит по-английски. Как тут же выяснилось, компьютер она умела только включать, а

по-английски знала всего три фразы «Бай, бай, darling», «О, май гад» и «Хау мач». Но она была так хороша, что Олег Николаевич без раздумий изменил своему правилу не путать дела и личную жизнь. Он создал специально для нее должность руководителя пресс-центра с приличной зарплатой, снял однокомнатную квартиру в Выхино и первое время ощущал себя старым автомобилем, в который поставили новый аккумулятор, заводился с пол оборота. Он понимал, что служебные романы никогда ни к чему хорошему не приводят, Елену Георгиевну следовало бы из «Росинвеста» удалить, от ее присутствия исходило что-то несовместимое с серьезным офисом, словно бы какая-то сальность. Но тогда ему самому пришлось бы давать ей деньги на жизнь, а скуповатой натуре Михеева это было глубоко неприятно. Так и тянулось, уже без особого пыла, скорее по инерции. Раз в неделю Олег Николаевич приезжал в Выхино, а в остальные дни старался избегать встреч с пресс-центром. Это было нетрудно. В обязанности Елены Георгиевны входило делать подборку наиболее интересных статей из ежедневных газет, она оставляла ее в приемной и удалялась под неприязненным взглядом Марины Евгеньевны.

Пресс-центр вошла в кабинет, плотно прикрыла дверь и страстно, как в голливудских фильмах, прильнула к Олегу Николаевичу.

— Олежек, я так за тобой соскучилась, ты не был уже две недели!

— Сядь, — приказал Михеев. — Поправь юбку. Застегни блузку. Ты в офисе, а не в ночном клубе. Если еще раз на работе ты назовешь меня Олежиком, уволю к чертовой матери! А теперь слушай. Тебе из редакции журнала «Финансы» звонили?

— Нет.

— Не спеши, вспомни. Они могли попросить какие-нибудь цифры о холдинге.

— Какие цифры? Я не знаю никаких цифр! Что происходит, Олежек? Ты сам на себя не похож.

— Опять?!

— Олег Николаевич. Извини.

— Сделай вот что. Поезжай в редакцию «Финансов» и выясни, откуда они получили информацию о нас.

— О нас с тобой? — испугался пресс-центр.

— Дура! О «Росинвесте»!

— Про какую информацию ты говоришь?

Олег Николаевич посмотрел на ее кукольное личико, на невинные голубые глаза и безнадежно махнул рукой:

— Ладно, никуда не нужно ехать. Съезжу сам. Скажи Марине Евгеньевне, пусть вызовет машину.

Пресс-центр покинула кабинет, цокая по паркету каблучками и умело покачивая соблазнительными бедрами.

«Бардак, а не офис! К черту, нужно с этим кончать», — решительно подумал Олег Николаевич.

Но было уже поздно.

IV

Редакция журнала «Финансы» размещалась на Новодмитровской улице, ответвлявшейся от Новослободской, в офисном здании постройки 70-х годов, и тогда, вероятно, считавшимся образчиком современной архитектуры. Шестнадцать этажей, стекло и бетон — как

Новый Арбат, который старожилы называли вставной челюстью Москвы. Сейчас оно выглядело неряшливым кубом, возвышавшимся над промзоной: немытые стекла, потемневший от времени и грязи бетон. После праздничной Новослободской, набитой разноцветной рекламой, — задворки.

В «мерседесе» Михеева был GPS-навигатор. Он привел точно по адресу, здание было всего в пятидесяти метрах, но улицу в этом месте прерывали железнодорожные пути Савеловского вокзала, через которые был устроен пешеходный переход с деревянными щитами между рельсами.

— Попробуем подъехать с другой стороны? — предложил водитель Николай Степанович, которого Олег Николаевич ценил за неразговорчивость.

— Только время терять, пройду.

Он вышел из машины и сразу пожалел о своем решении. Дул противный ветер, срывался снег, щиты были покрыты липкой грязью. Настроение Олега Николаевича окончательно испортилось, когда в просторном фойе с мраморным полом он обнаружил милиционера возле вертушки. Без пропуска не пускали.

— Мне нужно в редакцию журнала «Финансы», — обратился он к дежурной в окошечке с надписью «Бюро пропусков».

— Заявка на вас есть?

— Нет.

— Позвоните по внутреннему телефону. Спустят заявку, тогда выпишу пропуск.

Рядом с телефоном на стене висел список фирм, разместившихся в здании. Михеев нашел «Финансы» и задумался, кому звонить. Он давно был избавлен от

таких забот, все его деловые встречи готовили в секретариате, и теперь он невольно чувствовал себя иностранцем в незнакомой стране. С главным редактором постороннего посетителя вряд ли соединят. Вот с кем соединят — с отделом рекламы. Он оказался прав, минут через десять в фойе появился очень любезный молодой человек, выписал пропуск и проводил Михеева в кабинетик, который он делил с тремя сотрудниками.

— Вы сделали правильный выбор. Реклама у нас дорогая, но попадает точно в целевую аудиторию. Что вы хотите рекламировать? Товары, услуги, оборудование, технологии?

— Я хочу дать рекламу моей фирмы в целом, — прервал Олег Николаевич. — Лучший способ — попасть в ваш рейтинг. Я правильно рассуждаю?

— Это не ко мне, — сразу поскутнел рекламщик, поняв, что коммиссионных он не получит. — Пойдемте познакомлю вас с человеком, который этим занимается.

Человек, который этим занимался, грузно восседал за столом с ноутбуком в таком же маленьком кабинете, но один. Ему было лет шестьдесят. Мощная лысина, выбритые до синевы щеки. Усов нет, зато ухоженная бородка от уха до уха, под подбородком, рыжая, шкиперская, придававшая ему высокомерный вид. Сходство со шкипером усиливала прямая трубка. При этом трубку он не курил, а производил над ней какие-то действия, разложив перед собой что-то вроде маникюрного набора со скребками.

Олег Николаевич с подозрением относился к людям с бородами. Особенно с такими, требующими массу времени, чтобы их обихаживать. Чаще всего они были бездельниками. Когда деловой партнер оказывался бородатым, он прерывал переговоры. Если же при этом

он еще и курил трубку, сразу можно было ставить клеймо: бездельник и самовлюбленный болтун. Но этот, с трубкой и шкиперской бородкой, был нужен Михееву не как деловой партнер. По быстрому взгляду, который он бросил на посетителя и умело оценил костюм от Армани и галстук от Нины Риччи, Олег Николаевич понял, что с этим человеком можно договориться. Многолетние занятия бизнесом научили его быстро разбираться в людях. Так он нашел следователя Сашу Кириллова, так он нашел адвоката, члена Общественной палаты, оказавшего Михееву немало услуг. Стоил адвокат дорого, но затраты окупались.

Фамилия у хозяина кабинета была Штокман, а имя Рудольф Иванович.

— Как вы отбираете фигурантов для своих рейтингов? — спросил Олег Николаевич, когда с процедурой знакомства было покончено.

— О, это очень, очень сложный процесс! — заявил Штокман с многозначительным видом. — На первом этапе мы определяем круг лиц, претендующих на место в рейтинге. На втором этапе производится оценка состояний. Величина капитала складывается из стоимости пакетов акций, недвижимости и всех прочих доходов. На третьем этапе проводится анализ капиталов фигурантов с целью исключить из них средства, потраченные на покупку новых активов. Наша методика позволяет довольно точно определить состояние человека. В отличие от стандартной методики, учитывающей только стоимость акций.

— Как вы оцениваете незавершенные проекты?

— Это один из самых сложных моментов. Особенно с девелоперскими компаниями. На начальной стадии мы их вообще не считаем, плюсуем прибыль только на

стадии завершения. Мы учитываем также аналитические отчеты ведущих инвестиционных компаний, Центрального банка, Федеральной службы по финансовым рынкам, анонимные экспертные оценки. Погрешность наших расчетов никогда не превышает десяти процентов. Если учесть, что данные «Финансов» можно использовать только в неофициальном порядке, это вполне приемлемо, не так ли?

Штокман набил трубку табаком из замшевого кيسета, примял желтым от никотина ногтем, но прикуривать не стал. Пожаловался:

— Пожарники лютуют, прямо беда. Как я понимаю, вы хотите попасть в наш список самых богатых людей России? Как видите, это очень непросто.

— Нет, — возразил Олег Николаевич. — Я в него уже попал. Под номером двести пятьдесят три.

— Вот как? — переспросил Штокман. Он пошуршал клавишами ноутбука и признал, как показалось Михееву, с некоторым разочарованием. — В самом деле. Два миллиарда шестьсот миллионов рублей. Поздравляю, это большое достижение. Тогда я не понимаю, какова цель вашего визита?

— Я хочу знать, как появились эти миллиарды. Как вы считали?

— Это конфиденциальная информация.

— Рудольф Иванович, мы с вами деловые люди и понимаем, что к чему. Время — деньги. Информация — тоже деньги. — С этими словами Олег Николаевич достал из кармана узкий желтый конверт со слюдяным окошком, в котором зеленели американские рубли, и положил на стол. — Здесь три тысячи долларов. Продолжим разговор?

Штокман покосился на дверь и смахнул конверт в ящик письменного стола.

— Внимательно слушаю вас, господин Михеев. Что конкретно вас интересует?

— Вся раскладка по моей фирме.

Штокман отложил трубку и придвинул к себе ноутбук. Минут через десять он вывел справку на принтер и молча протянул листок Михееву. В справке было двадцатка позиций с ценой активов, не слишком отличавшейся от той, что еще сегодня днем считал Олег Николаевич. Получались примерно те же полтора миллиарда. И только в самом конце стояло: «Девелоперский проект. Фармацевтическая фабрика. Прибыль 1,3 миллиарда рублей».

— Все правильно? — поинтересовался Штокман.

— Почти.

— Я же говорил, что наши эксперты не ошибаются.

— Кроме двух позиций. «Росинвест» мне не принадлежит. Его акции находятся у меня в трастовом управлении. Я всего лишь наемный менеджер.

— Минутку! — встревожился Штокман и снова углубился в компьютер. — Нет никакой ошибки, — через несколько минут сообщил он. — ЗАО «Росинвест» перерегистрировано на вас три месяца назад. Основание: дарственная прежнего владельца Гольцова. Странно, что вы этого не знали. Если действительно не знали. Какая вторая неточность?

— Фармацевтическая фабрика. Проект не будет осуществлен.

— Я вас не понимаю. Вы хотите сказать, что попали в рейтинг по ошибке?

— Да, это я и хочу сказать.

— Очень странно, — повторил Штокман. — Многие готовы заплатить немалые деньги, чтобы попасть в наш

список. Вы не исключение. Не понимаю, зачем вы ломаете эту комедию.

— Я ничего не платил.

— Значит, заплатили за вас.

— Кто? Сколько?

— Этого я не знаю. Такими делами занимаются другие люди.

— Так узнайте, — раздраженно бросил Олег Николаевич. — За три тысячи баксов можно оторвать задницу от стула?

Штокман оскорбленно вскинулся, но быстро понял, что он в проигрышном положении. Можно не только лишиться трех тысяч долларов, которые он уже считал своими, но и огрести кучу проблем от этого непонятного посетителя. Он молча вышел. Вернулся минут через двадцать. Не садясь, как бы давая этим понять, что хочет как можно быстрее избавиться от неприятного и чем-то опасного собеседника, сообщил:

— Кто — неизвестно. Ваш доброжелатель, он не назвался. Переговоры шли по телефону, а деньги привез курьер.

— Сколько?

— Пятьдесят тысяч долларов.

V

«Ваш доброжелатель. Пятьдесят тысяч долларов...»

В самом мрачном настроении ехал Олег Николаевич домой. У него было такое ощущение, что на него вдруг посыпались неприятности, как из неосторожно пор-

ванного бумажного мешка на антресолях, набитого старым ненужным хламом.

Плохой новостью было то, что стало известно о перерегистрации «Росинвеста» на его имя. Ее можно было и не скрывать, если бы Георгий Гольцов погиб. Если же он каким-то чудом остался жив — это было чревато такими неприятностями, что даже думать о них не хотелось. Олег Николаевич пожалел, что поспешил с перерегистрацией, нужно было дождаться завершения расследования Панкратова. Но кто же знал, что все так повернется.

Таинственный доброжелатель, выложивший пятьдесят тысяч долларов, чтобы воткнуть Михеева в список «Финансов», вообще не лез ни в какие ворота. Какой доброжелатель? С чего вдруг? Для шутки дороговато, да и не было у Олега Николаевича друзей, которые могли бы так подшутить. У него вообще не было друзей. Что-то похожее на то, что называют дружбой, смутно вспоминалось при мыслях о временах, когда они с Георгием раскручивали бизнес — азартно, не считаясь со временем, бешено ругаясь, но тотчас о ругани забывая. С тех пор как Олег Николаевич вошел в серьезный бизнес с серьезными деньгами, он словно бы перестал принадлежать себе. Деньги, будто живая материя, меняя свою концентрацию, обладали способностью устраивать жизнь вокруг себя по каким-то своим законам, незыблемым, как законы природы, они определяли образ жизни, привычки, круг общения. Были деловые партнеры, иногда они же приятели, были полезные знакомые, были знакомые бесполезные. И все.

— Завтра, как всегда, в девять? — спросил водитель, останавливаясь у подъезда.

— Да, — буркнул Олег Николаевич и вылез из машины.

«Спокойно высплюсь, а утром обдумаю все на свежую голову», — решил он. Но спокойно выспаться ему не удалось.

Еще в прихожей он заметил рядом с норковой шубой Раисы две итальянские дубленки, а на полу — две пары женских сапог зеленого и красного цвета на высоких шпильках. Зеленые были старшей дочери, Серафимы, а красные младшей, Ангелины. Имена дочерям выбирала Раиса. Серафиме было двадцать шесть лет, четыре года назад она вышла замуж за бизнесмена, который умел только делать долги, которые приходилось оплачивать Олегу Николаевичу. Сама она работала в аналитическом управлении «Промбанка» и была вроде бы на хорошем счету. Жила пара в двухкомнатной квартире в Кузьминках, которую им купил Михеев. Денег было жалко, но Олег Николаевич решил, что это дешевле, чем каждый вечер наткаться на зятя, всегда полного планов быстрого обогащения, которыми он спешил поделиться с тестем.

Младшей дочери было двадцать четыре года. После окончания режиссерского отделения Института культуры она вела богемный образ жизни, носилась то с планами создания андеграундного театра, то с организацией каких-то фестивалей подпольного кино. Деньги на свои затеи требовала у отца. Один раз Олег Николаевич дал триста тысяч рублей на театр, они были мгновенно пропиты андеграундными актерами. Больше он денег не давал, вызывая ярость дочери и неодобрение жены. Хватит того, что он давал ей деньги на жизнь и оплачивал ее съемную квартиру, в которой она то

жила с бойфрендом, то бурно ссорилась с ним и перебиралась под крыло матери в квартиру на Ленинградском проспекте. Обе дочери были в Раису — крупные, грудастые, некрасивые, по молодости еще более-менее стройные, но обещавшие с годами превратиться в такую же тушу, как мать. Вместе они приезжали редко, нынешнее сборище было необычным, и это, как почувствовал Олег Николаевич, не предвещало ему ничего хорошего.

Семейка сидела вокруг круглого стола в гостиной с напряженным видом. На столе Олег Николаевич заметил знакомую обложку журнала «Финансы» и понял, что еще не вся рухлядь вывалилась на него из мешка на антресолях.

— Михеев, ты поужинаешь или сначала поговорим? — любезным тоном поинтересовалась Раиса.

Олег Николаевич опустил на диван и устало махнул рукой:

— Говори.

— Не боишься, что пропадет аппетит?

— Переживу.

— Нам было очень лестно узнать, что мы являемся членами семьи миллиардера. Хоть и не долларового, а всего лишь рублевого. Но два миллиарда шестьсот миллионов рублей — это и для России неплохие деньги. Правда же?

— Продолжай.

— Но почему-то мы этого не чувствуем. На хозяйство получаем какие-то гроши, и каждый раз со скандалом, с руганью из-за каждой копейки...

— Ты получаешь на хозяйство по сто тысяч в месяц, — вяло огрызнулся Олег Николаевич. — И никогда не можешь сказать, куда ты их деваешь.

— Ходим в обносках, одна твоя дочь живет в задрипанной квартире в Кузьминках, вторая вообще в съемных квартирах, как безродная нищенка, ездят на дешевых «фиатах», в которые не сядет ни один уважающий себя человек...

— А они хотят на «бентли»? — перебил Олег Николаевич. — Сколько ты разбила машин за последние три года? — обратился он к Ангелине. — Не помнишь? А я помню. Две. А почему я помню? Потому что за них платил.

— Девочка в творческих исканиях, ей не до этого! Хороший отец нанял бы ей водителя! — парировала Раиса.

— На что ни попросишь — денег нет, — на высокой ноте включилась Ангелина. — На театр нет, на фестиваль подпольного кино нет, на андеграундных художников нет. А сам купается в миллиардах! Что ты с ними делаешь, папахен, пересчитываешь по ночам под одеялом?

— Что-то я не помню, жена, чтобы ты интересовалась такими изданиями, как «Финансы», — заметил Олег Николаевич. — «Космополитен» — да, «Мари Клер» — да, однажды видел у тебя даже «Плейбой». А «Финансов» не видел ни разу. Откуда он у тебя? Неужели стала выписывать?

— Очень надо! Привез курьер.

— Какой курьер? — насторожился Олег Николаевич.

— Обыкновенный, на мотоцикле.

— Он заходил в квартиру?

— С какой стати? Позвонил в домофон, я вышла. Не увиливай, Михеев. Ты считаешь, что это нормально? Что мы, семья миллиардера, живем, как нищие?

— В журнале «Финансы» ошиблись. Решили, что «Росинвест» принадлежит мне. А я всего лишь наемный работник, менеджер. У меня большая зарплата, но ее не хватит на «Бентли» и подпольных художников.

— Не ври, — вмешалась Серафима. — «Росинвест» принадлежит тебе, я проверила.

— К чему этот разговор? — прямо спросил Олег Николаевич Раису. — Не просто так же ты его затеяла. Договаривай до конца.

— Не торопись, дорогой. Сначала посмотри небольшое кино. Девочки, выйдите, — приказала она дочерям.

— Ну вот еще! — фыркнула Ангелина. — А то мы не видели порнухи. Видели и покруче!

Раиса тяжело поднялась из-за стола, сунула в плеер кассету и включила воспроизведение. Сначала Олег Николаевич ничего не понял. Какая-то квартира, разобранная кровать. Потом в кадре появилась блондинка и начала под музыку раздеваться. Она была очень хороша: стройная фигурка, большие, еще не обвисшие груди, длинные ноги. Вдруг Олег Николаевич замер. Это была Елена Георгиевна, пресс-центр «Росинвеста». Камера переключилась на кровать, на которой возлежал он, голый, плешивый, пузатый, с тощими волосатыми ногами. Пресс-центр переместилась к нему, затеяла игру, призванную возбудить его мужские достоинства.

— Выключи! — приказал Михеев.

— Неужели не интересно? — удивилась Раиса.

— Выключи! — рявкнул Олег Николаевич.

— А нам очень интересно. Правда, девочки?

Олег Николаевич схватил с журнального стола вазу и запустил ее в экран телевизора. Кино кончилось.

— С тебя еще восемнадцать тысяч. За телевизор, — хладнокровно констатировала Раиса. — А теперь я

скажу, зачем этот разговор. Ты пришел в нашу семью голый, как воробей, только что вылупившийся из яйца. У меня никогда не было иллюзий, почему ты женился на мне. Ты рассчитывал на связи отца...

— Это было самой большой моей ошибкой, — буркнул Олег Николаевич.

— И ты не ошибся, — продолжала Раиса, не слушая его. — Благодаря связям отца ты поднялся и решил, что пора начать новую жизнь. С этой шлюхой или с другой, это неважно. Но ты просчитался, дорогой мой. Я не хочу сидеть и ждать, когда ты придешь со страдающим видом и скажешь, что полюбил другую и нам нужно расстаться. Завтра я подаю заявление о разводе и разделе совместно нажитого имущества. Эта квартира в совместно нажитое имущество не входит, она завещана мне отцом. Так что будет лучше, если ты уберешься из нее уже сегодня. А все остальное входит. И дача, хоть она записана на тебя. Не нужно мне сочувствовать, Михеев. Меня вполне утешат миллиард триста миллионов рублей, которые я получу по суду. А я их получу, можешь не сомневаться.

Олег Николаевич извлек видеокассету из плеера и молча вышел из квартиры, не оглянувшись ни на жену, грузной тушей возвышавшуюся за столом, ни на притихший дочерей, не ожидавших, вероятно, такого исхода разговора.

Николай Степанович не успел поставить машину в гараж и минут через двадцать подкатил к дому.

— В Выхино, — приказал Михеев.

— Когда за вами заехать? — спросил водитель, привыкший к тому, что визиты в Выхино обычно затягиваются до утра.

— Никуда не уезжайте, ждите!..

Олег Николаевич открыл квартиру своим ключом, миновал темную прихожую и в комнате включил свет. Картина, представшая ему взору, очень напоминала кино, которое он только что видел, но на кровати ба-рахтался с пресс-центром не он со своим пузом, а нечто молодое, очень физкультурное и длинноволосое.

— Ой! — испуганно сказала пресс-центр и попыталась закутаться в простыню.

Нечто длинноволосое сразу сообразило, что его присутствие в этой ситуации излишне, поспешно натянуло штаны и ретировалось, опасливо оглядываясь на Михеева, застывшего посреди комнаты мрачной глыбой.

— Это мой брат, — поспешно сказала пресс-центр. — Он приехать погостить в Москву, ему негде было переночевать.

Олег Николаевич показал кассету.

— Как появилась эта кассета? Не ври, я все знаю.

— Это шутка! Честное слово, шутка! Я попросила одного мальчика поставить камеру и снять нас. На память. Мне было так приятно смотреть эту кассету, когда тебя нет!

— Как она оказалась у моей жены? Принесла сама?

— Нет, что ты! Попросила одну девочку.

— Когда?

— Когда попросила?

— Когда принесла!

— Месяца два назад. Или три. Точно не помню. Не сердись, Олежек! Ты говорил, что с женой давно не живешь, но не можешь развестись с ней, потому что у вас дети. И я подумала...

— Что ты подумала?

— Что это поможет тебе принять решение. Ну, развестись.

— И жениться на тебе?

— Ну да! У нас была бы очень хорошая семья, я бы тебя так любила, родила бы тебе чудесных крошек, мальчика и девочку... Я сделала что-то не так?

Олег Николаевич пристально посмотрел на нее, но ничего не сказал.

— Копии кассеты есть?

— Только одна. Вот она.

Михеев разломал обе кассеты о колено, швырнул их в угол и пошел к выходу.

— А как же я? — удивленно спросила пресс-центр.

— Ты? С тобой так. В офисе больше не появляйся, пресс-центр упразднен. Выходное пособие завтра тебе привезет посыльный.

— А кто будет платить за квартиру?

— Этот, длинноволосый, — ответил Михеев, бросил на стол ключ и вышел.

— Куда? — спросил Николай Степанович.

— На дачу.

Наутро он попросил Марину Евгеньевну соединить его с Панкратовым. Минут через пять она вошла в кабинет:

— Домашний телефон на автоответчике. Хозяина не будет несколько дней. Что передать?

— Спасибо, ничего. Позвоню на мобильный.

— Слушаю, — прозвучал в мобильнике голос Панкратова.

— Михаил Юрьевич, вы не могли бы подъехать ко мне?

— Никак не могу. Я сейчас в поезде «Москва — Мурманск».

— Что вы там делаете? — удивился Михеев.

— Еду в колонию, где отбывал срок Георгий Гольцов.

Глава пятая
**КАК НАЙТИ ЧЕРНУЮ КОШКУ
В ТЕМНОЙ КОМНАТЕ**

I

Панкратов вышел из квартиры Веры Павловны в 2.15. В 2.25 прослушка зафиксировала телефонный звонок:

— Арсен, нужно встретиться. Где всегда. Это срочно.

В 2.40 Вера Павловна вывела из подземного гаража двухдверную «мазду» цвета «спелая слива» и проследовала к Речному вокзалу. Наружка, нанятая Панкратовым, сопровождала ее на неприметных «Жигулях». На парковке возле Речного вокзала Вера Павловна оставила машину и прошла на пристань. Но в здание вокзала заходить не стала, подошла к одной из скамеек, второй справа от входа в вокзал, и минут десять прохаживалась возле нее, кутаясь от резкого речного ветра в воротник дубленки.

В 3.15 к ней подошел молодой человек в кожаной куртке, в высоких ботинках со шнуровкой, похожих на армейские берцы, и в черной вязаной шапке, натянутой до ушей. Разговор продолжался шесть минут.

Зафиксировать содержание разговора не удалось. После чего оба вернулись на парковку, Вера Павловна села в свою «мазду», а молодой человек уехал на скутере «Honda Spacy 100» ярко-желтого цвета без номерных знаков, не предусмотренных для этого вида транспорта. Следуя ранее полученным указаниям Панкратова, наружка двинулась за ним, но застряла в пробке на Ленинградском проспекте и потеряла объект наблюдения, умело лавировавший между машинами. Телеобъективом было сделано два десятка снимков. Фотографии неизвестного на скутере интереса не представляли, так как молодой человек был в шлеме, полностью закрывавшем лицо. Снимки, сделанные на пристани, были вполне пригодны для идентификации.

Расплатившись с наружкой, Панкратов распорядился прекратить прослушивать домашний телефон Веры Павловны. Вряд ли еще что-нибудь интересное выяснится. Главное уже выяснилось — таинственный курьер на желтом скутере.

Немного выше среднего роста, лет двадцати пяти — двадцати шести, чернявый. Лицо кавказской национальности. Где могла познакомиться с ним Вера Павловна? Нигде, только через мужа. А где с ним мог познакомиться Гольцов?

В штате «Росинвеста» никогда не было сотрудника по имени Арсен. Знакомый подполковник МВД, служивший в Зональном информационном центре, прогнал сканированный снимок Арсена через базу данных. Ни среди осужденных, ни среди находящихся в розыске такого человека не было. Не мелькало этого имени и среди свидетелей на суде над Гольцовым.

Три дня просидел Панкратов в архиве Таганского суда, изучая протоколы судебных заседаний. Дело по 199-й статье УК РФ (уклонение от уплаты налогов в особом крупном размере) было возбуждено следователем Таганской межрайонной прокуратуры юристом первого класса Кирилловым, обвинение поддерживал заслуженный юрист РФ, государственный советник юстиции первого класса прокурор Анисимов, председательствовала на процессе судья Фролова, защищал Гольцова адвокат Погорелов, тогда не очень известный, а в последние годы ставший заметной публичной фигурой и даже членом Общественной палаты.

Процесс длился три месяца. Он был копией судебных процессов над крупными и не очень крупными предпринимателями, начавшихся после ареста и суда над Ходорковским. Защита доказывала, что все действия подсудимых полностью соответствовали существовавшим тогда законам, обвинение считало, что законы, когда это нужно, имеют обратную силу, а вор должен сидеть в тюрьме. Вряд ли судьям кто-то давал начальственные указания, они сами чутко уловили общий тренд.

Гольцову пытались инкриминировать незаконный вывод в оффшор на Кипре 430 миллионов долларов, которые он заработал на операциях с государственными краткосрочными обязательствами, но доказать этого не смогли, тогдашние законы на этот счет ничем не отличались от нынешних. В последнее время делались попытки законодательно предотвратить отток капиталов из России, но судить по непринятым законам — это было слишком даже для «басманного» правосудия. Осталась только неуплата налогов с двухсот миллионов долларов из четырехсот тридцати. Защита утверждала,

что налоги на прибыль в размере 24 процентов, или 48 миллионов долларов, были своевременно перечислены в «Сибстройбанк», но банк в 1998 году обанкротился, его архивы исчезли, а в отчетности ЗАО «Росинвест» никаких следов перевода не оказалось. Свидетелем на суде выступал тогдашний финансовый директор «Росинвеста» Михеев. Он плел какую-то невнятицу о вирусе, повредившем базу данных, но убедительных доказательств привести не смог. У Панкротова создалось впечатление, что он боялся, как бы ему самому не оказаться на скамье подсудимых.

При том что все такие суды шли по одному шаблону, в этом процессе угадывалась какая-то заданность. Судья Фролова, не дослушав, отклоняла все ходатайства адвоката, прокурор Анисимов пер, как бульдозер, полностью игнорируя аргументы защиты, да и адвокат выглядел очень бледно, словно бы заранее смирился с проигранным делом.

От последнего слова Гольцов отказался.

Суд признал Гольцова виновным в уклонении от уплаты налогов в особо крупном размере и приговорил его к лишению свободы сроком на восемь лет.

Рассмотрев кассационную жалобу, Мосгорсуд оставил приговор Таганского суда в силе. Осужденный Гольцов был отправлен для отбывания наказания в колонию ИК-6, расположенную в Мурманской области.

Туда и ехал Панкратов, с удобством расположившись в двухместном купе вагона СВ скорого поезда «Москва — Мурманск», попивая крепкий чай из стакана в просторном мельхиоровом подстаканнике и рассеянно глядя в окно.

До Питера за окном была зимняя московская хлябь с мокрыми сквозящими перелесками, за Питером нача-

лась настоящая зима. Снег закрыл уже все поля, затуманил леса, а ближе к Мурманску заискрился под низким морозным солнцем.

Заглянул проводник:

— Вы до Зашейка? Приготовьтесь, через полчаса прибываем. Сразу пройдите к выходу, стоим всего две минуты.

II

Станция Зашеек Мурманской железной дороги представляла собой одноэтажный деревянный вокзал посередине единственной длинной платформы, освещенной тусклыми фонарями. На привокзальной площади стоял автобус с трафаретом на лобовом стекле «Полярные Зори». Поодаль — несколько легковушек с водителями, то ли встречавших приехавших, то ли рассчитывавших подцепить пассажира.

Панкратов знал, что нужный ему лагерь находится километрах в двадцати от станции, рядом с деревней Дегунино. И это были никакие не Полярные Зори.

— Мужик, тебе куда? — подкатился к нему малый в китайском пуховике и роскошной лисьей шапке.

— В лагерь. Знаешь где?

— У нас тут три лагеря. Тебе в какой?

— В ИК-6.

— А, в «шестерку»! Триста. Годится? Учти, автобус на «шестерку» будет только завтра утром.

— Поехали.

— Не против, если я еще кого-нибудь прихвачу?

— Против.

— Тогда пятьсот.

— За двадцать километров? — удивился Панкратов. — У вас тут цены покруче московских.

— Так ведь какая дорога! Это же мудовые рыдания, а не дорога! Полдня потом под машиной лежишь!

— Ладно, уговорил. Где твоя тачка?

— Сейчас будет!

Малый кинулся к легковушкам и вскоре подкатил к пассажиру на потрепанной «Ниве».

— Полярные Зори — это что? — поинтересовался Панкратов.

— Атомград, жемчужина Заполярья. Кольская атомная станция — слышал?.. У тебя в зоне-то кто?

— Знакомый.

— Чтобы к знакомому ехали — редкость. Все больше к сыновьям, к мужьям. Видел теток с сумками? Везут подкормить своих. «Шестерка» считается ничего. А на «трешке» и «восьмерке» — там, говорят, народишко воеет.

Темная узкая дорога, вся в рытвинах, заставила водителя примолкнуть. Через час «Нива» остановилась на краю деревни с тускло освещенными узкими окнами. В стороне, за черной озерной протокой, ряды фонарей и прожекторов рисовали контур зоны.

— Тебе куда? — спросил водитель.

— Есть здесь какая-нибудь гостиница?

— Тут, мужик, не Москва. Но приезжие на улице не ночуют. Зона всех кормит. Я знаю, куда тебя пристроить. К бабе Фросе. У нее чисто. И отдельная горница найдется. И что характерно — клопов ну совершенно нету. Тараканы, правда, есть, но они в темноте не мешают.

Отдельная горница у бабы Фроси, рослой мужеподобной старухи, обошлась Панкратову еще в восемьсот рублей. Сколько-то из них переместилось в карман

водителя — комиссия за выгодного постояльца. Зона всех кормит. Всю ночь он проворочался на пышных перинах в жарко натопленной горнице, заснул только под утро. С облегчением покинув странноприимный дом, вышел на улицу и понял, что опоздал. На его глазах из автобуса выгрузилась целая толпа теток с сумками и тележками, человек тридцать, и выстроилась в очередь к административному корпусу лагеря.

Удостоверение полковника ФСБ, хоть и в отставке, могло бы здесь помочь. Но встреча с начальником лагеря, который был нужен Панкратову, сразу приобрела бы официальный характер и никакого толку от нее бы не было. Поэтому он решил зайти с другой стороны: пристроился к очереди с видом обычного посетителя, который приехал навестить томящегося в узилище родственника. Очередь почему-то двигалась очень медленно, только к обеду Панкратов оказался в зале с длинным столом, на одном конце которого за компьютером сидел пожилой прапорщик, а на остальном пространстве стола с десятков надзирателей и надзирательниц потрошили содержимое сумок и тележек приезжих. Перерезали вдоль батоны колбасы и булки хлеба, ломали сигареты, перерубали пополам шоколадные конфеты прямо в фантиках. Тележки развивали, дули в полые алюминиевые трубки.

— Это зачем? — удивился Панкратов.

— Положено, — ответил прапор. — Все пытаются пронести — наркоту, деньги. Вы к кому?

— Мне нужно встретиться с одним знакомым.

— Разрешение есть?

— А как же? — Панкратов подсунил прапору паспорт с вложенной в него стодолларовой купюрой.

— Трудно, — вздохнул прапор.

— А так? — спросил Панкратов, добавив еще одну купюру.

Доллары исчезли, как их и не было.

— Фамилия заключенного? — деловито спросил прапор.

— Гольцов Георгий Андреевич. Срок восемь лет.

Толстые пальцы прапора забегали по клавиатуре и тут же остановились, словно бы клавиши заклинило.

— Какой Гольцов? — изумился он. — Гольцов откинулся больше года назад!

— Как откинулся? — в свою очередь изумился Панкратов. — Ему еще три года сидеть!

— Вышел по УДО. Освободился условно досрочно. Вы не знали? Надо же. Приперся человек из Москвы, а куда приперся, не знает. Ну, люди!

— Этого не может быть! — заявил Панкратов. — Могу я поговорить с начальником лагеря?

— А он что, другое вам скажет?

— Прояснит детали.

— Только время у людей отнимаете! — проворчал прапор. Но вспомнил, видно, о долларах и снизошел. — Пойдемте, провожу. Семенов, замени!

В сопровождении прапора Панкратов поднялся на второй этаж. Возле обитой железом двери с табличкой «Прокопенко И.И.» прапор велел подождать, деликатно постучал и вошел в кабинет. Через несколько минут вышел и кивнул:

— Заходите. Его зовут Иннокентий Иванович.

Кабинет начальника тюрьмы был обставлен добротной, хоть и не очень изысканной мебелью, сработанной, скорее всего, в лагерных мастерских. Сам начальник, подполковник внутренних войск Прокопенко Иннокентий Иванович, был изготовлен в тех же мас-

терских — кряжистый, тяжелый, с большой бритой головой, загорелым лицом и бледным черепом. Линия загара проходила по лбу, по обрезу фуражки. К церемониям он не привык, предпочитал сразу брать быка за рога.

— Мой сотрудник сказал мне, что вы интересуетесь Гольцовым. Это так? — спросил он, разглядывая необычного посетителя с простодушным интересом.

— Так.

— Вы кто?

— Да такой же служивый, как и вы. Только бывший.

Панкратов показал удостоверение. Не так, как обычно показывают кагэбэшники — издали и не давая в руки. Он небрежно бросил его на стол перед начальником, словно показывая, что оно уже не имеет никакого значения.

— Полковник ФСБ, — прочитал подполковник. — Ух ты, не проста сопля, с пузырьком!

— В отставке, — уточнил Панкратов.

— А мне до отставки еще пахать. Ладно, Михаил Юрьевич, это ты перед моим прапором можешь дурочку валять, а передо мной не надо. Никогда не поверю, что ты не знал, что Гольцов откинулся.

— Конечно, знал, — с усмешкой подтвердил Панкратов. — Мне нужно было увидеть тебя. Принял бы ты меня с парадного хода?

— Ну до чего же хитрожопые вы, москвичи! — восхитился подполковник. — Принял бы. По предварительной записи. Примерно через неделю.

— Вот! А Гольцова я видел перед отъездом. Он просил передать тебе привет и небольшой презент.

Это был рискованный шаг. Но расчет Панкратова оказался верным. О гибели Гольцова в авиакатастрофе

в газетах ничего не было, по телевизору не передавали, а если о событии пишут в газетах и не передают по телевизору, то никакого события и не происходит.

Панкратов извлек из кейса фирменную коробку, в которой бережно, в рисовую бумагу, как хрупкая елочная игрушка, была упакована семисотграммовая бутылка армянского коньяка «Ной».

— Смотри-ка! — уважительно оценил ее подполковник. — Это же сколько тут звездочек?

— Если считать по годам выдержки — двадцать.

— Никогда такого не пил!

— Я тоже, — признался Панкратов.

— Сейчас исправим! Сержант Лялина, тотчас мне хрустали и лимон с сахаром! — скомандовал он по интеркому. — Сахару много не сыпь.

Появилась очень симпатичная сержант Лялина с расписным жостовским подносом, на котором стояли два граненых стакана и блюдце с нарезанным лимоном.

— Меня нет, я на объекте. Свободна, — отпустил ее подполковник, откупорил бутылку и разверстал коньяк по стаканам.

— Ты куда столько льешь? — поразился Панкратов. — По полному! Мы же не успеем поговорить!

— Успеем, — успокоил подполковник. — Говорят, это в Европах пьют по двадцать грамм. Не понимаю, только рот поганить. Давай, Михаил Юрьевич, со знакомством!

— Со знакомством, Иннокентий Иванович!

Панкратов сделал пару глотков, а подполковник одним духом опорожнил стакан и старательно зажевал лимоном.

— Как? — поинтересовался Панкратов.

— Ну что я тебе, Миша, скажу? Забористый, это есть. Что есть, то есть. А вообще никак. Если ты всю жизнь жрал сивуху и «Солнцедар», «Ной» тебе не в коня корм. Мне однажды подарили шампанское, этот, «Дон Периньон»...

— «Дом Периньон», — поправил Панкратов. — Самое известное французское шампанское, подают на светских приемах.

— Ага, оно. И что? Ситро! Как там Гольцов поживает?

— Нормально, — неопределенно отозвался Панкратов.

— Бизнесом занимается?

— Да, но не так чтобы очень.

— Светлая голова! Уважаю. Он мне всю зону перестроил. Знаешь, что мы до него делали? Штамповали из алюминия вилки и ложки. Все склады завалили, никто их брать не хотел. Он пришел ко мне, сказал: вы на что переводите ценный материал? Кому нужны ваши вилки, их сейчас из пластмассы штампуют. А что нужно? Профилированный кровельный лист. Такой, знаешь, как шифер, волнистый, только алюминиевый. Люди строятся, толем и шифером крыши крыть уже не хотят. Помудохались, конечно, пока все оборудование переналадили, кой чего докупили, Георгий помог с деньгами. Зато теперь в очередь к нам выстраиваются. Давай за него!

После второго стакана подполковник совсем расслабился, распустил галстук, расстегнул китель. Череп почти сравнялся цветом с лицом, только лицо было коричневое, а череп розовый. С душевной доверительностью признался:

— Ох, как не хотелось мне его отпускать по УДО! Оставайся, говорю, будешь главным инженером, зарплата с полярками, что тебе в той Москве? Нет, говорит, есть дела, надо кое в чем разобраться. Пришлось отпустить.

— А мог не отпустить?

— Запросто. Пара замечаний за нарушение режима и привет УДО. Мне это как два пальца обоссать. Но я же не сука, чтобы так платить за добро. Мне, Миша, большие деньги давали, чтобы он свой срок до конца оттянул.

— Кто?

— Да приезжал тут один хлыщ. Адвокат. Десять штук зеленых мне сунул.

— Как фамилия адвоката, не помнишь?

— Какой-то Горелов. Или Погорелов. Да он часто в телевизоре мелькает, рожа такая сытая.

— И ты его послал?

— В деликатной форме. Не могу, говорю, на меня давят.

— Бабки вернул?

— Ты за кого меня принимаешь? — обиделся подполковник. — Бабки вернуть! Разогнался! Сам отдал! Сам, я ему ножик к горлу не приставлял! Про бабки он и не заикнулся. Понял, что я могу ему такую козу устроить, что мало не будет. Дача взятки должностному лицу при исполнении — это что? Это статья! Он бы сейчас не в телевизоре торчал, а у меня на зоне парашу выносил. Умылся и отвалил.

— На тебя и вправду давили?

— Еще как! Ты не поверишь, если я скажу, какие люди ко мне приезжали. Один даже на вертолете прилетел. Ну, не ко мне, к Георгию. Но и со мной общались,

просили облегчить ему режим содержания. А чего просить? Он и так был почти что расконвоированный.

— Жена приезжала?

— Четыре раза. Чаше нельзя, не положено. Я многое, конечно, могу, но есть вещи, которых даже я не могу. Положено трехдневное свидание раз в год, выше головы не прыгнешь. Первый раз он отказался с ней встретиться. Еще на первом году. Я не спрашивал, но так думаю, что не хотел, чтобы она увидела его в тюремной робе.

— А что она?

— Да ничего. Оставила передачу и уехала. Она мне этот «Дом Периньон» и презентовала. Проявила уважение. С характером дамочка. С виду фифа московская, а с характером.

— А потом?

— Потом встречались. Пообвык. Да и жена хороша. Хороша, зараза! Вроде ни кожи, ни рожи, а внутри ух, огонь! У нас для таких свиданок есть дом. Так я им лучшую комнату устраивал и не дергал. Ты, Миша, не крути, прямо скажи, чего тебе от меня нужно. Я человек простой. Смогу — сделаю. Не смогу — не взыщи.

— С кем Гольцов был близок на зоне? — спросил Панкратов. — Может, дружил, спали на соседних шконках?

Подполковник задумался.

— Дружить особо ни с кем не дружил. Птица все-таки другого полета. Но уважали его все, даже паханы. Умел ладить с людьми. Нет, вру. Был один паренек, от него не отходил. Неплохой механик. Осетин, из Владикавказа, тянул четыре года за драку с поножовщиной. То ли за сестру вступился, то ли за родственника. Его

поначалу прессовали блатные, Георгий отмазал. Сказалась, видно, своя кровь.

— Какая кровь? — удивился Панкратов. — Разве Гольцов осетин? Фамилия русская, имя-отчество русские.

— Был кто-то в роду, Георгий рассказывал. Какой-то прадед привез жену из тех мест. Казак. Они отовсюду жен привозили. Где воевали, оттуда и привозили. С Туретчины, с Кавказа. Как тогда говорили — черкешенку. От крови и характер. Горячий характер. Такой человек даже малое добро помнит, но и зла не забывает. Не забывает зла. И правильно. Если зло прощать, оно пухнет. Как квашня. Или лучше сказать — как рак.

Панкратов достал из кейса снимки курьера на желтом скутере и разложил перед подполковником.

— Он?

— Точно! Он! Смотри-ка какой стал! А был совсем цыпленок, соплей перешибешь. Как же его звали? Фамилию помню — Цахалов. Нет, Цахилов. А имя из головы выскочило.

— Арсен?

— Верно, Арсен. Вот память стала. Чуть выпью, все забываю. А как на такой работе не пить?

— Ты не мог бы дать мне справку на этого Цахилова? — спросил Панкратов. — Год рождения, место рождения, где судили, за что сидел, когда освобожден.

— Сержант Лялина! — скомандовал подполковник по интеркому. — Залезь в архив. Арсен Цахилов. Объективку, быстро!.. Откинулся он вскорости за Гольцовым, хотя сидеть ему было еще два года. Я так полагаю, Георгий выкупил. Занес кому надо, дело пересмотрели в порядке надзора и скостили срок... Смотри-ка, какая

объемистая бутылка! Пьем, пьем, а она все не кончается. Молодцы армяне. Будь здоров, Миша!

— Будь здоров, Кеша! — поддержал Панкратов.

Через десять минут отпечатанная на принтере справка лежала у него в кармане. Панкратов поднялся.

— Спасибо, Иннокентий Иванович, ты мне очень помог. Мне пора. Еще добираться до Зашейка, автобус редко ходят.

— Зачем тебе автобус? Поедешь на моем «уазике». Сержант Лялина, мою машину для полковника ФСБ к подъезду!.. Что-то я не врубился, Миша. Получается, что ты приезжал за этой херней?

— В общем, да. Только это не херня.

— Зажрались вы там в Москве, зажрались! Ну, ваши дела. Передавай привет Георгию. Скажи, что здесь его помнят!..

III

«Цахиллов Арсен Асланбекович. Год рождения 1985. Место рождения г. Алагир Республики Северная Осетия — Алания. Из многодетной семьи рабочего сельхозпредприятия. Отец механик, мать домохозяйка. Осужден Алагирским райсудом в 2006 году по статье 213 УК РФ за злостное хулиганство на четыре года лишения свободы. В 2008 году приговор был пересмотрен и сокращен до двух лет, фактически отбытых. Администрацией колонии охарактеризован как вставший на путь исправления. Освобожден из мест заключения 15 февраля 2008 года...»

Теперь Панкратову стало понятно, почему фотографии Арсена Цахилова не оказалось в базе данных

Зонального информационного центра. Судили-то его не в московском регионе, а в Осетии. А зафиксирована ли эта фигура в справочной службе МВД? Что-то обязательно должно быть, у лиц кавказской национальности московская милиция проверяет регистрацию на каждом шагу. Регистрация может быть купленной, человек может жить совсем по другому адресу, но она есть. И с этого уже можно начинать поиски.

Милицейская справочная служба предназначалась для служебного пользования, отвечали только по паролю, пароль регулярно менялся. Узнать пароль Панкратову не составило никакого труда, хватило одного звонка знакомому из ГУВД Москвы. Справку дали мгновенно:

— Цахилов Арсен Асланбекович, 1985 года рождения, зарегистрирован 10 марта 2008 года в Жулебино, улица Маршала Полубояркова, дом 34, кв. 126. Регистрация постоянная, так как квартира принадлежит ему на праве личной собственности.

Жулебино было новым районом сразу за МКАД, застроенным многоэтажными домами. Квартиры там стоили по 80 — 100 тысяч рублей за квадратный метр. Это справку Панкратову дали в риелторской фирме. Даже если Арсен Цахилов купил там однокомнатную квартиру, она обошлась ему не меньше чем в два миллиона рублей. У молодого человека из небогатой семьи, только что освободившегося из лагеря, таких денег быть не могло.

«Горячо», — понял Панкратов.

Пришлось снова нанимать наружку. За три дня наблюдения за квартирой и домом выяснить почти ничего не удалось, кроме того, что квартира не однокомнатная, а двухкомнатная. Значит, она стоила миллионов

пять. О хозяине квартиры соседи ничего не знали. Они вообще не знали, кто живет рядом. Это был московский служивый люд, слишком озабоченный ипотекой, чтобы интересоваться соседями. Не буянит, шумных сборищ не устраивает, музыку на полную громкость не включает. Вот и все, что они знали.

Арсен иногда уезжал по делам на желтом скутере, иногда на синем «Форд-фокусе», который вместе со скутером держал во дворе в «ракушке». Возможно, кто-то к нему приходил, но установить их личности не удалось, так как фиксировались люди, входящие в подъезд, а наблюдательный пост на лестничной клетке устанавливать не стали, слишком заметно.

На четвертый день Панкратов снял наружное наблюдение и вечером приехал в Жулебино. На звонок долго не открывали, смотрели в глазок. Наконец из-за двери послышалось:

— Вы к кому?

— К вам, Арсен, — ответил Панкратов. — Нужно поговорить.

— Вы кто?

— Моя фамилия Панкратов. Я советник по безопасности Национальной алкогольной ассоциации.

За дверью надолго затихли. Панкратов терпеливо ждал. Он догадывался, чем вызвана эти тишина: Арсен с кем-то советовался. Наконец щелкнул дверной замок, Арсен отрыл дверь:

— Заходите.

В гостиной предложил стул, сел напротив и недружелюбно спросил:

— О чем вы хотите со мной говорить?

— Не с вами, — ответил Панкратов. — С Георгием Гольцовым.

Арсен некоторое время напряженно рассматривал его, потом молча вышел в соседнюю комнату. Через несколько минут из нее появился высокий худой человек с жестким лицом и резкими складками в углах рта.

— Я Гольцов. Зачем вы меня ищите?

Наутро Панкратов приехал в офис «Росинвеста», вошел в кабинет Михеева и выложил из кейса десяти-тысячные пачки долларов — одну нетронутую, в банковской бандероли, и одну распотрошенную. Сверху положил листок:

— Мои расходы.

Михеев просмотрел справку — не для того, чтобы проверить, а по привычке делового человека внимательно просматривать все финансовые документы.

Авиабилет Москва — Казань... Прослушка... Наружное наблюдение... Железнодорожные билеты в вагон СВ до станции Зашеек Мурманской ЖД и обратно... Транспорт и проживание в д. Дегунино... Коньяк «Ной» производства Армении по цене 23 200 рублей бутылка... Гонорар из расчета 800 долларов сутки... Остаток 12 тысяч 340 долларов.

— Можете пересчитать, — предложил Панкратов.

— Вы не сказали главного. Мое поручение выполнено?

— Выполнено.

— Гольцов?

— Да, жив.

— Как он может быть жив, если его с самолет разбился? — закричал Олег Николаевич. — Все погибли, восемьдесят восемь человек!

— Он не сел в этот самолет. В последний момент передумал.

— Почему?

— Этого я не знаю.

— Извините, что я повысил голос. Нервы ни к черту.

Он в Москве?

— Можно сказать и так.

— Я хочу с ним встретиться.

Панкратов не ответил.

— Мне нужно с ним встретиться, — повторил Олег Николаевич. — Дайте мне его телефон или адрес.

— Не могу. Он меня на это не уполномочил.

— Я вам заплачу. Эти доллары — можете их оставить себе.

— Олег Николаевич, напомню наш разговор в этом же кабинете некоторое время назад. Я спросил: «Вы хотите, чтобы я нашел Гольцова, если он жив?» Вы ответили: «Нет, я хочу, чтобы вы установили, жив он или погиб». Я это установил. Мои обязательства по контракту выполнены.

— Не понимаю вас. Вы наемник. Я хотел сказать, наемный работник. И отказываетесь от хороших денег за информацию, которая уже у вас есть. При этом она касается совершенно постороннего вам человека.

— Вы неправы. Георгий Гольцов мне не посторонний, я его уже довольно хорошо знаю. Откуда? Из рассказов о нем самых разных людей. А еще из глав недописанной книги писателя Ларионова. Он прислал мне их по электронной почте. Все-таки писатели странные люди. Им обязательно нужен читатель. Хоть один. Даже такой, как я...

Глава шестая
**ЧУЖАЯ ЖИЗНЬ ГЛАЗАМИ
ПОСТОРОННЕГО ЧЕЛОВЕКА**

I

«Поселок Нижний Кут располагался километрах в двадцати выше устья притока Оби реки Нижний Кут, берущей начало в горной части северного Урала. В 1988 году, когда первая очередь Нижне-Кутской ГЭС была введена в строй, поселок переименовали в Светлогорск. Руки бы обломать тем, кто придумывает такие названия. Сколько я повидал этих Светлогорсков — и в Прибалтике, и в Крыму, даже на Дальнем Востоке. Одним росчерком чиновничьего пера обезличивается не география, кастрируется история. Нижний Кут, основанный староверами, с двухсотлетним драматическим прошлым — это как-то, знаете ли, некрасиво. А Светлогорск — красиво? Красивенько.

Но в 1982 году, когда сюда приехал молодой специалист, выпускник Московского инженерно-строительного института Георгий Гольцов, поселок был еще Нижним Кутом. Собственно, никакого поселка уже и тогда не было, осталось только название. Сам поселок

и все деревни из зоны затопления будущим водохранилищем перенесли в верховья Нижнего Кута, а на месте стройки возник хаос временного жилья — балки, вагончики, сборно-щитовые бараки, приткнувшиеся к промбазам, хранилищам ГСМ, всяческим УНР. Река Нижний Кут была уже перекрыта, мирно обтекала стройку по наспех прорытому руслу. Плотина только начала возводиться. Из запроектированных семидесяти метров она поднялась метров на пять и была центром жизни, предопределяла движение нескольких тысяч людей и бесчисленного множества механизмов — бульдозеров, экскаваторов, бетоновозов, карьерных самосвалов.

По тому, с какой быстротой растет плотина, начальство оценивало работу строителей. Растет — передовики, не растет — чем вы там, вашу мать, занимаетесь?! Так было везде, к такому порядку привыкли и удивлялись, когда читали о том, как строят на загнивающем Западе: сначала комфортабельные жилье для рабочих, дороги и инфраструктуру, потом все подготовительные работы, и только после этого приступают к основным сооружениям. Нам это ни к чему, и так сойдет. Сходило, но не всегда, здесь не сошло.

Нижне-Кутская ГЭС планировалась сравнительно небольшой мощности, около 400 мегаватт, раз в десять меньше Братской ГЭС. Но она была очень важна для северного Урала, задыхавшегося от недостатка электроэнергии. Поэтому стройку объявили комсомольской ударной, но не всесоюзной, а областной. Это решило проблему кадров, комсомольцев-добровольцев набралось достаточно...

В советские времена я без малого двадцать лет проработал в молодежных газетах и журналах и наездился по таким стройкам по самое никуда. В Дивногорске видел, как с огромных самосвалов сбрасывают в воду бетонные кубы с надписью «Покорись, Енисей!», жил в первых палатках притрассовых поселков БАМа, ездил на его первых медленных поездах. В отличие от многих коллег-журналистов, людей профессионально циничных и считавших молодых строителей безмозглым рабочим скотом, который власть использует в своих целях, я так не думал. Эти ребята и девушки возводили не великие сибирские ГЭС и не «дорогу века» строили, они решали свои проблемы — безденежья, одиночества, гнета перенаселенных городских коммуналок, родительского диктата. Они решали их сами, не надеясь ни на кого. Они боролись за свою свободу. Нелегкий труд и неустроенный быт был их платой за свободу. За свободу всегда приходится платить несвободой.

Этим же всю жизнь занимался и я, писал очерки и книги о молодых строителях. Я тоже боролся за свою свободу — за свободу не вскакивать по будильнику, не просиживать штаны в пыльных конторах с девяти до шести с перерывом на обед и не писать статей за комсомольских и партийных функционеров. Сегодня я боюсь перечитывать эти книги. Не то чтобы в них не было правды жизни, она была, но в гомеопатических дозах и глубоко запрятана, как изюминка в пышной и пресной булке. Единственная книга, которая как-то оправдывает мое существование как писателя — книга о новочеркасской трагедии 1962 года, к рождению которой был напрямую причастен Георгий Гольцов.

Не знаю, чем Гольцов руководствовался, когда при распределении выбрал Нижний Кут. Возможно, тем, что стройка молодежная, а у него уже был большой опыт работы с молодыми строителями, все пять лет он ездил со студенческим стройотрядом МИСИ, зарабатывая на жизнь. Может быть, решил, что на небольшой стройке легче проявить себя, чем в огромных коллективах на какой-нибудь Красноярской или Саяно-Шушенской ГЭС. Если бы это было возможно, я спросил бы его, чувствовал ли он, что его поступками руководит та невидимая сила, которую мы называем судьбой. Есть люди, которые упорно сопротивляются ей и потом горестно недоумевают, почему их жизнь не сложилась. А есть люди, которые умеют расслышать ее зов и следуют ему безоглядно, не просчитывая выгоды и невыгоды. Таким, как мне кажется, был Георгий Гольцов.

Но у него уже ничего не спросишь.

Как молодой офицер после военного училища начинает с должности командира взвода, так и выпускник строительного института всегда начинает с мастера. Многие на этом и заканчивают, переходят в техотделы или на любую канцелярскую работу, на которой не нужно вкалывать по десять, а то и по двенадцать часов, собачиться с начальством и с работягами, а вечером приползать в свой вагончик и валиться без сил, едва успев сбросить робу и сапоги. Через полгода Гольцов стал прорабом, а еще через полтора года начальником участка. Вот тогда судьба и преподнесла ему первый царский подарок. Вернее, так: она дала ему шанс. И он его не упустил.

Зимы на северном Урале всегда морозные, а зима 84-го года была и на редкость снежной. Синоптики еще в январе предупреждали, что снежный покров в горах достигает трех метров, и в случае ранней весны паводок на Нижнем Куте может быть такой, какого не было за всю историю метеонаблюдений. На стройке на эти предупреждения не то чтобы совсем не обращали внимания, но отмахивались. Не до этого. По графику высота плотины должна быть уже 12 метров, а на деле едва достигала девятиметровой отметки. Наверстывали, опасаясь не начальственного гнева, а того, что все останутся без квартальной премии. Спихнулись только в конце марта, когда стало ясно, что весна обещает быть ранней, срочно перебросили всю технику на прокладку водоотводного канала, но было уже поздно.

На небольших реках вроде Нижнего Кута, как мне объяснили гидростроители, такие каналы являются вспомогательными сооружениями и нужны только до тех пор, пока не будут возведены плотина и дамбы и не начнется заполнение водохранилища. Искусственное русло, в которое раньше отвели реку, не могло выдержать сильного паводка. К тому же оно было покрыто метровым льдом, который при ледоходе полностью его закупорит. Через месяц авральных работ в три смены стало ясно, что до паводка канал не будет прорыт. Начальник стройки поспешно ушел на пенсию, оставив вместо себя главного инженера, опытного гидростроителя, много чего повидавшего на своем веку. К нему и пришел Георгий Гольцов.

— Не успеваем, — сказал он.

— Не успеваем, — согласился и.о. начальника. — И без тебя знаю. Это все, что ты хотел мне сказать?

— Не все. Есть предложение.

— Излагай. Хорошая идея нам сейчас очень не помешает. Что ты предлагаешь?

— Снять всю технику с канала и укрепить плотину. Пропустим паводок через нее.

И.о. начальника даже привстал в кресле.

— Да ты представляешь, что говоришь?! Через недостроенную плотину! Рухнет к такой матери!

— Если рухнет, она и так рухнет.

— Запомни, Георгий, что я тебе скажу, пригодится в жизни. Если я буду рыть канал до последнего дня, но не успею и паводок пойдет через плотину, у меня будут крупные неприятности. Но не смертельные. Стихийное бедствие. А если сниму технику с канала, как ты предлагаешь, а плотина не выдержит, то я сяду в тюрьму. Есть разница?

— Да с чего ей рухнуть? — попытался возразить Гольцов. — Не Енисей. Выдержит.

— Уверен?

— Не на сто процентов, но процентов на семьдесят.

— Мне бы твою уверенность! Ладно, сделаем так. С этой минуты ты — исполняющий обязанности главного инженера. Действуй. Но учти — вся ответственность на тебе.

Слух о том, что на Нижне-Кутской ГЭС прекратили работы на водоотводном канале и вернули всю технику на плотину, дошел сначала до треста, потом до отдела строительства обкома партии, а потом и до первого секретаря обкома Бориса Николаевича Ельцина. Он даже не сразу поверил: «Как прекратили рыть канал? Они что там, с ума посходили?»

В один из солнечных апрельских дней, когда с крыш вагончиков уже потекло, а сугробы заметно просели, над поселком появился вертолет «Ми-8» и приземлился на площадке перед деревянным зданием управления. Из вертолета вышел Ельцин, приказал выбежавшему ему навстречу и.о.начальника стройки:

— Показывайте, что тут у вас!

Поднялся на плотину, молча прошел из конца в конец, недовольно глядя на бетоновозы и самосвалы, вываливающие в тело плотины содержимое кузовов, на сварщиков, укреплявших плотину снаружи металлической арматурой. Появился Гольцов, извещенный о прибытии самого. И.о. начальника представил его:

— Гольцов, исполняющий обязанности главного инженера.

Ельцин перевел на него хмурый взгляд:

— Это ты снял технику с канала?

— Я.

— Почему?

— Без толку, все равно не успевали. Здесь она нужней.

— А если плотина рухнет?

— С чего ей рухнуть? Технологию соблюдали, песок в цемент не сыпали.

— Знаю я, как вы соблюдаете технологию. И про цемент тоже знаю.

— Борис Николаевич, посмотрите на поселок, — предложил Гольцов. — Видите хоть один бетонный или хотя бы кирпичный дом?

С высоты плотины первый секретарь окинул взглядом хаотическое нагромождение временного жилья.

— Не вижу. И что?

— То, что цемент весь в плотине, до последнего килограмма.

— Не украли, ты хочешь сказать?

— Можно сказать и так.

— Размоет, — с меньшей уверенностью предположил Ельцин.

— А у нас что, есть другой выход?

— Рисковый ты парень. А что? И правильно, настоящий строитель должен уметь рисковать. Ладно, продолжайте. Но учти, Гольцов, рухнет плотина, пойдешь под суд! И получишь на всю катушку, это я тебе обещаю!

— Спасибо, — сказал Гольцов.

— За то, что пойдешь под суд? — удивился Ельцин.

— За разрешение продолжать.

Как и предсказывали синоптики, паводок был небывалой силы. На старом русле пытались взрывать лед, но половодье быстро затопило окрестности, подняло в верховьях Нижнего Кута штабеля бревен с леспромхозовских делянок, они били в тело плотины, как торпедами. На третий день вода достигла гребня плотины и хлынула вниз, на строительную площадку, с которой вывели бульдозеры и экскаваторы. Весь поселок с утра и до темноты толпился на окрестных холмах, напряженно следя за буйством стихии. Лишь на пятый день паводок начал спадать.

Плотина выдержала.

За рационализаторское предложение, позволившее сэкономить несколько миллионов рублей, и.о. главного инженера Гольцов получил премию в размере месячного оклада.

Эта история имела неожиданное продолжение. Сначала по каналам ТАСС прошла заметка нештатного собкора по Свердловской области о необычном опыте гидростроителей Нижне-Кутской ГЭС, а еще через полгода, когда о паводке все забыли, Гольцова срочно вызвали в обком партии и даже прислали за ним вертолет, что было делом совершенно неслыханным. В обкоме его привели в кабинет первого секретаря. Кроме Ельцина, в нем было два смуглых черноусых господина явно иностранного происхождения и какой-то молодой русский лощеного московского вида.

— Здорово, гидротехник, — приветствовал Георгия Ельцин. — Ты, наверное, думал, что я про тебя забыл, а я не забыл. Вот, сосватал тебе работенку. Это из Венесуэлы товарищи. Хотя какие они товарищи? Только называют себя социалистами. Но деньги считать умеют. Поговори с ними.

Один черноусый оказался чиновником из посольства республики Венесуэла в СССР, второй — вице-президентом Энергетической компании Венесуэлы, а русский — переводчиком из МИДа.

Из пространной речи вице-президента в бойком переводе с испанского вытекало, что в Энергетической компании очень заинтересовались опытом сеньора Гольцова, позволяющим строить гидроэлектростанции на небольших реках без сооружения водоотводных каналов, что позволяет сократить сроки строительства и сэкономить значительные материальные средства. Мы внимательно изучили этот опыт и считаем, что его можно применить в наших условиях, продолжал вице-президент. Дефицит электроэнергии тормозит рост

промышленности республики, правительство приняло комплексную программу развития электроэнергетики. Уже начато сооружение ГЭС на реке Сан-Хуан в восточной Венесуэле. По условиям она сходна с русской рекой Нижний Кут. Мы считали бы очень желательным, если бы сеньор Гольцов принял участие в этом строительстве в качестве советника с широкими полномочиями. Я уполномочен сделать вам это предложение. Надеюсь, что условия контракта удовлетворят сеньора Гольцова.

— Борис Николаевич, он это серьезно? — ошеломленно спросил Георгий.

— А ты как думал? Если он приперся к тебе из самого КаракАса, это, по-твоему, несерьезно?

— КарАкаса, — поправил переводчик.

— Неважно. Тебе сделали деловое предложение.

— Да кто же меня отпустит?! Я даже не член партии.

— Я отпущу, тебе этого мало? Им нужен толковый инженер, коммунистов у них своих хватает. Решай.

— Один вопрос, — обратился Георгий к переводчику. — Спросите у него, воруют у них на стройках цемент?

— Так и спросить?

— Так и спросить.

Лицо вице-президента выразило крайнюю степень недоумения.

— Он не понял вопроса, — объяснил переводчик. — Нет, у них на стройках цемент не воруют. Он не знает ни одного такого случая и не понимает, зачем это может понадобиться. Если кому-то нужен цемент, его покупают с доставкой на дом.

— Если так, я согласен, — сказал Гольцов.

Через два месяца он сошел с трапа «Боинга 737» компании «Дельта» в международном аэропорту Каракаса. На Урале уже свирепствовали морозы, в Москве стояла слякотная зима, а здесь вовсю цвели какие-то диковинные цветы, была весна. В Каракасе круглый год весна.

Весь багаж Гольцова уместился в абалаковском рюкзаке — в том же, с каким он приехал в Нижний Кут. Через три года, когда он отплывал из Каракаса на океанском лайнере «Куин Элизабет 2», вещей у него было побольше. В трюме стоял белый «линкольн», подаренный русскому инженеру Гольцову Энергетической компанией Венесуэлы в знак благодарности за сэкономленные миллионы боливар. В одном из кожаных чемоданов фирмы «Монблан» — свадебное платье Барбары Валенсии, его юной жены поразительной, завораживающей красоты.

Трансатлантический круиз закончился во французском Гавре. Молодожены проехали по всей Европе: Париж, Мюнхен, Вена, Мадрид, Рим. Это было их свадебное путешествие. Позже Гольцов рассказывал, что больше всего его поражала свобода, с какой они пересекали границы. Не выходя из машины.

На польско-советской границе в Бресте свобода кончилась...»

II

«Всегда интересно, как наши успешные предприниматели заработали свои капиталы. Не олигархи, с ними все ясно. Нет, обычные предприниматели, кото-

рые не покупают футбольных клубов и стометровых яхт, которые создали свой бизнес и умело им управляют. В этом интересе присутствует не то чтобы ревность, но как бы некий укор судьбе: почему они смогли, а я нет, что за несправедливость? Ведь начинали одинаково, с нуля, отмена запрета на частнопредпринимательскую деятельность была для всех, закон о кооперативах тоже для всех. Почему же они жируют, а я с трудом дотягиваю от гонорара до гонорара? Почему? Потому. Удача — дама капризная, она не любит ленивых и слабовольных. Добавлю — и нелюбопытных.

Здесь я пропущу несколько страниц. Может быть, напишу потом. Сейчас нет у меня слов и душевных сил, чтобы описать то, что пережил мой герой, когда умерла его жена. Тот, кому приходилось терять любимых, знает, как это бывает. Кому не приходилось — дай Бог, чтобы и не пришлось. Люди, близко знавшие Георгия в те годы, рассказывали, что после смерти Барбары Валенсии он стал другим — гораздо более мягким к друзьям и к тем, кого считал друзьями. Будто видел смерть за их спинами и не хотел потом казниться за то, что мог сделать для них, но не сделал. Не мне судить, было ли ему, что ставить себе в вину перед Барбарой Валенсией. Разве что то, что привез этот экзотический цветок в Москву.

В Венесуэле Гольцов побывал с экскурсией на карибских островах, где добывали гуано — скопившийся за столетия помет морских птиц. Его дробили, расфасовывали и отправляли в Европу, где оно пользовалось большим спросом — как ценное азотное и фосфорное удобрение для садоводов и цветоводов.

Позже, во время свадебного путешествия по Европе, он видел в цветочных магазинах Германии и Австрии пакеты гуано. Правда, не из Венесуэлы, а из Чили. Стоили они раз в десять дороже обычных азотно-фосфорных удобрений. Георгия это заинтересовало, он купил пакет и в Москве отдал его в лабораторию Тимирязевской академии, дабы сделать анализ и сравнить его с анализом куриного помета, которым захлебывались подмосковные птицефабрики. Результаты удивили даже ученых-агрономов: при почти равном содержании азота и фосфорной кислоты гуано содержало незначительное количество микроэлементов, что без труда можно было компенсировать в процессе изготовления.

Первую опытную партию «Guano of Russia» Гольцов повез сам в багажнике «линкольна». В Вене его встретили без энтузиазма, зато немцы в Дюссельдорфе проявили к его предложению живой интерес. По распоряжению вице-президента фирмы «Блюменгартен» сделали анализы русского гуано и согласились принимать его на реализацию. Но не в два раза дешевле гуано из Чили, как хотел Гольцов, а в три. Был подписан сначала договор о намерениях, а затем создано совместное предприятие немецкой фирмы с российским ЗАО «Росарт», учрежденным Гольцовым.

Чтобы начать производство, требовались немалые деньги. Георгий обнулil свой счет во Внешторгбанке, продал «линкольн», жвавший по двадцать литров высокооктанового бензина на сто километров, а с бензином уже было плохо и улучшений не ожидалось, пересел в экономичные «Жигули». Набрал столько кредитов в коммерческих банках, что Олег Михеев, которого он пригласил в компаньоны, наотрез отказался участво-

вать в этой безумной афере и согласился только на роль наемного менеджера — финансового директора.

На одной из крупных птицефабрик арендовали часть территории, организовали там цех по сушке куриного помета и обогащению его микроэлементами, поставили автоматическую линию по расфасовке русского гуано и упаковке его в яркие целлофановые пакеты, проплатили рекламную кампанию в специализированных изданиях Германии. Первая фура, приехавшая в Дюссельдорф, была распродана за несколько дней. После этого транспортный мост между Москвой и Германией заработал бесперебойно. Вскоре поступили первые заказы из Австрии, а потом из Франции и Италии.

На деньги, полученные за «Guano of Russia», в Европе покупали компьютеры, в России продавали их всем, кому они были нужны. А нужны они были всем. Но денег у покупателей не было, расплачивались своей продукцией. Крупный целлюлозно-бумажный комбинат в Карелии расплатился целлюлозой, которой на его складах было в избытке, а в Европе она стоила очень дорого. Камский автозавод в уплату за компьютеры предложил десять «КАМАЗов». Их отогнали в Монголию, в обмен получили овчину и качественную кожу. Кожу продали курской фабрике «Обукс», а с овчиной помучались, пока не переоборудовали меховую фабрику в Талдоме и не наладили на ней пошив дубленок, недорогих и пользующихся большим спросом.

Всего за несколько лет «Росарт», переименованный в «Росинвест», превратился в многопрофильный холдинг с интересами в самых разных отраслях, от строительства до нефтепереработки, и с годовым оборотом в десятки миллионов долларов. Вручая Гольцову пре-

мию «Предприниматель года», председатель Торгово-промышленной палаты тяжелоесно пошутил:

— Все мы очень хорошо умеем превращать деньги в говно. Поприветствуем же человека, который умеет превращать говно в деньги. Побольше бы нам таких людей. Потому что говна у нас много...»

III

Расшифровка разговора с президентом госкорпорации Анатолием Геннадиевичем Н. Москва, 12 января 2009 года.

«— Спасибо, Анатолий Геннадиевич, что нашли время встретиться со мной.

— Вы написали, что собираете материал для книги о Гольцове. Он был моим другом. Я чувствую вину за то, что так сложилась его судьба. Так не сложилась. Никакой моей вины нет, но я вспоминаю о нем с тяжелым чувством. Что вы хотите узнать? Спрашивайте.

— Когда вы познакомились?

— Году в 87-м или в 88-м, точно не помню. А где — хорошо помню. В салоне одной демократической журналистки. У нее по средам собиралась разношерстная публика — писатели, журналисты, экономисты, телевизионщики. Огромная гостиная в старом доме на Тверской, тогда еще улице Горького, рядом с рестораном «Араги». Все, понятное дело, очень прогрессивных взглядов. Каждую среду был заглавный гость, из людей известных. Однажды пришел Андрей Дмитриевич Сахаров. Бывали Юрий Афанасьев, Гавриил Попов, главный редактор тогдашнего «Огонька» Виталий Коротич,

Юрий Черниченко. Вы, наверное, и не помните этих фамилий.

— Почему? Очень хорошо помню.

— Однажды честь быть приглашенным выпала и мне, я считался экономистом весьма радикальных взглядов. Ну, рассказал, как я понимаю ситуацию. Начался бурный спор с переходом на личности. Обо мне сразу забыли, чему я был очень рад. Налил себе вина, сел с бокалом в углу гостиной. Рядом сидел молодой человек, лет на пять моложе меня. В спор не вмешивался, только слушал. Но как-то очень хорошо слушал, значительно, если вы понимаете, что я имею в виду. Есть люди, которые умеют говорить. Гораздо реже встречаются люди, умеющие слушать. Он умел. Это и был Георгий Гольцов. Задал несколько точных вопросов. Помню, я употребил расхожий тогда термин «социализм с человеческим лицом». Он возразил, спокойно, но с такой внутренней убежденностью, что у меня пропала всякая охота спорить: «Социализма с человеческим лицом не бывает, только с нечеловеческим». Вот так мы познакомились. Вы курите?

— Курю.

— Закуривайте, не стесняйтесь. Я давно бросил, но дым по-прежнему нюхаю с наслаждением. На чем я остановился?

— Так вы познакомились.

— Да. Позже я стал депутатом Первого Съезда народных депутатов СССР, вошел в Межрегиональную депутатскую группу, потом в Координационный совет МДГ. МДГ — тогда это было очень круто. Он работал в секретариате группы, мы часто встречались на конференциях, а больше при подготовке конференций. Вот тогда я и понял, чем мы, демократы, отличаемся от него,

тоже демократа, но совершенно иного происхождения. Наш демократизм был умственный, из головы. И, как бы это сказать, от противного. Мой отец, например, был профессором, читал курс марксизма-ленинизма. Отец Егора Гайдара — военный корреспондент «Правды». Ну, и как мы могли относиться к их идеям? Демократизм Георгия был совершенно другой, нутряной, неприятие советской власти сидело у него в подсознании. Вы знаете, как он стал сиротой?

— Знаю. Его отец погиб при расстреле рабочих в Новочеркасске в июне 62-го года.

— Мне он стал понятен, когда я об этом узнал. Его отношение к советской власти не было жгучей ненавистью, такой, знаете ли, что выводит людей на баррикады под пули. Но оно предопределяло все его поступки. Он редактировал документы МДГ, его замечания всегда были содержательны. Как сейчас говорят — креативны. И он умел на них настоять. Благодаря своей внутренней убежденности. Найдите и прочитайте книгу «Огонь на поражение». Мне ее подарил Георгий. Это о событиях в Новочеркасске, вы многое поймете в своем герое.

— Я ее читал. Скажу больше, я ее написал. Гольцов финансировал издание.

— Серьезно? А я все никак понять не мог, откуда мне знакома фамилия Ларионов. Не связал, извините.

— Не извиняйтесь. Мне приятно, что кто-то еще помнит книгу, написанную двадцать лет назад.

— Тогда вы поймете логику его поступков. Он очень активно участвовал в политической жизни вплоть до конца 91-го года. А потом — как отрезало, занялся бизнесом. Ему предлагали должности в правительстве, в администрации президента Ельцина. Нет. Он выполнил

задачу, которая сидела внутри, и потерял интерес к политике.

— Насколько я знаю, не совсем. В 96-м году он вернулся в политику. Это так?

— Да, я привлек его к работе предвыборного штаба президента Ельцина. Я был одним из руководителей штаба. Не того, формального, который возглавлял вице-премьер Сосковец, а настоящего, рабочего. Нам остро не хватало креативных людей со свежими идеями. Я предложил Георгию должность своего заместителя. Он согласился и начал работать. Это была весна 96-го года, очень тяжелое для нас время. Ельцин болел, штаб Сосковца ничего не делал, коммунисты набирали очки. Месяца через два, когда Георгий вник в настоящее положение дел, в настоящее, а не в то, что показывали опросы ВЦИОМ и транслировали по телевидению, он пришел ко мне и сказал: «Анатолий, мы делаем что-то не то». Мы давно уже были на «ты». Народ устал от Бориса Николаевича, его реальный рейтинг ниже трех процентов. Я ответил: «У нас нет выбора. Выбор только один — Ельцин или Зюганов. Ты хочешь, чтобы к власти снова пришли коммунисты?» Он сказал: «Я не народ. И ты не народ. Если мы демократы, мы не имеем права насиловать волю людей. Они хотят Зюганова? Пусть получают Зюганова. Пусть он посидит четыре года, наломает дров, и с коммунистами будет покончено навсегда. Не нами, народом». Такой вот был разговор. Кончился ссорой. Он сказал: «Ты не демократ, ты большевик». После этого хлопнул дверью и перешел в предвыборный штаб генерала Лебеда. Борис Николаевич очень обиделся на него, посчитал предательством. Сказал: «Я больше ничего не хочу о чем слышать».

— С тех пор много воды утекло. Вы и сейчас думаете, что Гольцов был не прав?

— Он был прав на все сто процентов. Из пламенных демократов мы превратились в твердокаменных большевиков. И сами этого не заметили. В новейшей истории России было много драматических моментов. Но президентские выборы 96-го года — это была настоящая трагедия. Мы победили, но это была пиррова победа, извините за банальное сравнение. Мы грубо сломали хрупкий механизм демократии, который только-только появился. То, что мы имеем сейчас, это плоды нашей победы.

— Что мы имеем сейчас?

— Не втягивайте меня в эту тему. Я давно ушел из политики. Вы пришли поговорить о Гольцове? Давайте говорить о нем.

— Вы знали, что его хотят посадить?

— Нет, я узнал об этом, когда суд уже шел. После нашей ссоры мы практически не встречались. Очень редко, чисто случайно.

— Откуда вы узнали? В СМИ ничего не было.

— Пришла Вера Павловна, жена Георгия, просила вмешаться.

— Вы вмешались?

— У меня не было такой возможности. Я всего лишь руководитель госкорпорации. Крупной, но не более того. И это было бы неправильно понято.

— Кем?

— Кем надо.

— Я читал протоколы судебных заседаний. Судья так вела дело, словно приговор был написан уже заранее. Мы знаем, когда это бывает. Когда суд получил указания сверху. С самого верху.

— Вы ошибаетесь. Гольцов — не Ходорковский. Президент Путин, если вы его имеете в виду, знать о нем ничего не знал. Слишком мелкая для него фигура.

— В начале нашего разговор вы сказали, что Гольцов был вашим другом. Вы пытались ему помочь?

— Пытался. Даже летал к нему в колонию.

— Как вы могли туда летать? Там нет аэродрома.

— Самолетом до Мурманска, а оттуда на вертолете. Это было в начале его срока. Я сказал ему: напиши прошение о помиловании. Я бываю у президента, он ко мне хорошо относится, подпишет. Георгий отказался.

— Почему? Не считал себя виноватым? Ему инкриминировали неуплату сорока восьми миллионов долларов. Это было в обвинительном заключении и в приговоре суда.

— Я читал обвинение. И приговор тоже читал. Не знаю, что произошло с этими миллионами. Не исключаю умысла. Но я не стал бы его за это осуждать.

— Вот как? У вас репутация убежденного государственника. И вы не осуждаете уклонение от уплаты налогов? Во всем мире это считается серьезным преступлением.

— Во всем мире. Но не у нас. На эти миллионы Георгий не яхту себе купил. И не виллу в Испании. Он построил новое здание для своего детдома. Не думаю, что министр финансов распорядился бы этими деньги лучше. В России «законно-незаконно» никогда не было равнозначно «морально — аморально», а всегда трансформировалось в «прихватят-не прихватят». Его прихватили. Не повезло.

— Если так, что же мешало ему подать прошение о помиловании?

— Он сказал, что не будет просить помилования у того, кто его посадил. Он был уверен, что сидит по приказу Путина.

— Почему он так думал?

— Георгий был богатым человеком и давал деньги «Яблоку», СПС, даже коммунистам. Не потому, что разделял их взгляды. Его идея была другая — восстановить демократический механизм в России. Пусть будет много партий, пусть они конкурируют, из этого со временем что-то произрастет. Люди всегда склонны преувеличивать свое значение. И дорого за это платят. Он мог выйти через год. Вместо этого просидел лишних три года.

— Если вы уверены, что никакого заказа на Гольцова не было, почему же его все-таки посадили?

— Не знаю. Там какие-то свои дела.

— Спасибо за разговор. Было интересно посмотреть на героя моей книги вашими глазами.

— Не думаю, что я много о нем рассказал.

— Зато много рассказали о себе...»

Глава седьмая
БЕСПЛАТНЫЙ СЫР В МЫШЕЛОВКЕ

I

Намерение Раисы развестись и разделить совместно нажитое имущество привело Олега Николаевича в бешенство. Какое имущество ты со мной нажила? Ты дня не работала, сидела на шее сначала у отца, а потом на моей! Жрала, спала и пялилась в телевизор. Вот и вся твоя работа! Даже в квартире не убиралась, всегда держала домработницу. И за это отдать тебе миллиард триста миллионов рублей? А пупок не развяжется?

Но закон был на ее стороне, с этим приходилось считаться. Значит, нужно вывести из «Росинвеста» все активы, разбросать их по подставным фирмам, чтобы в офисе осталась только пара сломанных стульев. Вот их и дели! За половину дачи на Николиной горе придется заплатить, никуда не денешься. А больше — хрен тебе с маком, моя дорогая!

Подставных фирм у Михеева было несколько, часть лежащих, с нулевым счетом, часть функционирующих, они бывали задействованы по мере надобности. Отло-

жив все дела и даже забыв на время о так некстати ожившем Гольцове, Олег Николаевич начал прикидывать, что куда перевести, рисовал сложные схемы. Он так увлекся это работой, что не обратил внимания на звонок следователя Кириллова из СКП, попросившего заехать к нему на работу.

— Не могу, Саша, очень занят, давай в другой раз.

Кириллов отреагировал как-то неопределенно, а через три дня Олег Николаевич получил из Следственного комитета повестку, доставленную почему-то не по почте, а спецкурьером под расписку. Гражданин Михеев О.Н. вызывался к следователю Кириллову для допроса в качестве свидетеля по уголовному делу номер такой. Пришлось ехать.

Вызов был на одиннадцать. Без пяти одиннадцать Олег Николаевич вошел в кабинет Кириллова. Тот сухо поздоровался с ним и, ничего не объясняя, провел его в другой конец коридора, завел в длинную комнату и посадил между какими-то людьми, по-разному одетыми, но примерно одинакового возраста — лет пятидесяти. Их было пять человек, Михеев оказался шестым. После этого следователь вышел и вернулся с секретаршей в милицейской форме, двумя людьми среднего возраста, мужчиной и женщиной, и каким-то человеком лет сорока с незапоминающимся лицом, в одежде, делающей его похожим на мастера из фирменного автосервиса, которого выдернули прямо с работы.

Секретарша села за столик и деловито раскрыла ноутбук. Кириллов объявил скучным казенным тоном:

— В соответствии со статьями 164-й и 165-й Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации начинаю процедуру опознания. Опознание про-

изводится в присутствии понятых. Понятые, назовите себя секретарю-протоколисту. Фамилия, имя-отчество, год рождения, адрес.

— Семенова Анна Борисовна, 1975-го года, проживаю Лефортовский вал, 16, квартира 9, — поспешно сообщила женщина.

— Грищук Иван Васильевич, 1971, Бауманская, 4, квартира 56, — доложил мужчина. — Это будет долго?

— Ровно столько, сколько надобится для выполнения процессуального действия, — отрезал Кириллов и обратился к мастеровому: — Еськов Михаил Петрович?

— Да.

— С 2001-го по 2003-й год вы работали курьером в дочерней фирме ЗАО «Росинвест» под названием «Инфосбыт»?

— Работал.

— В ноябре 2002-го года вы получали в Промстрой-банке по доверенности три миллиона восемьсот тысяч рублей наличными?

— Было такое дело.

— Посмотрите внимательно на сидящих здесь граждан. Нет ли среди них того, кому вы отвезли эти деньги?

— Есть. Здравствуйте, Олег Николаевич.

— Вы утверждаете, что три миллиона восемьсот тысяч рублей вы передали этому гражданину?

— Ну да, утверждаю. Отдал под расписку, все до копейки.

— Оpozнание закончено, — объявил следователь. — Спасибо, все свободны. А вас, Олег Николаевич, попрошу пройти в мой кабинет.

— Что это значит? — напустился Олег Николаевич на Сашу, когда за ними закрылась дверь. Кириллов предостерегающе подергал себя за ухо. — Объясните, пожалуйста, что происходит? — сбавил Михеев тон.

— Объясняю, — тем же скучным казенным голосом заговорил Кириллов. — По факту хищения из ЗАО «Росинвест» трех миллионов восьмисот тысяч рублей возбуждено уголовное дело. Почерковедческая экспертиза проанализировала имеющиеся в распоряжении следствия платежные документы и установила, что все подписи на них сделаны вашей рукой...

— Чушь собачья! — перебил Михеев. — По закорючке на платежке невозможно установить руку!

— Возможно, — возразил Кириллов. — Методика экспертизы отработана и у суда не вызывает сомнений. А только что вас уверенно опознал курьер, доставивший вам деньги.

— Как вы его нашли?

— Он сам нашелся. Мы пытались его найти. У нас была его фамилия, был его адрес, но он давно развелся с женой, куда-то переехал. Регистрация осталась по прежнему адресу, а где он живет, никто не знал. Подика найти человека в Москве! Еськовых в ней тысячи.

— И все же нашли?

— Он сам позвонил и сказал, что готов дать показания по этому делу.

— Откуда он узнал про дело?

— Понятия не имею. Откуда-то узнал. И поспешил выполнить гражданский долг.

— Он же куплен, неужели не понимаешь? — повысил голос Олег Николаевич, не обращая внимания на предостерегающие жесты Кириллова.

— У следствия его показания сомнений не вызывают. Суд может не принять их во внимание, но это уже дело суда. Из свидетелей вы перешли в разряд обвиняемых. По старым правилам я сейчас обязан бы взять вас под стражу, но либерализация уголовного законодательства, недавно проведенная президентом, этого не рекомендует. Поэтому ограничусь подпиской о невыезде. Будьте любезны, автограф!

Михеев расписался на официальном бланке, а на перекидном календаре следователя написал: «Нужно поговорить». «Завтра, 14-00, у памятника Грибоедову на Чистых прудах», — сразу ответил Кириллов, вырвал листок и сжег его в пепельнице.

Назавтра без четверти два Олег Николаевич подъехал на Чистые пруды, оставил машину у Главпочтамта и подошел к памятнику Грибоедову. Подмораживало, вдоль бульвара тянул ледяной ветер. Поглубже надвинув шляпу и подняв воротник кожаного мехового пальто, он прохаживался возле памятника, нетерпеливо поглядывая на часы.

Вчерашний вызов в СКП, процедура опознания и даже возбуждение против него уголовного дела не то чтобы совсем не обеспокоили Олега Николаевича, но вызвали у него глубокое недоумение. Кириллов прекрасно знал, чем он связан с Михеевым. И если Олег Николаевич откроет рот, Кириллов загремит в лагерь первым, и на много лет больше, чем Михеев. А тогда зачем вся эта мрачноватая комедия?

В два часа Кириллова не было. В два пятнадцать не было. Он появился только в двадцать минут третьего и не от метро, а откуда-то сбоку. Студент и студент в китайском пуховике и облезлой пыжиковой ушанке.

— Опаздываешь, Саша, это невежливо, — укорил Олег Николаевич. — Я тебе не влюбленный, чтобы ждать по полчаса.

— Я не опоздал. Пришел даже раньше вас. Провел некоторое оперативное мероприятие.

— Какое?

— На профессиональном языке оно называется контрнаблюдением. Вроде все чисто, слежки за вами нет. Но на всякий случай давайте погуляем по бульвару.

Он подхватил Михеева под руку и повлек по пустынной аллее.

— Ну? — сказал Михеев. — Я жду. Что за цирк ты вчера устроил?

— Почему цирк? Совсем не цирк. Ты, Олег Николаевич, человек свободный, что хочешь, то и делаешь. А я служивый. Мне приказали, я выполняю.

— Не пори ерунды! Дела почти десятилетней давности по случайности не всплывают. Сначала какой-то аноним подбрасывает вам платежки, потом неожиданно появляется курьер...

— Но платежки настоящие, — заметил Кириллов. — И курьер настоящий.

— Таких анонимок приходят в СКП десятки, если не сотни! И только одной этой почему-то дают ход. Почему, Саша?

— Я и сам задавал себе этот вопрос. Ответ у меня только один. И ты его знаешь.

— Проплатили?

— Да, занесли.

— Кому?

— А вот об этом мы можем только гадать. Тому, кто может отдавать приказы следователям.

— Сколько?

— Олег Николаевич, ну и вопросы ты задаешь! Откуда я знаю? Много. У нас на мелочи не размениваются.

Михеев задумался. Это было похоже на правду. Во всяком случае, логически все объясняло. Но кому понадобилось выстраивать против него такие сложные и очень дорогостоящие комбинации? Пятьдесят тысяч долларов, чтобы засветить его в «Финансах». Неизвестно сколько, но уж никак не меньше, чтобы всплыло это старое дело. Найти курьера в многомиллионной Москве и притащить его на опознание — тоже очень не даром. Был только один человек, способный на это. И этим человеком был Георгий Гольцов. Но почему, почему?! Он же ничего не знал. Он не знал ничего! А чего не знают, того нет.

— Ладно, Саша, хватит гадать, давай по сути, — предложил Олег Николаевич. — Можно закрыть дело?

— Все можно. Кроме того, что нельзя, — привычной присказкой отозвался следователь. — Тут два пути. Можно потянуть время, чтобы к суду истек срок давности. Отмазка у меня железная: руки не дошли. Знаешь, сколько дел в работе у каждого следователя? Но могут не дать. Если мы правы и наверх занесли.

— Второй путь?

— Закрыть дело. За отсутствием состава преступления. Назначу повторную экспертизу, забашляем экспертов, они признают твои подписи на платежках подделанными. Курьер? А что курьер? Сколько лет прошло, мог и спутать.

— Сколько мне это будет стоить? — прямо спросил Михеев.

— Вон та пара, все время идет впереди нас. Давайте отстанем... Тридцать.

— Тридцать чего? — не понял Михеев.

— Тридцать миллионов.

— Рублей?

— Не долларов же, — усмехнулся Кириллов.

— Вот это инфляция у вас! — восхитился Олег Николаевич. — Летом было три миллиона, а сегодня уже тридцать? Это же миллион долларов!

— А я предупреждал, что будет дороже. Тогда была доследственная проверка. Прикрыть ее — как два байта переслать. Уголовное дело — совсем другой расклад. И не мне же в карман, придется делиться.

— У меня нет таких денег.

— Да ладно тебе, Олег Николаевич, прибедняться. Бедные люди в рейтинги «Финансов» не попадают. Отщипнешь от своих миллиардов, не убудет. Зато будешь спокойно жить.

— Я должен подумать.

— Надумаешь — дай знать. Скажи, что в ресторане «Пиноккио» на Кутузовском новый повар из Италии, я пойму. А теперь давай разбежимся. Ты еще погуляй, а я отвалю. Не нужно, чтобы нас видели вместе.

Кириллов исчез так же незаметно, как появился. Михеев дошел до пруда, прихваченного у берега ледком, бессмысленно поглазел на черную воду, замутненную снегом, и вернулся к машине. Долго сидел в салоне, отогреваясь, молчал, наливался злостью. Злость превратилась в ярость. Николай Степанович с беспокойством поглядывал в зеркало заднего вида на потемневшее лицо хозяина.

— Шеф, с вами все в порядке?

- Да. Поехали.
- Куда?
- На Дмитровку, в Генеральную прокуратуру.

II

Следователя СКП по особо важным делам, подполковника юстиции Кириллова арестовали в ресторане «Пиноккио» на Кутузовском проспекте в тот момент, когда он получал взятку в тридцать миллионов рублей от предпринимателя Михеева за обещание закрыть уголовное дело против него. Оперативники защелкнули на нем наручники, когда он собирался положить в карман вексель «Промстройбанка» на тридцать миллионов, только что заверенный подписью одного из вице-президентов банка. Вексель был выписан на предъявителя и мог быть беспрепятственно обналичен в любом отделении банка. Он был настоящий, вице-президент был настоящий, его подпись была настоящей, только поперек векселя специальным составом было написано слово «Взятка». Оно становилось видным в тот момент, когда ее освещали специальным прибором. Что и было продемонстрировано всем присутствующим и понятым из официантов ресторана «Пиноккио».

Как все люди, имеющие неограниченную власть над другими людьми и привыкшие этой властью безнаказанно пользоваться, психика следователя Кириллова такого испытания, как неожиданный арест и помещение в одиночную камеру СИЗО «Лефортово», не выдержала. На первом же допросе он расплылся, как студень, жалобно говорил о больной маме, которая не сможет без него, о неработающей жене, на руках ко-

торой останутся двое малолетних детей, уверял, что все это чудовищное недоразумение и что он покончит с собой, если оно немедленно не разъяснится. Но следователи и не таких видали.

Олег Николаевич Михеев в своих расчетах оказался прав, учтя нескрываемую вражду между Генпрокуратурой и Следственным комитетом. Следователь СКП Кириллов, взятый с поличным на взятке, был для прокурорских бесценным подарком. Теперь из него нужно было выжать все преступные связи и доказать, что Следственный комитет насквозь пронизан коррупцией, а в общем — что создание его и выделение из Генпрокуратуры было решением поспешным, непродуманным и подлежащим отмене.

Но тут следователи наткнулись на препятствие. Арестованный Кириллов признавал, что уголовное дело на предпринимателя Михеева возбудил лично сам, по собственной инициативе, из корыстных побуждений, не получая никаких указаний от своего руководства. Вряд ли он выгораживал свое начальство из любви к нему, тактика его была иная. Одно дело, когда преступление совершается в одиночку, а совсем другое — когда в составе преступной группы по предварительному сговору. Уж это подполковник юстиции очень хорошо понимал. Интенсивные допросы ничего не дали, Кириллов упорно стоял на своем. Тогда применили метод, который всегда приносил результаты: из лефортовской одиночки подследственного перевели в СИЗО «Матросская тишина» в камеру, рассчитанную на сорок заключенных, в которой помещалось человек сто двадцать. На допросы не вызывали, пусть созреет.

Однажды контролер объявил:

— Кириллов! Без вещей на выход!

Его завели в комнату, где следователи проводили допросы, а адвокаты встречались со своими подзащитными, и оставили одного. Через некоторое время вошел среднего роста, плотного телосложения человек в сером пиджаке и черном свитере под горло, с очень короткой седой прической. Удобно устроился на привинченном к полу стуле и дружелюбно, как показалось Кириллову, кивнул:

— Садитесь. Давайте поговорим.

В руках у него не было ни портфеля, ни даже папки с делом. Всех следователей Кириллов знал, он был не из них. На адвоката тоже не похож — слишком обстоятельный, как человек, которому некуда торопиться. Адвокат, назначенный ему судом, всегда спешил, ему жалко было тратить время на обвиняемого, дело которого по причине своей ясности не имело ни малейшего шанса на выигрыш.

— Я не буду вас расспрашивать о деле, за которое вас хотят посадить, меня оно не интересует, — начал незнакомец. — А вот одно старое дело меня очень интересует. Гольцов — говорит вам что-то эта фамилия?

— Вы кто? — спросил Кириллов.

— Моя фамилия Панкратов. Могу назвать свою должность, но она вам ничего не скажет, а вызовет только недоумение. Сразу скажу, что не имею никакого отношения к МВД, прокуратуре и вообще ко всем правоохранительным органам.

— Как вас сюда пустили? Мне даже с женой свидания не дают!

— Хороший вопрос. Теперь попробуйте на него ответить.

— По благу? — предположил Кириллов.

— Ответ неправильный. Ни с Генеральным прокурором, ни с министром юстиции, ни даже с начальником тюрьмы я не знаком. Как-то не привелось.

— За бабки?

— Угадали. Всего со второго раза.

— Но это же сколько нужно было занести?..

— Много, — подтвердил Панкратов. — Не будем терять времени. Вы помните дело Гольцова? Его осудили в 2004 году за уклонение от уплаты налогов. Следствие вели вы, тогда еще в Таганской межрайонной прокуратуре. Помните?

— Допустим.

— Расскажите о нем.

— Зачем мне это нужно?

— Не торгуйтесь, Кириллов. Возможно, я дам вам хороший совет. Но не раньше, чем вы ответите на мои вопросы. Все, что вы скажете, останется между нами и никакого вреда вам не принесет. Как видите, у меня нет никакого диктофона. Даже обыкновенной авторучки нет. Продолжим? Или вызывать контролера?

— Спрашивайте.

— Как возникло это дело?

— Обыкновенно. Как все дела возникают? Так и это возникло.

— Дела о неуплате налогов в 1998 году просто так не возникают в 2004 году.

— Еще и как возникают! — возразил Кириллов. — Вспомните Ходорковского.

— Гольцов не Ходорковский. Я не буду вас пытаться, Кириллов. Не хотите говорить, так и скажите. И я сразу уйду. Когда и как вы узнали, что предприниматель Гольцов в 1998 году не доплатил налоги с двухсот миллионов долларов?

— Пришел один человек. Сказал, что очень боится, что недоплату повесят на него и он сядет. Попросил совета.

— Вы его знали?

— Немного, через знакомых. Теперь я понимаю, что он ко мне присматривался. Уже тогда, сволочь!

— И понял, что с вами можно иметь дело. Это был Михеев?

— Он.

— Что было дальше?

— Я посмотрел документы. И понял, что зацепиться не за что.

— Недоплата была?

— Была. Но сделано было все очень чисто. Из фирмы налоги перевели в «Сибстройбанк», он как раз в это время обанкротился, перевод не прошел.

— Что значит не прошел? — уточнил Панкратов. — Вернулся обратно?

— Ну да, на счет фирмы. Офис банка продали за долги, все архивы выкинули на помойку. Но платежка в фирме осталась. Получалось, что все налоги уплачены, не придерешься. А что они пропали в «Сибстройбанке» — это уже не их проблемы. Осень 98-го года, вспомните. Банки лопались, как мыльные пузыри.

— Вы сказали Михееву, что оснований для возбуждения уголовного дела нет?

— Сказал. Он спросил: а если платежка исчезнет? Я ответил: тогда совсем другое дело.

— И она исчезла, — констатировал Панкратов. — А компьютерную базу данных основательно подпортил вирус. Я внимательно прочитал все протоколы судебных заседаний. У меня создалось твердое убеждение, что весь процесс был проплачен. Весь — от следова-

теля до прокурора и судьи. Сколько вы получили от Михеева за то, чтобы возбудить уголовное дело?

— Нисколько. Мне оно было нужно. Для карьеры. Таких дел в Таганской прокуратуре еще не было. Везде были, а у нас не было. Наверху могло создаться впечатление, что мы потеряли политическое чутье. Поэтому я его возбудил.

— Вы забыли, Кириллов, с чего мы начали разговор, — мягко упрекнул Панкратов. — Я никого не представляю, передо мной не нужно врать и оправдываться. Я знаю, зачем Михееву было нужно это уголовное дело. Он боялся, что Гольцов выкинет его из бизнеса. И было за что. Он ошибся, у Гольцова и в мыслях этого не было. Он умел прощать друзей. Тех, кого считал друзьями. А теперь научился не прощать. Сколько вам заплатил Михеев?

— Я уже сказал — нисколько.

Панкратов неторопливо поднялся.

— До свиданья, Кириллов. Правильнее сказать — прощайте. Вряд ли мы с вами еще встретимся. Разве что случайно. Лет через десять. Не думаю, что я вас узнаю. Зона очень меняет людей.

Следователь Кириллов живо представил, как сейчас загремит ключ в двери, хмурый контролер проведет его по коридорам СИЗО и впихнет в камеру, до отказа набитую людским сбродом — грязным, наглым, уважающим только грубую физическую силу и ничего не знающим о правах человека. И он уже никогда не услышит нормальную человеческую речь.

— Не уходите, — попросил Кириллов. — Пожалуйста. Я отвечу на ваши вопросы.

— Сколько вам заплатил Михеев? — повторил Панкратов.

— Двести тысяч долларов.

— Всего-то?

— Тогда это были большие деньги, я на них купил квартиру.

— Сколько занесли прокурору Анисимову?

— Сто тысяч.

— Судье Фроловой?

— Триста. Другой уровень, все зависело от нее.

— Кто передал взятку судье?

— Адвокат Погорелов. Он ее хорошо знал, они вместе учились в юридическом институте.

— Адвокат Погорелов? — не поверил Панкратов. — Он же защищал Гольцова. И Гольцов ему хорошо платил. Его тоже купили?

— Ну да.

— За сколько?

— Не знаю.

— Кто ему заплатил?

— Сам Михеев.

— Теперь я понимаю, почему Гольцов отказался от последнего слова, — заключил Панкратов. — Он все понял. Но слишком поздно.

— Вы хотели дать мне совет, — напомнил Кириллов.

— Обязательно дам, — пообещал Панкратов. — Но мы еще не во всем разобрались. Что за повестку вы послали Гольцову в сентябре 2008 года?

— Повестку? — переспросил Кириллов. — Какую повестку?

— Вы вызвали его на допрос в качестве свидетеля. На четырнадцатое сентября.

— Да, было такое, послал.

— Зачем? Хотели возбудить против него новое дело?

— Нет, попросил Михеев.

— Зачем это было нужно Михееву?

— Какие-то дела по бизнесу. Гольцов начал выступать, его нужно было утихомирить. Напомнить, что он вышел по УДО, и срок еще не закончился.

— Сколько за это вам заплатил Михеев?

— Ни рубля. Это была товарищеская услуга, я не мог ему отказать. Вы уж совсем принимаете Следственный комитет за универсам.

— А я все думаю, на что похож Следственный комитет? Правильно, на универсам. У всего своя цена.

— А в прокуратуре — не так? — огрызнулся Кириллов. — А в судах?

— Не буду спорить, вам лучше знать. Так вот, совет. Он такой. Я представляю, на что вы рассчитываете, когда берете все на себя. Преступление совершено в одиночку, без предварительного сговора и участия третьих лиц. Одна статья. Еще вы надеетесь, что ваши начальники, узнав о вашей твердости в их защите, подключат свои связи и вытащат вас из тюрьмы. Не надейтесь. Никто и пальцем ради вас не шевельнет, вас уже списали. А Генпрокуратура найдет способ упаковать вас по максимуму. Не за взятку. За вымогательство в особо крупном размере с использованием служебного положения. От семи до пятнадцати лет. Вот что вам светит. В наших законах еще нет такого понятия, как сделка с правосудием. Но есть статья, предполагающая смягчение наказания за деятельное раскаяние и сотрудничество со следствием. Так что не стройте из себя Зою Космодемьянскую. Сливайте всех, с кем имели дело. Сдавайте и не раздумывайте. Зачтется.

— Я ни с кем не имел дела! — закричал Кириллов. — Ни с кем! Я все сам, один!

— Никогда не нужно считать других глупее себя. Кто же поверит, что вам дали бы хапнуть тридцать миллионов рублей? Миллион долларов! Не по чину, Кириллов. Тот, кто попросил меня провести с вами этот разговор, человек не кровожадный. Ему хватит, если вы отсидите столько же, сколько отсидел он. Больше можно, а меньше нельзя.

— Вы о ком говорите?

— Не догадываетесь? Кого может интересовать это старое дело?

— Кого?

— А вы подумайте.

— Гольцова? — неуверенно предположил Кириллов. — Но он погиб!

— Для вас — нет. И для всех, кто вычеркнул из его судьбы четыре года жизни. У грехов, Кириллов, очень длинные тени!..

III

Адвокат Василий Афанасьевич Погорелов был всем доволен в жизни. Мало кто в сорок два года смог добиться того, чего добился он. Член исполкома Гильдии российских адвокатов, член Общественной палаты, владелец юридической фирмы «Погорелов и партнеры», с которой охотно сотрудничали самые известные адвокаты России. Партнеров не было, но с ними название звучало солиднее. Но самым большим достижением было то, что он вошел в первую сотню так называемого президентского резерва — в сто кандидатов, которым

было предназначено занять высокие государственные посты. Правда, потом к сотне прибавили еще тысячу, президентский резерв разбавился, как бочковое пиво в руках умелой торговли, но первая сотня оставалась первой сотней. Какие должности ему будут предложены, Погорелов мог только гадать, но гадал всегда с удовольствием.

Единственное, чем он был недоволен — его собственная физиономия. Слишком круглая, слишком простецкая, плебейская. Чего он только ни делал, чтобы ее как-нибудь облагородить! Отращивал длинные волосы — лицо становилась бабьим. Обрастал трехдневной модной щетиной — становился похожим на алкаша с бодуна. Отпускал усы, они выглядели будто приклеенные, как с чужого лица. Завел было очки в красивой оправе с простыми стеклами, но так и не смог к ним привыкнуть.

В детстве, которое он провел в подмосковных Мытищах, это его не беспокоило, слишком умных, очкариков и евреев били, но после окончания Всесоюзного заочного юридического института, позже ставшего Московской юридической академией, что звучало гораздо солиднее, понял, что внешность ему сильно мешает. Посмотрев на него, денежные клиенты выбирали других адвокатов, с профессорскими бородками и умными, все понимающими глазами. Ничего они не понимали, даже речь в суде построить не умели. Погорелов понял, что в юридической консультации он ничего не высидит, стал охотно брать на себя защиту неимущих обвиняемых по назначению суда. Платили за это гроши, для всех адвокатов это была повинность. Он тщательно готовился к процессам, всегда вычленял политическую составляющую и делал акцент на ней.

Политическая составляющая была в любом деле — от ограбления торгового ларька безработным слесарем до бытового убийства пьяного сожителя матерью двоих детей. Кто довел слесаря до необходимости грабить ларек, чтобы добыть себе средства к существованию? Какие условия жизни заставили женщину, мать двоих детей, схватиться за топор?

Вскоре адвоката Погорелова возненавидел весь прокурорский и судейский корпус Москвы. Не потому, что он был сильным процессуальным противником, большинство дел он проигрывал, но и из неудач умел извлекать выгоду. Протесты прокуроров и требования судей говорить по существу дела, а не заниматься демагогией, он расценивал как попрание гражданских прав и свобод, клеймил судей за обвинительный уклон, пережиток советских времен, давал понять, что судьи политически ангажированы или даже куплены. Делал это оскорбительными намеками, пожиманием плеч и разведением рук. Язык у него был подвешен ловко, он никогда не давал формальных поводов обвинить себя в неуважении к суду. Если же судья реагировал на его тон, адвокат взмывал Цицероном обличающим: «Доколе, Катилина?!» Раздражение, которое он вызывал у судей своей манерой вести защиту, иногда приводило к тому, что приговор был суровее, чем того требовали обстоятельства дела. Но это мало кто замечал.

Широкую известность он получил после того, как добился условного приговора для бывшего офицера спецназа ВДВ, воевавшего в Чечне, которого обвиняли в подготовке убийства по найму. Его речь на суде транслировали по телевизору и напечатали многие газеты:

«Сегодня на скамье подсудимых не мой подзащитный, а вся государственная система России, которая

обрекает своих солдат и офицеров, мужественных защитников Родины, на нищенское существование, которая толкает их в объятия криминала. Они вынуждены соглашаться на убийства, чтобы обеспечить сносные условия жизни своим семьям. Бездарные, преступные войны, которые вел Советский Союз и которые продолжает вести псевдодемократическая Россия, насыщают общество ядерным потенциалом злобы, ненависти, презрения к личности человека и к его жизни!»

Он стал чаще мелькать в телевизоре, телевизионщикам нравилась хлесткость его оценок. Реклама сделала свое дело, появились состоятельные клиенты. По совету одного влиятельного знакомого он умерил публицистический пыл и даже вступил в партию «Единая Россия». Не потому, что разделял идеи партии, а по простому житейскому соображению, что если пиво продают только членам профсоюза, то правильнее вступить в профсоюз, чем отказаться от пива. И все пошло как нельзя лучше.

Только вот собственная физиономия ему по-прежнему не нравилась.

Офис юридической фирмы «Погорелов и партнеры» располагался на улице Правды на восьмом этаже нового здания, выросшего рядом со старой «Правдой» и как бы придавившего ее своими размерами и современным видом. Аренда здесь стоила дорого, но место было престижное, сообщавшее фирме респектабельность. Не каждый может снимать здесь офисы.

Фирма занимала три комнаты — просторный кабинет, обставленный светлой итальянской мебелью, приемную и еще одну комнату для сотрудников. В при-

емной была не секретарша, как у всех, а референт, недавний выпускник юридического факультета МГУ, приличный молодой человек по имени Слава.

Обычно Погорелов приезжал в офис к десяти, когда на московских улицах кончался утренний пик. В тот день в середине марта, который он запомнил на всю жизнь, он приехал чуть раньше и был раздражен пробками на Тверской, грязью, плюхавшейся на лобовое стекло его «лексуса», и плохо работающими «дворниками», размазывающими грязь по стеклу — он забыл долить жидкости в бачок омывателя.

При его появлении в приемной Слава почему-то испуганно воткнулся в компьютер, а сидевшая с ним сотрудница поспешно ушла в свою комнату. Погорелов попросил сделать кофе и углубился в изучение дела, которое ему предстояло обсудить со знаменитым адвокатом Григорием Моисеевичем Сахаровым, который должен бы приехать к одиннадцати. Дело касалось рейдерского захвата крупного лесопромышленного предприятия в Сибири. Аргументы сторон были настолько же убедительными, насколько и уязвимыми. Но Погорелова интересовали не аргументы, а то, что противоборствующие «хозяйствующие субъекты» были очень богатыми людьми, процесс мог затянуться на годы и при любом исходе принес бы адвокатам хорошие деньги. Он бы и один взялся за это дело, но авторитет Сахарова, известного тем, что он выигрывал самые безнадежные имущественные споры, был очень нелишним. Погорелов решил: ладно, пусть я буду младшим партнером, дело того стоит.

В одиннадцать Сахаров не пришел. Не было его и в четверть двенадцатого. Странно, он всегда отличался педантичностью. Погорелов вызвал референта:

— Григорий Моисеевич не звонил?

— Нет, Василий Афанасьевич. Я знаю, что у вас назначена встреча на одиннадцать. Позвонить ему?

— Не нужно, позвоню сам.

В половине двенадцатого он набрал номер Сахарова:

— Григорий Моисеевич, я жду вас уже полчаса. У вас что-то случилось?

— У меня? — раздался в трубке немного скрипучий голос знаменитого адвоката. — Нет, любезный. Как я понимаю, случилось у вас.

— О чем вы говорите? — не понял Погорелов.

— Вы газету «Мой день» видели?

— Нет. Я не читаю желтую прессу.

— Иногда нужно, там бывает кое-что интересное.

Прозвучали гудки отбоя. Погорелов сначала подумал, что прервалась связь, но тут же понял, что Сахаров положил трубку. Он вышел в приемную:

— Слава, спустись в фойе и купи в киоске газету «Мой день». Сегодняшний номер.

— У меня есть.

— Ты читаешь эту газетенку? — удивился Погорелов. — Зачем?

— Ну, покупаю в метро, для прикола...

Заметка на шестой полосе назвалась: «Нам пишут из Дегунина». В короткой редакционной врезке сообщалось, что письмо читателя публикуется без сокращения и в авторской орфографии:

«Уважаемые редактора!

Пишет Вам подполковник внутренних войск Прокопенко Иннокентий Иванович, 1964 года рождения, русский, ранее не судимый. Уже 12 лет я являюсь на-

чальником исправительно-трудовой колонии №6 Мурманской области. Колония расположена в деревне Дегунино и находится в стороне от центров цивилизации. Газеты к нам приходят только на третий день, все новости мы узнаем из телевизора, смотреть который удастся не всегда из-за загруженности делами службы. Поэтому я с большим опозданием узнал, что московский адвокат Погорелов Василий Афанасьевич включен в президентский резерв и намечается его назначение на высокий государственный пост. Я также видел по телевизору его выступление на заседании Общественной палаты в комиссии по коррупции, где он осуждал. Меня очень удивила эта информация, и вот почему.

С 2004 года по 2008 год в подведомственной мне ИК-6 отбывал наказание заключенный Гольцов Г.А., осужденный на восемь лет лишения свободы. В конце 2007 года он обратился в суд с заявлением, в котором содержалась просьба об условно-досрочном освобождении, так как он отбыл половину срока заключения и не имел замечаний от администрации исправительного учреждения. Отвечая на запрос суда, я характеризовал заключенного Гольцова Г.А. как вставшего на путь исправления и замечаний от администрации колонии не имевшего. В тот момент, когда я еще не отправил ответ на запрос суда, а только собирался это сделать, в колонию неожиданно приехал адвокат Погорелов В.А. Зная, что он защищал Гольцова на суде, я предполагал, что попросит для своего подзащитного положительную характеристику, но к огромному моему удивлению речь зашла совсем о другом. Он предложил мне десять тысяч американских долларов за то, чтобы характеристика на Гольцова была отрицательная и в условно-досрочном освобождении ему было отказано. Я швырнул эти дол-

лары ему и лицо и приказал удалиться из моего кабинета во избежание того, что я посажу его за взятку должностному лицу при исполнении обязанностей. Что он и сделал.

Уважаемые редактора! Объясните мне, как такие люди, как адвокат Погорелов В.А., могут быть членами Общественной палаты и претендовать на высокие государственные посты? Я этого не понимаю.

Прокопенко И.И.

От редакции. К письму нашего читателя Прокопенко приложена выписка из журнала посещений ИК-6 о том, что адвокат Погорелов действительно посещал колонию 14 декабря 2007 года. Письмо написал автором собственноручно и заверено печатью ИК-6. Подлинник имеется в распоряжении редакции».

IV

Погорелов понял, что нужно действовать очень быстро. Сначала он решил привлечь редакцию и подполковника к уголовной ответственности за клевету, но решил, что это сильно затянет дело. Возможно, на несколько месяцев. И все это время гнусная заметка будет оставаться непровергнутой и давать его недоброжелателям и завистникам повод для злорадства. А недоброжелателей и завистников у него, как у всякого успешно человека, было достаточно. Хватит гражданского иска о защите чести, достоинства и деловой репутации с опубликованием извинения в газете и с возмещением морального ущерба в пять миллионов рублей. Это мож-

но организовать гораздо быстрее. Он не сомневался, что суд удовлетворит иск. У них нет никаких доказательств. Ни одного! Собственноручное письмо тюремщика? Засуньте его себе в задницу!

Через две недели в Краснопресненском мировом суде Москвы, по месту нахождения газеты «Мой день», состоялось рассмотрение иска Погорелова к редакции газеты и к подполковнику Прокопенко. Никогда еще тихий мировой суд не видел столько журналистов и телевизионщиков, небольшой зал заседаний был набит до отказа. Интересы истца представлял член московской Гильдии адвокатов Рубинштейн, однокурсник Погорелова по Московской юридической академии, часто выступавший на стороне мэра Лужкова в его многочисленных тяжбах со СМИ и ни одного дела не проигравший. Он сразу сказал:

— Не о чем беспокоиться. У них нет ни одного шанса. Я вообще удивляюсь, как они тиснули эту заметку. Не иначе, как проплатили. У кого-то на тебя большой зуб.

От газеты был сам главный редактор, довольно молодой человек какой-то скользкой наружности с бегающими глазами. Уже по одному его виду можно было понять, что за хорошие бабки он напечатает что угодно, только давай. Интересы ответчика представляла юрист редакции, симпатичная молодая женщина, похоже — недавняя выпускница юрфака. Погорелову даже стало жалко ее: вот уж повезло этой пигалице связаться в безнадежное дело.

— Рассматривается иск о защите чести и достоинства, — объявила судья, сухопарая дама лет сорока, немного смущенная обилием телекамер и направленных на нее фотообъективов и потому державшая себя

строго официально. — Истец — гражданин Погорелов Василий Афанасьевич. Ответчик — редакция газеты «Мой день». Истец утверждает, что заметка «Нам пишут из Дегунина» содержит злостную бездоказательную клевету, порочащую его честь, доброе имя и деловую репутацию. Ответчик, почему вы опубликовали эту заметку?

— Ваша честь, редакция считает своим журналистским долгом поддерживать постоянную связь с читателями, — ответила пигалица. — Мы часто публикуем читательские письма. Это письмо показалось нам важным, поднимающими острые проблемы общества.

— Вы проверяли факты перед публикацией?

— Мы запросили в Мурманском управлении ФСИН характеристику на подполковника Прокопенко. Она была в высшей степени положительной. Он человек прямолинейный, честный.

— Это все?

— Нет. Редакция командировала в Дегунино своего корреспондента. Он встретился с автором письма и записал разговор с ним на диктофон. Гражданин Прокопенко повторил все, о чем написал в письме. Аудиозапись и расшифровка могут быть предоставлены суду и приобщены к делу.

Вмешался Рубинштейн:

— Если Прокопенко рассказал только то, что написал в письме, зачем нам тратить время? Имеются ли у ответчика доказательства того, что в заметке есть хотя бы доля правды? Мой клиент — человек публичный, авторитетный в профессиональном сообществе, член Общественной палаты. Мы создаем опасный прецедент. Так можно оболгать и опорочить любого общественного деятеля, который кому-то не понравился.

Этот суд должен стать предупреждением безответственным клеветникам.

— Ваша честь, прошу пригласить свидетеля, который поможет суду разобраться в существе дела, — заявила пигалица.

— Кто этот свидетель?

— Подполковник Прокопенко Иннокентий Иванович. Он специально приехал на суд и ждет в коридоре.

— Ждет в коридоре? — удивилась судья. — Почему? Свидетель в гражданском процессе имеет право присутствовать в зале.

— Он стесняется, — объяснила пигалица.

— Пригласите свидетеля.

— Ваша честь, протестую! — возразил адвокат.

— Основание?

— Бесплезная трата времени.

— Протест отклонен.

Подполковник Прокопенко невозмутимо прошествовал по узкому проходу между телекамерами и водрузился на трибуну, которая сразу показалась хлипкой под его грузной фигурой. Он был в парадном мундире, в тугом галстуке, как бы немного мешающим ему дышать, отчего он время от времени вертел тяжелой бритой головой. На Погорелова, сидевшего рядом с адвокатом, он взглянул равнодушно, мельком, и было непонятно, узнал он его или не узнал.

— Свидетель, назовите себя, — обратилась к нему судья.

— Прокопенко Иннокентий Иванович, 1964 года рождения, проживаю в деревне Дегунино Мурманской области. Женат, трое детей, жена домохозяйка. Что еще?

— Достаточно. Кем вы работаете?

— Начальник исправительной колонии номер шесть.

— Знакомы ли вы с истцом Погореловым?

— Да, однажды встречались.

— Вы можете его узнать?

— Конечно, вон он сидит.

— Расскажите, при каких обстоятельствах вы встречались с гражданином Погореловым.

— Я об этом все написал. И уже рассказывал корреспонденту.

— А теперь расскажите суду.

— Приехал он в лагерь четырнадцатого января. Числа я, конечно, не запомнил, потом уточнил по журналу посещений. Я был уверен, что он хочет попросить за осужденного Гольцова. Чтобы я дал ему хорошую характеристику для УДО. Он же на суде защищал Гольцова. Я сказал, что уже заготовил бумагу и дал ему прочитать. Но тут он повел себя как-то странно.

— В чем была странность?

— Сказал, что Гольцов уже не его клиент, и так складываются обстоятельства, что эта характеристика не совсем уместна. Я прямо спросил: почему? Он еще повилял, а потом дал понять, что есть серьезные люди, которые не хотят, чтобы осужденный Гольцов вышел по УДО.

— Он сказал, кто эти люди?

— Нет.

— Что было дальше?

— Я сказал: это не мне и не ему решать, решит суд. Он сказал: вот именно, что мне. Если я напишу, что Гольцов имел нарушения режима, УДО не будет.

— Вы могли это сделать? — вмешалась пигалица.

— Легко. Не так поздоровался, не так заправил койку, не там закурил, да мало ли.

— Продолжайте, свидетель, — предложила судья. — Как отреагировал на это Погорелов?

— Он сказал: я вижу, что вы человек прямой и с вами нужно говорить прямо. Вот это, сказал, вам за то, что характеристика будет какая надо. И подsunул мне по столу пакет в желтоватой бумаге. В нем было десять тысяч американских долларов.

— Ваша честь, разрешите задать вопрос свидетелю? — вмешался Рубинштейн.

— Задавайте.

— Скажите, свидетель, как вы узнали, что в пакете было десять тысяч долларов?

— Очень просто, я развернул пакет.

— И пересчитали деньги?

— Зачем? Пачка была в банковской упаковке, а на ней написано: десять тысяч. Со значком доллар. Зачем мне пересчитывать?

— Что вы сделали с долларами?

— Завернул и пересунул по столу Погорелову.

— В своем письме в редакцию вы написали: «Я швырнул эти доллары ему в лицо и приказал удалиться из моего кабинета во избежание того, что я посажу его за взятку должностному лицу при исполнении обязанностей. Что он и сделал». А вы рассказываете, что это было не так.

— Я выразился фигурально. Меня поманивало швырнуть эти бабки в его сытую... в его лицо, но я сдержался. Потому что находился при исполнении. Я сказал: заберите свои деньги и срочно покиньте мой кабинет. Иначе я привлеку вас за попытку дать взятку. Он умылся и пошел.

— Он взял пакет с деньгами?

— Ну да, сунул в портфель.

— Наглая ложь! — не выдержал Погорелов. — Ложь от первого до последнего слова!

— Ну какая же ложь? — простодушно удивился подполковник. — Заключение Гольцов вышел по УДО? Вышел.

— Ложь — про доллары! Ложь, что я для этого приезжал в колонию!

— А для чего? Проведать своего бывшего подзащитного? Так с Гольцовым вы даже не встретились. Разве не так?

Стук судейского молотка прекратил перепалку.

— У представителя ответчика есть вопросы к свидетелю?

— Нет, ваша честь.

— У представителя истца?

— Я не вижу необходимости опровергать эти голословные, ничем не доказанные обвинения.

— Свидетель, вы свободны.

— Мне подождать в коридоре? — спросил подполковник.

— Можете остаться в зале. Суд удаляется на совещание.

Через десять минут судья вновь появилась на своей кафедре.

— Объявляю решение суда по иску гражданина Погорелова к редакции газеты «Мой день» о защите чести и деловой репутации. Суд решил: иск оставить без удовлетворения.

— Это невероятно! — возмутился Рубинштейн. — Вы принимаете решение без единого доказательства!

— Суд всегда руководствуется своим пониманием дела и внутренней убежденностью, — парировала судья. — Вы как юрист должны это знать. Решение принято. Оно может быть обжаловано в десятидневный срок. Заседание окончено.

Подполковник Прокопенко покинул зал и лишь на крыльце расслабил галстук.

— Один вопрос, подполковник, — сунул ему диктофон какой-то молодой журналист. — Вы отказались от десяти тысяч долларов. Это было нелегко?

— Сынок, не напоминай мне об этом! Ты даже не представляешь, как трудно! — ответил Прокопенко и полез в синий «Форд-фокус», за рулем которого сидел молодой человек кавказской национальности.

В следующем номере газеты «Мой день» появилась короткая заметка о заседании Краснопресненского мирового суда под крупным заголовком: «Умылся и пошел». Решение было обжаловано в Мосгорсуде и оставлено без изменений.

Через некоторое время Погорелову позвонили из Гильдии российских адвокатов и передали, что его хочет видеть председатель Гильдии, старый юрист, лауреат премии имени Плевако и множества российских и международных наград. Он не предложил Погорелову сесть и сам остался стоять, как бы давая понять, что разговор будет коротким.

— Я не хочу комментировать то, что произошло с вами, — сказал он. — Но будет лучше всего, если вы покинете Гильдию по собственному желанию. Не смею более вас задерживать.

Телефоны в офисе будто бы отключили, все разом. От услуг юридической фирмы «Погорелов и партнеры»

отказались даже те клиенты, которые готовы были платить большие деньги за то, чтобы Погорелов взялся за их дела. А известный московский ритейлер, в прошлом крупный криминальный авторитет по кличке Федя Кривой, а ныне уважаемый господин Федор Илларионович Федотов, прямо сказал, не стесняясь присутствующего в кабинете референта Славы:

— Братан, когда адвокат работает на меня, я должен знать, что он работает на меня. Если я знаю, что его можно перекупить, такой адвокат мне на х... не нужен.

В конце дня в кабинет вошел Слава и положил на стол Погорелова листок бумаги, написанный от руки.

— Что это?

— Заявление. По семейным обстоятельствам. Извините, Василий Афанасьевич, мне в лом писать в резюме «Погорелов и партнеры». Это, знаете ли, не способствует.

В тот день Погорелов допоздна засиделся в пустом офисе, ни о чем не думая. Любая мысль вызывала тупую головную боль. С трудом заставил себя спуститься вниз и сесть в машину. Вечерний трафик ослабел, уже через полчаса он въехал во двор своего дома в Сокольниках и загнал «лексус» в один из капитальных гаражей, пристроенных к бетонной стене, отделяющей парк от жилых кварталов. Когда запирал гараж, сзади раздалось:

— Погорелов — вы?

Он обернулся. Стоял какой-то молодой человек в кожаной куртке и в черной вязаной шапке, натянутой до ушей.

— Да, я. Чего вам?

Не ответив, незнакомец взмахнул рукой, и по лицу адвоката словно бы ударили топором. Боль обожгла,

кровь сразу залила глаз, потекла по щеке. Сознания он не потерял и успел заметить, как незнакомец спокойно пересек двор и скрылся в темной арке дома. Нашупав мобильник, Погорелов позвонил жене, она вызвала скорую и милицию. В институте Склифософского на рану наложили швы и заверили, что никакой опасности для жизни нет.

— Вам повезло, — сказал дежурный хирург. — Приложили, судя по всему, кастетом. Могло быть и хуже. А шрам останется. Но это не беда, рубцы гусара украшают.

Еще совсем недавно нападение на известного адвоката, члена Общественной палаты, пострадавшего за свою профессиональную и общественную деятельность, мгновенно облетело бы все СМИ. Сейчас не появилось ни одной заметки.

Когда сняли швы, Погорелов долго рассматривал себя в зеркало. Шрам остался на части лба и рассек бровь, приподняв ее и придав лицу точно бы слегка насмешливое выражение. Значительным стало его лицо. Не то чтобы умным, но уже не простецким. Почти таким, о каком он всегда мечтал.

V

Через три дня после нападения на адвоката Погорелова Панкратов приехал в Жулебино. Предупрежденный по телефону, Арсен без расспросов впустил его в квартиру, помог раздеться и провел в гостиную, где его уже ждал Гольцов. Не желая мешать разговору старших, он хотел уйти в соседнюю комнату, но Панкратов его остановил:

— Оставайтесь, Арсен. Дело касается и вас. Вы знаете, что произошло с адвокатом Погореловым три дня назад? — обратился он к Гольцову.

— Нет.

— Поздно вечером какой-то молодой человек встретил его возле гаража и кастетом рассек левую часть лица. По факту нападения возбуждено уголовное дело, нападавшего ищут. Адвокат не успел его рассмотреть, заметил только, что он был в кожаной куртке и в черной вязаной шапке. Это мне рассказал знакомый следователь из Сокольнического райотдела. В газетах ничего не было.

— А вы как о нем узнали?

— Из милицейской сводки. Осталась у меня привычка интересоваться сводками, много нового из них узнаешь. Только не спрашивайте, кто мне их показывает.

— И что? — поторопил Гольцов.

— Меня этот случай заинтересовал. Понятно, почему? Потому что адвокат Погорелов. Поэтому я съездил в Сокольники. Так вот, приметы нападавшего неизвестны, камер наружного наблюдения во дворе нет, но они есть на улице. И одна зафиксировала, как в это же время от дома отъехал человек на скутере. Он был в шлеме, лица не видно, но скутер хорошо виден. Ярко-желтого цвета. И я не очень ошибусь, если скажу, что он был марки «Honda Spacy 100». Арсен, я не ошибся?

— Нет, — неохотно ответил Арсен.

Гольцов посмотрел на него с недоумением:

— Ты напал на адвоката?

— Я на него не напал, я ему врезал.

— Зачем?

— Георгий, вы неправильно спрашиваете. Нужно спросить: за что?

— За что?

— За предательство.

— Он свое уже получил. По полной программе.

— Что он получил? Позор? — гневно вскинулся Арсен. — Да он завтра о нем забудет!

— Не забудет, — возразил Гольцов. — Его вывели из президиума Гильдии адвокатов, убрали из Общественной палаты и президентского резерва. Такое не забывается.

— Вы умный человек, Георгий, но плохо знаете таких людей. У них нет совести, поэтому они всегда сильнее тех, у кого совесть есть. Она им не мешает, понимаете? Дайте срок, он еще будет не в Общественной палате, а в Госдуме!

— Ты считаешь, что если ему вломить кастетом в лоб, совесть проснется? — поинтересовался Гольцов.

— Не проснется. Но он всегда будет помнить, что это бывает опасно. Посмотрит в зеркало и сразу вспомнит.

— Как вам это нравится, Михаил Юрьевич? — с усмешкой обернулся Гольцов к Панкратову. — Здесь не Кавказ, Арсен, здесь Москва. Нельзя жить в Москве по законам гор.

— Это и плохо! — горячо заговорил Арсен. — Законы гор — правильные законы. Честь, справедливость, взаимовыручка, уважение к старшим. Вы, русские, забыли, что это такое. Мы уже год живем в этом доме. Зашел хоть раз сосед, спросил, не надо ли помочь? Нет, не зашел!

— Но и мы ни к кому не зашли, — напомнил Гольцов.

— Потому что живем по русским законам! Каждый за себя. Посмотрите, кто хозяин в Москве? Махмудовы,

Иванишвили, Гучериевы. Ресторан «Прага» — Исмаилов. Гостиница «Украина» — Нисанов. Торговый центр «Европейский» — Илиев. Чеченцы, азербайжанцы, армяне, осетины, дагестанцы. Лица кавказской национальности! Почему? Потому что они поддерживают друг друга. Русские устали, они уже ничего не хотят, энергия в Россию идет с Кавказа. Еще немного, и вы станете в Москве лицами русской национальности. И тогда вам, а не мне, придется таскать в кармане кастет, чтобы отмахиваться от подонков! Извините, Георгий, что я это сказал. Но я должен был сказать.

— Вернемся к нашим делам, — прервал Панкратов наступившее молчание. — Арсен, вам нужно исчезнуть из Москвы, вас ищут.

— Не найдут.

— Я же нашел.

— Вы знали, кого искать.

— Не стоит переоценивать нашу милицию, но не стоит и недооценивать. Там еще есть люди, которые умеют работать. Свяжут адвоката с Георгием и выйдут на вас.

— Георгий для всех погиб.

— Не вечно же он будет погибшим, когда-то воскреснет. И получите лет пять, как рецидивист. Хотите рискнуть? Ваше право, но я никому не советовал бы играть в русскую рулетку. Поэтому садитесь на самолет и возвращайтесь в Осетию. Там не найдут.

— Михаил Юрьевич прав, — вмешался Гольцов. — Но самолет не годится. Поезд тоже не годится. Фамилия остается в компьютере. Поедешь на машине. Она оформлена на тебя, так что никаких проблем. Деньги за квартиру отдам, мне она пока будет нужна.

— Я не возьму у вас деньги, мне не нужны подачки, — оскорбился Арсен. — Квартиру купили вы, машину купили вы.

— Не горячись. Ты мне целый год очень хорошо помогал. Был моими глазами и руками. Без тебя я не смог бы разобраться в своих делах. А про деньги я вот что тебе скажу. Это не подачка. Это беспроцентный кредит. Я даю его не тебе, а твоей семье, твоим детям.

— У меня нет детей.

— Будут. Ты хороший механик. Купи трактор, комбайн, что там еще. Начни свое дело, у тебя получится. А когда разбогатеешь, вернешь кредит. Если уж мы такие гордые и не можем взять деньги даже у друга.

— Но...

— И этот человек, Михаил Юрьевич, что-то говорил нам об уважении к старшим! Не теряй времени, Арсен, собирайся. Скутер сегодня же отгони к станции и оставь. К утру его уже не будет.

Арсен порывисто обнял Гольцова и вышел в соседнюю комнату.

— Ну что, Георгий, — проговорил Панкратов. — Как я понимаю, две позиции в вашей программе закрыты. Следователь Кириллов в «Матросской тишине», адвокат Погорелов вычеркнут. Кто на очереди? Прокурор Анисимов?

С лица Гольцова исчезло выражение душевной мягкости, с каким он разговаривал с Арсеном, похолодели глаза, резче обозначились складки в углах рта.

— Прокурор Анисимов умер три года назад. В пятьдесят восемь лет. Инсульт. Быть прокурором и брать взятки — очень большие, знаете ли, нагрузки на нервы. Не всякому по силам.

— Ему повезло, — заметил Панкратов. — Судья Фролова?

— Она жива. Уже заместитель председателя суда.

— Кто еще?

— Тот, кого я считал другом. Вы не представляете, Михаил Юрьевич, как тяжело узнать, что тебя предал друг. И ладно бы за большие деньги. Нет, за небольшие. Вот что особенно гнусно.

— Предают всегда за небольшие деньги, — рассудительно ответил Панкратов.

— А за большие?

— Убивают.

Глава восьмая

ЦЕНА ВОПРОСА

I

Михеев понимал, что ввязывается в опасную игру, сдавая Генпрокуратуре следователя СКП Кириллова. По натуре он был человеком осторожным и никогда не шел на обострение ситуации, если этого можно избежать. Но Кириллов сам напросился. Объяви он миллионов пять, Олег Николаевич бы стерпел. Даже шесть. Но тридцать — это перебор. Миллион долларов! Оборзел, Саша, оборзел. Вот теперь сиди и гадай, сколько тебе отвесит российское правосудие, самое гуманное правосудие в мире. Жадность фраера сгубила.

Опасность была, если бы Кириллов стал доказывать, что уголовное дело против Михеева возбудил правильно, подлинность его подписей на платежных документах установила почерковедческая экспертиза, а курьер уверенно его опознал. Что ж, Олег Николаевич и к этому был готов. Он бы рассказал следствию, что Кириллов возбудил дело против Гольцова, вынудив его, финансового директора ЗАО «Росинвест», изъять из

отчетных документов и уничтожить платежку о перечислении налогов в обанкротившийся «Сибстройбанк». Чем вынудил? Угрозами перевести из свидетеля в обвиняемые. И тогда получилось бы, что следователь Кириллов систематически занимается фальсификацией уголовных дел. По характеру допросов в Генпрокуратуре Олег Николаевич понял, что Саша на это не пошел. И правильно сделал.

Процедура изобличения взяточника и документирования его преступления оказалась длительной и отнимающей у Олега Николаевича всю нервную энергию. Обвешенный микрофонами и скрытыми видеокамерами, он вел переговоры с Кирилловым в парках и случайных забегаловках, договаривался с вице-президентом «Промбанка» о векселе. Арестом взяточника в ресторане «Пиноккио» нервотрепка не кончилась, пошли допросы, очные ставки с Кирилловым, о которых Михеев вспоминал с брезгливостью. И с этой гнидой приходилось считаться ему, серьезному предпринимателю, занятому серьезным бизнесом!

Только в конце апреля, когда вызовы в Генпрокуратуру прекратились, Олег Николаевич смог вернуться к своим делам и тут обнаружил, что он потерял в них ориентировку, как человек, который заблудился в знакомом лесу. Все так и не так. Все на месте, но не на своем месте. Где север, где юг? Где важное, а где ерунда? С чего, собственно, началась эта штормовая полоса, в которую его втянуло помимо его воли, как потерявшую управление лодку?

Умение вычленить из хаоса событий главное — обязательное умение для любого делового человека, иначе он просто захлебнется в текучке. Олегу Николаевичу не понадобилось много времени, чтобы понять, с чего

все пошло. С появления его имени в рейтинге журнала «Финансы». Без этого не родилась бы в куриных мозгах Раисы мысль о разделе имущества. И у этого мозгляка Кириллова не возникло бы желания отщипнуть тридцать миллионов от его мифических миллиардов. А заплатить пятьдесят тысяч долларов делягам из «Финансов» мог только один человек.

Георгий Гольцов.

При мысли о Гольцове голову Олега Николаевича будто сжимало свинцовым обручем. Он и верил сообщению Панкратова, что Георгий жив, и одновременно не верил. Поверить в это означало признать, что на него свалились такие проблемы, по сравнению с которыми Раиса и Кириллов — мелочи, не стоящие внимания. Еще не свалились, но вот-вот свалятся и раздавят его, как рухнувший от землетрясения дом.

Из-за всей этой нервотрепки Олег Николаевич совсем забыл о фармацевтической фабрике и юристе из «Интеко». И был очень недоволен, когда Марина Евгеньевна доложила, что юрист приехал и настаивает на встрече. Только этого жеребца ему сейчас не хватало.

— Меня нет, — буркнул Олег Николаевич. — Занят. Заболел. Обедаю. Срочно вызвали в Кремль.

— Я так ему и сказала. Он сказал: ничего, я подожду. Он и позавчера приезжал. Вас не было, просидел два часа в юридическом отделе у Яна. До чего нахальный господин. Лучше принять, все равно не отвяжется.

Олег Николаевич подошел к окну. Во дворе рядом с его «мерседесом» и машинами сотрудников краснел знакомый «порше-кайен». Хищная машина, наглая, ее так просто не остановишь.

— Ладно, зовите.

Юрист появился в кабинете с радостным и даже изумленным видом человека, который неожиданно встретил старого друга:

— Олег Николаевич, дорогой! Я счастлив, что у вас нашлась для меня минутка! Елена Николаевна доставала меня: почему не решается вопрос? Я отвечал: ну не спешите, человек занят важными делами, ему не до нас. Не знаю, какими делами вы были заняты, но несколько не сомневаюсь, что они очень важные. Понимаю, что наш вопрос для вас — мелочь. Но для меня не мелочь. Вы же не допустите, чтобы из-за этого потерял работу человек, расположенный к вам всей душой? Это я про себя.

— Вы пришли говорить о деле? — сухо спросил Михеев.

— Простите великодушно. Когда я волнуюсь, меня всегда пробирает словесный понос. А сейчас я очень волнуюсь. Да и как не волноваться? Вот говорят: кризис кончился, кризис кончился. А поди-ка поищи хорошую работу — тогда и поймешь, кончился он или не кончился!..

Говоря это, юрист по-хозяйски отодвинул кресло от приставного стола, уселся свободно, нога на ногу. Он был не в блейзере, как в клубе на Остоженке, а в светлой кожаной куртке с подвернутыми рукавами. Золотой «ролекс», вместо галстука шелковый платок в крапинку. Плейбой, мать его!

— Так вот, о деле, — продолжал он. — Я уже понял, что предложение Елены Николаевны Батуриной не показалось вам интересным. Но не понял почему. Позавчера я два часа разговаривал с вашим юристом. Как его? Ян Серегин. Кремень! Я уж и так, и эдак. На общие темы — сколько угодно. Чуть о ваших делах — стоп.

У него даже глаза тускнели. Как у снулого судака. Вот что значит умение хранить коммерческие тайны! У него мне не удалось ничего узнать. Приходится спрашивать у вас. Итак?

Олег Николаевич вспомнил, с каким злорадством представлял себе разговор с юристом. И хотя сейчас ему было не до того, он не отказал себе в удовольствии указать этому нахальному жеребцу его место.

— Видите ли, любезнейший, у нас с Еленой Николаевной разное понимание социальной ответственности бизнеса, — проговорил он таким тоном, каким институтский профессор разговаривает со студентом-двоечником. — Если считать, что главное — прибыль, она права. Снести фабрику и построить на ее месте элитное жилье — это экономически рационально. Но...

— Разве у вас были другие планы? — перебил юрист.

— Такие же, — согласился Олег Николаевич. — Пока я не разобрался в проблеме. В ней два аспекта. Один эстетический. Вы москвич?

— Нет.

— Откуда?

— Из Ростова. Который не Великий, а на Дону.

— Давно в Москве?

— Пять лет.

— А я коренной москвич, — доверительно сообщил Олег Николаевич. — И мне больно видеть, во что превращается мой родной город. Москва перестает быть Москвой, а становится черт знает чем. Чем-то безликим, средне-арифметическим. Если исчезнет еще один уголок старой Москвы, мы станем духовно беднее. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Продолжайте, я слушаю вас очень внимательно, — серьезно заверил юрист, а глаз наглый, насмешливый. — Какой второй аспект?

— Социальный. Фабрика выпускает лекарства для психиатрических и онкологических клиник. Таких лекарств в России не делает никто, только в Канаде. Они дорогие, не всем по карману. Беда академика Троицкого в том, что у него никудышный менеджмент. Но это поправимо. Если ему помочь, российская медицина только выиграет. Это и заставило меня пересмотреть свои планы.

— Дорогой Олег Николаевич, респект! — неожиданно просиял юрист. — Респект и уважуха! Так сейчас говорят в Сети. Не ожидал. Вы, оказывается, крутой перец! Мы-то думали, что вы начнете торговаться, вымаливать лишний процентик, а вы вон как! Сразу послали Елену Николаевну куда подальше. Безумству храбрых поем мы песню. Кстати, забыл сделать вам комплимент, — перебил он себя. — У вас чудесный особнячок. Даже неожиданно. Посреди Лубянки — уголок старой Москвы. Кругом каменные монстры, а тут всего три этажа, дворик. Прелестно, просто прелестно!

— При чем тут наш особняк? — недовольно спросил Михеев.

— Вроде бы ни при чем. Но это как посмотреть. Я позавчера оставил Яну некий документик. Видели?

— Нет.

— Посмотрите. Очень любопытный документик. Если коротко — дополнение к генплану Москвы. Юрий Михайлович Лужков считает неправильным, что Лубянка, самый центр столицы, занята старыми малоэтажными зданиями, исторической ценности не имеющими. Вместо них нужно построить офисные центры. Так он считает. Ваш симпатичный особнячок тоже подлежит сносу. Разумеется, стоимость недвижимости

будет возмещена владельцу. По оценке Бюро технической инвентаризации. Получите тысяч пятьсот. Или даже миллион. Рублей. Как вам такая перспектива?

— Это шантаж!

— Нет, дорогой мой. Это бизнес. Каждый использует те средства, которые у него есть. Вынужден лишить вас еще одной иллюзии. Я примерно представляю ход ваших мыслей. Он такой: а вот продам я особняк, и Елена Николаевна утрется. Не продадите. Как только Юрий Михайлович подпишет дополнение к генлану, коммерческое отчуждение недвижимости станет практически невозможным.

— Оно еще не подписано?

— Наконец-то вы задали самый главный вопрос. Еще нет. Бюрократические процедуры очень небыстрые. Но это смотря кто приделывает к бумаге ноги. Неделя — вот сколько отпущено вам на раздумья. И это все. — Юрист постучал по циферблату «ролекса». — Время пошло!

С этими словами еще раз заверил Олега Николаевича в уважухе, бодрой рысью покинул кабинет, процокал подковами по мраморным ступенькам, во дворике нырнул в «порше-кайен». Машина рыкнула мощным движком и вылетела на улицу, как пришпоренная.

Олег Николаевич проводил ее тяжелым взглядом. Вот уж верно: если дует, то изо всех щелей. Вернувшись за стол, вызвал Марину Евгеньевну:

— Пришлите ко мне Яна.

— Он в приемной. Ждет.

— Чего он ждет?

— Разрешения войти.

— Что за китайские церемонии! — разозлился Михеев. — Ему нужно письменное разрешение? Или хва-

тит устного? Извините, нервы совсем ни к черту. Пусть войдет.

— Вам бы в отпуск, Олег Николаевич, — посочувствовала секретарша. — Куда-нибудь на Канары. Хотя бы недельки на две.

— Хорошо бы, — согласился Олег Николаевич. И подумал: а потом из аэропорта напрямик в «Лефортово» или в «Матросскую тишину».

II

Начальник юридического отдела Ян Серегин был самым высокооплачиваемым сотрудником «Росинвеста», не считая самого Михеева. И он стоил этих денег. Прекрасно ориентировался во всех делах холдинга, держал в памяти все цифры. Он был как ведущая шестерня сложного механизма, обеспечивающая его устойчивую работу даже тогда, когда Михеев отвлекался на другие дела. Олег Николаевич не помнил ни одного случая, чтобы Ян не выполнил его распоряжения, даже брошенного на ходу, между делом. Единственное, что в нем раздражало — он никогда не докладывал о том, что сделано. Олег Николаевич злился, Ян с недоумением пожимал плечами: «Зачем? Если бы не сделал или не получилось, сказал бы». Случалось, что он проявлял упорство, с чем-то не соглашаясь. И тогда сбить его невозможно было ничем. Приказы выслушивал молча, глядя на шефа тусклыми, как у снулого судака, глазами, и ничего не делал. Объяснений, почему приказ невозможно выполнить, всегда находились десятки. И чаще всего он оказывался прав.

Ян вошел в кабинет и молча положил на стол стопку листков, отпечатанных на лазерном принтере. На первой странице стояло: «О внесении изменений в генеральный план реконструкции Москвы». Текст короткий: «Изменения генерального плана утверждаю. Ю.М.Лужков». Ни подписи, ни числа. Следующие двадцатка страниц назывались: «Пояснительная записка». Это и был тот самый «любопытный документик», о котором говорил жеребец из «Интеко».

— Почему сразу не показали? — хмуро спросил Олег Николаевич.

— Сначала нужно было понять, что это такое.

— Понять — что?

— Блеф это или не блеф.

— Блеф?

— Боюсь, что нет. Посмотрите приложение. Там адреса строений, подлежащих сносу.

Олег Николаевич перелистал пояснительную записку. На последних страницах было три десятка адресов. Последним стоял адрес офиса «Росинвеста». Ян объяснил:

— А вот это похоже на блеф. Наш адрес в конце. Я так думаю, что вписали специально для нас. Можно вычеркнуть. Легко.

— А можно оставить?

— Можно оставить, — кивнул Ян. — Тоже легко.

— Тварь! — вырвалось у Михеева. — Эта тварь уже всех достала! И нет на нее управы. Ну что за подлые времена!.. Ладно, все это лирика. В каком состоянии договор с Троицким?

— Практически готов. Осталось согласовать несколько позиций и можно подписывать.

— Отложите. Передайте академику, что мы вынуждены отказаться от проекта. Плохая конъюнктура, последствия кризиса. Найдите приличные формулировки.

— Ему это не понравится.

— А мне нравится? — разозлился Олег Николаевич. — Мы вынуждены считаться с обстоятельствами. Пока Лужков у власти, переть против Батуриной — как против танка. Раздавит и не заметит.

— Вы не рано сдаетесь?

— Поздно! Не нужно было все это затевать. Поддался эмоциям. Занимаешься бизнесом — забудь про чувства. Чувствительные собирают на помойках бутылки. Подготовьте письмо Троицкому, я подпишу.

Ян задремал так надолго, что Олег Николаевич вынужден был повторить:

— Ян, вы слышали, что я сказал? Письмо академику Троицкому.

— Слышал. Я думаю. Нет, не буду я готовить письмо. Это очень слабое решение. Не ожидал, что вас можно так легко испугать этой бумажкой.

— Этой бумажкой? Да ты знаешь, что это за бумажка? — возмутился Олег Николаевич, даже не заметив, что перешел на «ты». — Это предупреждение. И легкий намек на то, что может последовать.

— Что?

— Я тебе скажу что. Представь себе, что однажды я приезжаю в офис, а мне говорят: вам здесь нечего делать. «Росинвест» перерегистрирован на других людей, генеральным директором назначен другой человек, а вы гуляйте. Кто говорит? Да какой-то тип в черной униформе охранного агентства, поигрывая дубинкой. Невозможно? Еще как возможно. Рейдерский захват.

Обычное дело по нашим временам. А потом судись с ними до морковкина заговенья. Получая удовольствие от процесса, а не от результата. Не рыпайтесь, а то будет хуже. Вот о чем нас предупредили!

— Вы исходите из того, что Елена Николаевна Батурина всесильна, — возразил Ян. — Да, она всесильна, пока Лужков мэр.

— Он мэр. Это данность.

— Не факт. Я почему не принес вам эти документы сразу? Сначала решил посоветоваться с одним человеком, который в таких проблемах разбирается лучше меня. И лучше вас.

— С кем?

— Неважно. Он в курсе наших дел. Ему понравился ваш проект с фармацевтической фабрикой. Сказал: это уже не мародерство. Так вот, он не советует торопиться с решением. Все может измениться. Елена Николаевна и Юрий Михайлович достали не только вас. Многих серьезных людей тоже. Они только ждут момента, когда мэр Лужков сделает ошибку. А он, похоже, ее уже сделал.

— Ты имеешь в виду эту бодягу с Химкинским лесом? — с иронией поинтересовался Олег Николаевич. — Твой тайный советник принимает желаемое за действительное. Лужков человек Путина. А он своих не сдает.

— Может быть. Но я не стал бы спешить.

— У нас нет времени! Мне дали неделю. Всего неделю!

— Где неделя, там и вторая. А там третья и четвертая. Кто знает, что за это время произойдет. Подумайте.

— Ладно, подумаю, — пообещал Михеев, понимая, что это как раз тот случай, когда Ян уперся. — А письмо Троицкому подготовьте.

— Не обещаю.

— Ян, это не просьба. Это приказ!

— Олег Николаевич, давайте я лучше сразу напишу заявление. По собственному желанию. Это избавит нас от ненужной нервотрепки.

— Даже так?

— Даже так.

— Убирайтесь к черту! — не выдержав, рявкнул Михеев.

— Как скажете.

Олег Николаевич злобно посмотрел на закрывшуюся за Яном дверь. Мальчишка, сопляк! Он будет меня учить! Он будет мне угрожать! Поднялся из кресла, раздраженно заходил по кабинету. Ноги сами принесли его в комнату отдыха, руки сами извлекли из бара бутылку «Хеннесси». Коньяк слегка унял нервы, вернул способность спокойно думать. Почти спокойно.

Ян давно уже не мальчишка. Причину его упорства следовало попытаться понять. В чем он прав? В том, что мэр Лужков давно уже вызывает недовольство очень серьезных людей. Во многом — из-за агрессивной политики жены, нагло захватывающей самые жирные куски московской недвижимости. Время от времени возникали слухи об отставке мэра, но быстро глохли.

За шумихой вокруг Химкинского леса Олег Николаевич следил не очень внимательно. Когда проскользнула информация, что земля вдоль будущей автотрассы Москва — Санкт-Петербург скуплена Батуриной, он сразу понял, что дорога пойдет так, через Химкинский лес, как бы ни протестовали экологи и правозащитники, сколько бы они ни устраивали митингов и акций протеста. Даже распоряжение президента Мед-

ведева прекратить вырубку леса и провести дополнительную экспертизу проекта ничего не изменит.

Но правда и то, что через год истекал срок полномочий мэра Лужкова. А в свои семьдесят четыре года он еще был полон сил и кипучей энергии, вряд ли его привлекала перспектива уйти на покой. И у него был только один шанс сохранить должность — продемонстрировать свою верность Путину. Наметившееся противостояние по Химкинскому лесу между премьером и президентом давало мэру Лужкову такую возможность. И он, пожалуй, ее не упустит. Тайный советник Яна, транслировавший мнение в каких-то непонятных верхах, считал, что это будет ошибкой. Олег Николаевич не был в этом уверен. Лужков слишком опытный политик, чтобы лезть на рожон. Если, конечно, его не спровоцируют или не вынудят какие-то обстоятельства.

Чем это кончится? Трудно сказать. Но ясно одно: с фармацевтической фабрикой не стоит спешить, сдать-ся никогда не поздно. По опыту Олег Николаевич знал, что иногда нужно быстро принять решение. А иногда нужно и потянуть. Похоже, сейчас была как раз такая ситуация.

Олег Николаевич слегка расслабился. Одна проблема отложена. Но от разговора с Яном осталось неприятное, царапающее послевкусие. Будто съел что-то с черным молотым перцем. Тайный советник. Что это за тайный советник, которому понравился проект с фармацевтической фабрикой? «Это уже не мародерство». Михеев хорошо помнил резкую стычку с Гольцовым, когда было произнесено это слово. Разговор был один на один, Ян при нем не присутствовал, Георгий никогда не выносил разногласий между ними на люди. Откуда

же Ян его знает? Сам придумать не мог. Значит, услышал от тайного советника. И этим советником был...

«Кажется, у меня едет крыша», — подумал Олег Николаевич. Но мелькнувшая мысль завершилась сама собой.

Этим советником был Георгий Гольцов.

III

Время — как воздух. Оно незаметно, когда его много. Когда его не хватает, человек начинает задыхаться, как марафонец, взявший слишком высокий для него темп. Остро, как нехватку воздуха, ощутил Михеев нехватку времени вечером этого дня, когда приехал на дачу. Он даже открыл фрамугу в кабинете и долго стоял у окна, вдыхая влажный весенний воздух. С соседней дачи, где жил знакомый водкозаводчик, доносилась музыка, запускали трескучие фейерверки, что-то праздновали. Чужой праздник всегда неприятен, когда у тебя все наперекосяк. Олег Николаевич раздраженно закрыл окно. Воздуха было много, времени мало. И становилась все меньше.

Олег Николаевич никогда не делал того, к чему бы не вынуждали его обстоятельства, и потому очень редко испытывал угрызения совести. Чувство неловкости — да, это бывало чаще. Нехорошо получилось, но так уж вышло, ничего личного. Допущенные ошибки признавал, хоть и с большой неохотой, злился на себя, тщательно обдумывал, как и почему ошибка совершенна и как ее можно исправить. Но сейчас то, что он и

ошибкой-то не считал, выросло в огромную неразрешимую проблему.

Дарственная Гольцова, на основании которой «Росинвест» был перерегистрирован на Михеева, была не то чтобы ненастоящая, но и не совсем настоящая. Об этом знал только сам Олег Николаевич. Адвокат Погорелов, который вел его дела, возможно, догадывался, но помалкивал, ему за это платили. Ее собственноручно написал Георгий незадолго до ареста. Но потом передумал и, не подписав, заменил ее договором на трастовое управление всеми акциями. Но дарственную не сунул в шредер, на что-то отвлекся. Олег Николаевич сохранил ее, ничего определенного не имея в виду. После гибели Георгия сразу встал вопрос: кто унаследует «Росинвест»? По закону — вдова и ее малолетние сыновья. Но с Верой Павловной у него были натянутые отношения, она, по мнению Олега Николаевича, тратила непомерно большие деньги на благотворительность. По пятьдесят тысяч долларов каждый месяц детскому дому — с чего? Он попытался урезать отчисления в Фонд Гольцова до двадцати тысяч. Вера Павловна приехала в офис и заявила: «Я не вмешиваюсь в твои дела. Но если ты тронешь фонд Георгия, останешься без работы. Запомни это!» Он отступился, но понял, что вдова, вступив в права наследия, найдет другого человека на должность генерального директора. А это было бы чудовищной несправедливостью. Олег Николаевич почти двадцать лет отдал «Росинвесту», вкладывал в него все свое время, силы и нервы. И все это для чего? Чтобы оказаться на улице и смотреть, как чужие неумелые руки разрушают холдинг? Только поэтому он подделал подпись Гольцова на дарс-

твенной и заверил ее у частного нотариуса, тоже своего человека. Только поэтому.

Олег Николаевич хорошо помнил, с какой тщательностью он переводил дарственную подпись Георгия со старого договора. Сначала укрепил скотчем договор на стекле ксерокса, подсвеченном снизу мощной лампой, потом целый час клал сверху чистые листы и обводил подпись, добиваясь, чтобы рука не дрожала. И лишь после этого положил на стекло дарственную. Подпись получилась четкая, уверенная. Дату тоже перевел с другого документа, найденного в архиве. Дата была от 23 июня 2003 года. Подправить пришлось только одну цифру. Получилось: 23 июня 2008 года.

Теперь он был готов к решительному разговору с Верой Павловной. Да, за три месяца до своей гибели Георгий собственноручно написал эту дарственную. Вот она, узнаете его почерк? Не знаю, почему он это сделал. В «Росинвест» он вложил всю жизнь, вероятно, хотел передать бизнес в надежные руки. Зачем вообще нужна была дарственная? Могу только гадать. Вы сами видели, в каком состоянии был Георгий в то время. Возможно, он предчувствовал, что что-то произойдет, и принял меры. А когда он что-то решил, спорить с ним было бесполезно, сами знаете. Он передал мне бизнес с условием, что я буду отчислять часть прибыли в его фонд и на ваш счет. Условие не задокументировано, но его слово для меня закон, в чем вы имеете возможность убедиться.

Но никакого разговора не состоялось. Вера Павловна в офисе «Росинвеста» больше не появилась. Через некоторое время Олег Николаевич решил, что пора это дело довести до конца. Подлинность нотариально заверенной дарственной не вызвала никаких вопросов

у чиновников ЕГРЮЛ, Единого государственного реестра юридических лиц. Вместе с уставными документами «Росинвеста» она хранилась в архивах и лежала бы там неизвестно сколько.

Если бы не ожил Гольцов.

После опознания в СКП, проведенного Кирилловым, Олег Николаевич нашел в Интернете книгу по теории и практике почерковедения и внимательно ее прочитал. И понял, что зря старался. Современными методами подделка обнаруживалась без труда: возраст бумаги, состав пасты текста дарственной и подписи, несоответствие характерного нажима на подлинной подписи и на подделанной. Да и не нужно никакой экспертизы, если Гольцов заявит: «Никакой дарственной я никому не давал».

И что?

«Не спеши, — остановил себя Олег Николаевич. — Как он придет? Его нет. Официально он мертв, погиб в авиакатастрофе 14 сентября 2008 года. Прежде чем заявлять свои права, ему нужно воскреснуть. А при нашей бюрократии это дело очень небыстрое. Сколько оно может продлиться — месяц, полгода, год?»

Месяц, полгода, год — это были не абстрактные календарные даты. Это было время, отпущенное ему, чтобы выпутаться из опасной ситуации.

Или не выпутаться.

Олег Николаевич включил ноутбук, открыл Гугл и попытался сформулировать запрос в поисковую строку. «Человека ошибочно признали умершим. Его действия?» Как-то не очень. «Процедура восстановления прав человека, по ошибке признанного умершим»? То-

же плохо, коряво. Олег Николаевич выключил компьютер. Голова не работала, слишком тяжелый выдался день. И лучше поговорить с опытным юристом, в этом деле могут быть тонкости.

Все следующее утро Олег Николаевич пытался дозвониться до адвоката Погорелова. Его мобильник не отвечал, офисный телефон отзывался рафинированным голосом референта Славы: «Извините, Василий Афанасьевич не может с вами побеседовать, оставьте сообщение после сигнала». Кричал в трубку, словно криком мог разрушить разделяющую их огромную московскую пустоту: «Это Михеев, свяжитесь со мной! Срочно!» Никакого эффекта. Пришлось ехать на улицу Правды.

Едва выйдя из лифта на восьмом этаже нового административного корпуса, в котором юридическая фирма «Погорелов и партнеры» арендовала офис, Олег Николаевич понял, что происходит что-то необычное. Двери всех трех комнат офиса были открыты, какие-то работы в синих фирменных комбинезонах выносили из кабинетов компьютеры и мониторы, складывали их в грузовую тележку на резиновом ходу. Олег Николаевич зашел в приемную. Здесь уже не было никакой оргтехники, референт Слава без особого интереса выдвигал ящики письменного стола и складывал в картонную коробку то, что заслуживало его внимания.

— Что у вас тут творится?

— Здравствуйте, Олег Николаевич, — ответил Слава. — Фирма «Погорелов и партнеры» приказала долго жить. Вам не нужен молодой юрист с высшим образованием? Вежливый, исполнительный, не пьет, не курит, морально устойчив. Очень приятный молодой человек. Не нужен?

— Не болтай, — прервал Михеев. — Объясни толком.

— А вы ничего не знаете?

— Чего я не знаю?

— Вот странно. Об этом уже с месяц говорит вся Москва.

— В моей Москве заняты серьезными делами. О чем говорят в вашей Москве?

— Долог путь рассказа, краток путь показа, — меланхолично проговорил Слава, извлекая из кейса газету «Мой день», изрядно потрепанную на сгибах от частого употребления. — Почитайте. Вот эту заметку — «Нам пишут из Дегунина».

Сначала Олег Николаевич ничего не понял. Какая-то исправительная колония, какой-то подполковник Прокопенко, до которого новости доходят с большим опозданием. И лишь когда мелькнула фамилия Гольцова, кровь бросилась ему в лицо.

— Впечатляет? — любопытствовал Слава, с интересом наблюдая за Михеевым.

— Не мешай!

Олег Николаевич дважды прочитал заметку и с безразличностью вернул газету референту.

— Дешевка. Ни одного доказательства. Погорелов сделает из них отбивную!

— Вы думаете? — вежливо удивился Слава. — Тогда взгляните вот на эту заметку. Отчет о заседании мирового суда. «Умылся и пошел». Хорошее название, правда? Мне нравится.

— Невероятно! — вырвалось у Михеева. — Судья куплена или дура. Или то и другое. Решение не выдерживает никакой критики!

— Выдерживает. Мосгорсуд оставил его в силе.

— Невероятно! — повторил Михеев. — Интересы Погорелова представлял Рубинштейн. Адвокат мэра. Он никогда не проигрывал ни одного дела!

— Времена меняются. Раньше не проигрывал. С чего-то нужно начинать. Про то, что мэр Лужков слегка зарвался, в вашей Москве тоже не говорят?

— Тогда я чего-то не понимаю, — признался Михеев. — Ты понимаешь? Так объясни мне, что произошло. Ты был на суде?

— Не отказал себе в удовольствии. Даже записал заседание на диктофон. Без разрешения судьи, разумеется. Но вы же меня не выдадите? Хотите послушать?

— Включай.

Слава поставил диктофон на журнальный стол для посетителей, подсоединил наушники.

— Развлекайтесь. Извините, что не могу предложить вам кофе, кофеварку уже унесли.

В наушниках прозвучало:

— Рассматривается иск о защите чести и достоинства. Истец — гражданин Погорелов Василий Афанасьевич. Ответчик — редакция газеты «Мой день»...

— Запись, конечно, не передает всех нюансов, но главное можно понять, — проговорил референт, заметив, что Михеев выключил диктофон и сидит над ним, набычив тяжелую голову. — Такие дела. Не повезло мне начать карьеру в хорошем месте. Я-то думал — «Погорелов и партнеры», фирма. Член Общественной палаты, президентский резерв. Но когда члена Общественной палаты Федя Кривой при всех посылает нах..., тут и начинаешь соображать, что к чему.

— Какой Федя Кривой? — не понял Олег Николаевич.

— Ритейлер. Сеть розничной торговли, типа «Пятерочки». Уважаемый господин Федор Илларионович Федотов. В девичестве Федя Кривой. Вроде бы даже вор в законе. Но точно не знаю, врать не буду. Фигура крупная в том социуме. Не Япончик и не Дед Хасан, но ненамного меньше.

— Он был клиентом Погорелова?

— Ну да, много лет.

— И он при всех послал Погорелова? При всех — это при ком?

— При мне.

— А ты что?

— Я очень смутился.

Олег Николаевич только головой покачал:

— Ну и наглец же ты, парень!

— Почему наглец? — запротестовал Слава. — Я в самом деле очень смутился!

— Ладно, проехали, — буркнул Олег Николаевич. — Где сейчас Погорелов?

— Дома, наверное. Зализывает раны. Дня три назад звонил из дома. О том, что за аренду офиса больше платить не будет. И чтобы мы выметались. Все уже выметались, я последний.

— Куда? — спросил Николай Степанович, когда Михеев тяжело влез в машину.

— В Сокольники.

IV

В жизни люди симулируют болезнь, в политике и бизнесе выгоднее симулировать здоровье. Олег Николаевич привык видеть адвоката Погорелова всегда энергичным, деятельным и теперь даже не сразу узнал

его в потерянном человеке с больными глазами, который сидел на кухне в майке и трусах за захлавленным столом перед литровой бутылкой виски «Джонни Уокер». Он даже как будто уменьшился в размерах, не усох, а словно бы увял, скукожился. Кухня была просторная, с итальянской сантехникой и японским оборудованием, виски дорогое, «блю лейбл», рядом с бутылкой валялся современный мобильник «Верту». В этом антураже Погорелов выглядел бомжом в глубоком запое, случайно попавшим в богатый дом. Да еще после уличной драки, где ему чем-то хорошо вломили по физиономии.

Жена адвоката, впустившая Михеева в квартиру, испуганным шепотом сказала:

— Как хорошо, Олег Николаевич, что вы приехали. Поговорите с ним. Второй месяц пьет, никого не хочет видеть. Вас он всегда уважал, слушается. Скажите ему, что нельзя же так.

— Скажу, — пообещал Олег Николаевич. — Да вы не расстраивайтесь. Мужчинам нужна разрядка. Ну, выпил, бывает. Проспится, и снова в порядке.

Но при первом же взгляде на Погорелова он понял, что в порядке тот уже никогда ничего не будет. Это был законченный неудачник. Даже совершенно трезвый, даже в костюме от Хуго Босса или Армани, он все равно останется неудачником. Он уже был переполнен черной энергией неудачи — не той энергией, что передается от человека к человеку, а той, что безвозвратно втягивает в себя чужую энергию, как черная дыра.

Олег Николаевич не любил неудачников и сторонился их, как заразных больных. Он научился угадывать их по той неуверенности, что неискоренимо си-

дела внутри. Иногда к нему приходили с интересными проектами, он внимательно выслушивал посетителей. Но стоило ему почувствовать внутреннюю готовность к отказу, которую каждый неудачник нес в себе, как родовое проклятье, сразу прерывал переговоры. И редко когда ошибался.

Бутылка перед Погореловым была почти полной, виски в стакане на донышке. Похоже, он был уже в том состоянии, когда и пить ничего не нужно, достаточно знать, что выпивка есть и ее много.

— Отдыхаете, маэстро? — добродушно поинтересовался Олег Николаевич, по-свойски располагаясь на другом конце стола, что избавило его от дружеского рукопожатия с адвокатом. — Где это вас так приложили? А знаете, вам идет. Seriously. Можете выдавать себя за ветерана первой чеченской войны.

— Это все вы, вы! — неожиданно злобно закричал Погорелов. — Вы втравили меня в это дело с Гольцовым! Я как чувствовал, что не нужно за него браться, как знал!

— Прекратите истерику! — приказал Михеев. — А то я скажу, сколько вы получили за это дело. И спрошу, почему вы предложили подполковнику только десять тысяч долларов. Десять, а не тридцать, которые получили от меня.

— Тридцать его бы перепугали, — попытался оправдаться адвокат. — Это для него слишком большие деньги.

— А десять не перепугали? Он их швырнул вам в лицо? Не потому ли, что посчитал их мелкой подачкой? Тридцать тысяч долларов швырнуть труднее, не находите?

— Он их не швырнул! — снова закричал адвокат. — Он их убрал в сейф! Пообещал сделать все, что от него зависит. Ничего не сделал! Сказал, что на него давят большие люди из Москвы. Это правда, к нему многие приезжали. Один даже прилетал на вертолете!

— Ну, допустим, — согласился Михеев. — Десять тысяч подполковник взял, а на суде врал на голубом глазу. И врал, нужно признать, очень убедительно. А где остальные двадцать тысяч? Не помню, чтобы вы их мне вернули. Или я забыл?

— Вы зачем приехали? — окрысился адвокат. — Потоптаться на мне? Топчитесь, теперь можно. Даже Федя Кривой потоптался. Бандит, пробы негде ставить, а туда же! Забыл, сколько раз я отмазывал его от тюрьмы!

— За что?

— Было за что. Похищения, заказные убийства. Гнил бы сейчас на строгом режиме!

— Вообще-то я приехал проконсультироваться по одному делу, — проговорил Олег Николаевич. — Но вижу, что вам сейчас не до этого. Ладно, маэстро, отдыхайте.

— По какому делу? — вяло поинтересовался адвокат.

— Если человека ошибочно посчитали умершим, что ему нужно сделать, чтобы восстановиться в правах? Сколько времени это может занять?

— Вы о ком?

— О Гольцове.

— Он жив?

— Возможно, — неохотно ответил Михеев.

В больных глазах адвоката мелькнуло злорадство.

— Ага! Похоже, и вы в говне! Добро пожаловать на помойку. Располагайтесь, здесь места много! Восстановить умершего в правах — целое дело. Но Гольцов не умер, он погиб в авиакатастрофе. А это все меняет. В юриспруденции есть понятие — виндикация. Сейчас объясню, что это такое...

Михееву не удалось узнать, что такое виндикация. Погорелов нетвердой рукой налил полстакана виски, залпом выпил и тут же судорожно зажал рот обеими руками. Сквозь пальцы на стол изверглось содержание его желудка. Не переставая блевать, адвокат кинулся в ванную, шлепая босыми ногами по блевотине на паркете.

Олег Николаевич послушал, как в ванной Погорелова выворачивает наизнанку, и встал. Здесь ему больше нечего было делать. Но перед тем как уйти, вытер своим платком заблеванный мобильник адвоката, нашел в контактах номер Феди Кривого и записал его в свой телефон. У Погорелова он был обозначен как Федотов Федор Илларионович. Платок пришлось выбросить.

— В какую-нибудь юридическую консультацию, — распорядился Михеев, вернувшись в машину.

— В центральную? — уточнил Николай Степанович.

— В любую, в самую обыкновенную.

Юридическая консультация попалась через несколько кварталов на Бульварном кольце. Она располагалась на первом этаже блочного дома в обычной квартире. В шестиметровой приемной, бывшей когда-то кухней, пожилая секретарша поинтересовалась, какое дело у Михеева — гражданское или уголовное?

— Гражданское.

— Тогда вам к Иосифу Абрамовичу. Он очень опытный цивилист.

Очень опытный цивилист оказался очень старым цивилистом, но в свои лет восемьдесят был вполне бодр. Он сидел за письменным столом в соседней комнате, пил чай с сушками и со скукой смотрел телевизор.

— Чем могу быть полезен? — оживился он при виде посетителя.

— Мне хотелось бы кое-что прояснить. Один мой знакомый, можно даже сказать друг, попал в двусмысленное положение. Его признали умершим, а он оказался жив. И теперь не знает, что ему делать.

— Вашего друга можно поздравить. С тем, что он оказался жив. И можно глубоко посочувствовать. В нашей стране умереть просто, а вот воскреснуть очень непросто. При каких обстоятельствах он умер?

— Разбился в авиакатастрофе. Так все думали. А он не сел в тот самолет.

— Так это совсем другое дело! Ваш друг просто счастливчик. Вам нужна юридически обоснованная справка?

— Нет, объясните как можно проще. Какая разница в том, как человека посчитали умершим?

— Очень большая. Если человека признали умершим по ошибке, так бывает — отвезли в морг, а он ожил, или по решению суда как безвестно отсутствующего в течение пяти лет, органы ЗАГСа выдают свидетельство о смерти. Юридическим последствием является прекращение всех прав и обязанностей, которые принадлежали ему как субъекту права. И для восстановления этих прав требуется длительная и сложная процедура. Такая сложная, что иногда кажется, что лучше не воскресать. Если бы меня объявили умершим, я не стал бы

ввязываться в эту тяжбу. Нет, не стал бы. Подождал бы, пока мой физический статус сравняется с юридическим. Я не слишком сложно объясняю?

— Пока все понятно.

— Если же гражданин пропал без вести при обстоятельствах, угрожавших смертью или дающих основание предполагать его гибель от несчастного случая, то для объявления его умершим требуется шесть месяцев, — с видимым удовольствием продолжал цивилист. — Например, если известно, что гражданин был пассажиром или членом экипажа затонувшего морского судна либо потерпевшего катастрофу самолета, как в случае с вашим другом. Суд в данном случае признает не факт смерти гражданина, а объявляет его умершим на основании презумпции смерти. Факт смерти и презумпция смерти — это две большие разницы. Потому что в тех случаях, когда гражданин, объявленный умершим, фактически жив, решение суда ни в коей мере не влияет на его правоспособность. В случае явки гражданина, объявленного умершим, не требуется восстанавливать его правоспособность. Будучи живым, он остается полностью правоспособным, несмотря на решение суда об объявлении его умершим.

— Не так быстро, — попросил Олег Николаевич. — Значит, моему другу, чтобы воскреснуть, не нужно предпринимать ничего? Никаких судов, никаких свидетелей, никаких экспертиз?

— Совершенно верно. Ему достаточно предъявить себя. Поэтому я и сказал, что ваш друг счастливец, ему очень повезло.

— Спасибо, вы все очень хорошо объяснили.

— Рад был оказаться полезным. Передавайте привет вашему другу.

— Обязательно передам, — пообещал Михеев. — Еще вопрос. Что такое видикация?

— Это право собственника требовать возврата своего имущества, незаконно от него отчужденного. Не вникайте, вашему другу это не понадобится. Все его имущество как ему принадлежало, так и принадлежит.

Олег Николаевич вышел из консультации. Ярко светило щедрое солнце. Молодые мамы катили коляски с младенцами, голенастые старшеклассницы в коротких юбчонках сидели на спинках скамеек с банками пива, матери в их щебетании воспринимались невинно, как чирикание воробьев.

«Ему очень повезло, — вспомнились Олегу Николаевичу слова цивилиста. — А мне очень не повезло».

С тяжелым сердцем он вывел на дисплей мобильного номера Феди Кривого. Ничего личного, это бизнес. Только бизнес. Господи, да что же это за проклятая жизнь, вынуждающая человека делать то, что глубоко противно его натуре? Что это за дьявольская сила денег, диктующая жизни свои законы?

Но бизнес — это как гонки на мотоцикле по вертикальной стене. Пока прибавляешь скорость, поднимаешься. Чуть замедлился — оказываешься внизу. А если на верхотуре вдруг заглох мотор — об этом лучше не думать.

— Здравствуйте, господин Федотов, — проговорил Олег Николаевич, услышав в трубке недружелюбное «Кто это?» — С вами говорит генеральный директор «Росинвеста» Михеев. Нужно встретиться по важному делу...

Глава девятая

ГОНКИ НА ВЫЖИВАНИЕ

I

Последние годы Панкратов все чаще чувствовал себя посторонним человеком в России. Не то чтобы ему было безразлично, что в ней происходит, но все проходило стороной, фиксировалось умом и оставляло равнодушным сердце. Он и в молодости никогда не загорался идеями социального преобразования общества. От яростных споров однокурсников в общежитии и аудиториях МГУ о политике всегда уклонялся, ему было не до политики, учеба давалась трудно. Позже, во время службы в Управлении по борьбе с особо опасными хищениями социалистической собственности КГБ, старался добросовестно делать свою работу, и это давало ему чувство причастности к жизни страны. Он вступил в КПСС, потому что офицер КГБ не мог не быть членом партии. В 91-м году, когда КПСС разогнали, не стал публично рвать или сжигать партбилет, как некоторые его сослуживцы, просто бросил его в ниж-

ний ящик письменного стола, где валялись почетные грамоты и благодарности Председателя комитета.

22 августа 1991 года он допоздна засиделся на службе и видел из окна своего кабинета, как под ликование многотысячной толпы памятник Дзержинскому подъемным краном сдернули с пьедестала и он проплыл над площадью, как повешенный. В здании на Лубянке царила паника. Офицеры КГБ смотрели на площадь из темных кабинетов, прячась за портьерами, а потом выбегали в бесконечные коридоры с опрокинутыми лицами. На них читалось: «Что будет, что теперь будет?» Ничего не будет, хотелось сказать им Панкратову. Что было, то и будет. Но он ничего не сказал, молча собрал бумаги в портфель, вышел из КГБ с заднего подъезда и уехал домой.

Все последующие события он наблюдал будто со стороны. Ему скорее нравился, чем не нравился президент Ельцин, особенно поначалу, крепкий русский мужик, не чета болтливому и вертлявому Горбачеву. Он даже голосовал за него на выборах 96-го года. Появление Путина, сначала в роли премьер-министра, а потом преемника Ельцина, Панкратов воспринял с настороженностью, больно уж неожиданно, из ничего, возникла эта политическая фигура. Но свое мнение оставил при себе, потому что у него не было никакого мнения. «Ты пенек, дубовый пенек!» — сердилась жена, с которой он сначала разошелся, а потом снова сошелся. Она была из семьи потомственных московских интеллигентов, все принимала близко к сердцу. И хотя основные интересы ее сходились на современном искусстве во всех его видах, политики она не чуждалась. Панкратов только пожимал плечами: «Я не лезу в то,

чего не могу изменить». А изменить он ничего не мог. Поэтому никуда и не лез.

Панкратов многое знал из того, что происходит в России. Не понаслышке, не из газет и Интернета. Из реальных дел, которыми ему приходилось заниматься. Он знал, как захватывают чужие многомиллионные бизнесы, как подкупают следователей и прокуроров, как дают взятки судьям, какие деньги и в какой форме заносят чиновникам всех уровней. Коррупция, о которой вздох писали все газеты и которая сурово осуждалась президентом и премьер-министром с высоких трибун, была для него не абстрактным понятием, а воплощалась в конкретных людей и конкретные жизненные коллизии. Сам он никогда не давал взятки, но иногда подсказывал, кому и сколько дать.

Позиция стороннего наблюдателя, при сем присутствующего, вполне устраивала Панкратова. И только сравнительно недавно он начал ощущать в ней какую-то не то чтобы ущербность, но словно бы недостаточность. Он понимал политическую активность Гольцова, в его судьбе был Новочеркасск. У Панкратова никакого Новочеркасска не было. Или все-таки был?

Он хорошо помнил странное чувство, испытанное им, когда он хоронил мать. Отца Панкратов не знал. Мать говорила, что он был геологом и погиб в какой-то северной экспедиции. Но из случайного разговора соседок по коммунальной кухне на Тишинке он узнал, что никаким геологом отец не был, а был не пойми кем, обрюхатил девушку и был таков. Это оставило его равнодушным, половина тишинских пацанов была безотцовщиной, отцы, если они и были, по большей части сидели. Мать до самой смерти работала проводницей поездов дальнего следования на Казанской дороге.

Умерла она в 63 года, схватила двустороннее воспаление легких и сгорела за две недели. Панкратов растерялся: где ее хоронить? Никакого семейного кладбища у них не было. Когда-то давно родители матери бежали в Москву от голода из деревни Вешки Рязанской области. Панкратов их не застал, он родился уже в Москве и в Вешках никогда не был. Пришлось хоронить, где предложили — на новом Алтуфьевском кладбище. Стоя над могилой матери, он испытал новое для себя чувство — чувство безродности. Позже он съездил в Вешки, нишую заброшенную деревню, где осталось только несколько стариков и старух, побродил по заброшенному, заросшему матерой крапивой кладбищу и вернулся в Москву с тем же чувством обделенности жизнью. А ведь была когда-то большая семья, был род, и вот — как обрезало косой безжалостной русской истории. Кого в этом винить? И нужно ли кого-то винить? Те, чьей волей или безволием творилась история, давно уже расплатились за вину своей жизнью.

Два года назад незамужняя дочь Панкратова, живущая с матерью, родила сына. Назвали Игорем — в честь деда по материнской линии, довольно известного филолога. Когда было время, Панкратов приезжал к ним, гулял с внуком, чувствуя себя немного неловко в роли деда. Внук как таковой никаких особенных эмоций у несентиментального Панкратова не вызывал. Внук и внук, симпатичное маленькое существо. Но внук как некий символ вызывал чувства довольно сильные и не очень приятные. Вот лет через двадцать он придет и спросит: «Дед, ты какую Россию мне оставил?» И ему не скажешь: «Какую получил, такую и оставил». Не такую. И получил не такую, и оставил не такую.

Звонок Веры Павловны застал Панкрата во время прогулки с внуком и прервал его размышления о судьбах России и о своей роли в ее многострадальной истории.

— Вы меня узнали? — спросила она.

— Да, конечно. Здравствуйте...

— Не называйте меня, — перебила она. — Я звоню из уличного автомата. Ваш мобильник прослушивается?

— Теоретически не исключено. Но я понятия не имею, кому это надо.

— Мне нужно вас увидеть. Срочно. Назовите место, которое я бы знала, а никто бы не знал. Если ваш телефон все-таки слушают.

— Там, где вы обычно встречались с Арсеном, — подумав, предложил Панкратов. — Устроит?

— Откуда вы знаете, где я встречалась с Арсеном?

— Потом объясню. Я смогу подъехать туда часа через полтора.

— Подъезжайте, буду ждать.

Телефон умолк. Панкратов отвел внука домой, погрузился в свой «фольксваген» и направился сквозь бесконечные московские пробки к Речному вокзалу, размышляя, что бы мог означать этот необычный звонок.

Вера Павловна была не из тех, кто устраивает панику на пустом месте. Если она позвонила, да еще с такими предосторожностями, значит, ее что-то серьезно встревожило. Странно только, что позвонила она, а не Гольцов. Георгия Панкратов не видел с того вечера, когда решили, что Арсену нужно исчезнуть из Москвы. Он не звонил, был занят какими-то своими делами. Пан-

кратов тоже не напоминал о себе. Но по опыту знал, что такие жизненные коллизии всегда имеют продолжение, чаще всего неожиданное. Похоже, продолжение последовало и в этом сюжете, в котором Панкратов волей случая оказался задействован.

Речной вокзал удивил его необычным оживлением. Гремела музыка, на гирляндах трепыхались флажки на речном ветерке, было много милиции, почему-то в парадной форме. У стенки стоял многопалубный теплоход, на него с шумом и гамом грузилась совсем зеленая молодежь. Юные девушки в платьях, похожих на свадебные, юноши в костюмах с галстуками. На всех широкие красные ленты через плечо. «Выпускник 2010» — успел прочитать Панкратов. Понятно, праздник последнего звонка. Или получения аттестатов зрелости? В общем, праздник. А милиция следит за порядком.

Возле скамейки, второй справа от входа в вокзал, Веры Павловны не было. Сидела какая-то блондинка, по виду студентка в джинсах, в белой рубашке, завязанной узлом на пупе, в надвинутой на лоб белой бейсболке. Панкратов пристроился на другом конце скамейки, чтобы Вера Павловна еще издали могла увидеть его и понять, что он один.

— Здравствуйте, Михаил Юрьевич. Спасибо, что пришли, — сказала блондинка. — Не оглядывайтесь на меня, смотрите на молодежь и делайте вид, что завидуете их цветущей юности.

— Чему там завидовать? — отозвался Панкратов, послушно глядя в сторону. — Только представить, сколько им всего предстоит, страшно подумать. Нет, это не для меня. Что с вашей прической?

— Парик.

— Мы так и будем разговаривать, глядя в разные стороны? Давайте сядем в вашу машину и куда-нибудь отъедем.

— Я приехала на такси. Такси меняла два раза. Честное слово, чувствовала себя Матой Хари.

— Понравилась?

— Нет. Вон там, у шестого причала, речной трамвайчик. Он отходит через десять минут. Я сейчас подойду к нему. А вы проследите, не увяжется ли кто за мной. Если нет, тоже садитесь, там мы спокойно поговорим. Если что-то заметите, уходите, встретимся позже.

Вера Павловна неторопливо подошла к кассе, потом предъявила билет дежурному матросу и скрылась внутри парходика. Ее передвижения ничего необычного на причале не вызвали. Никто не кинулся к кассе, никто не побежал к трапу. Панкратов сел в трамвайчик, когда матрос уже убирал сходни. Веру Павловну он нашел на корме. Она сняла бейсболку и парик и с удовольствием подставляла голову со своей замечательной короткой стрижкой свежему ветерку. Народу здесь почти не было, публика, соблазнившаяся прогулкой по Москве-реке, толпилась на верхней палубе и в баре.

— Так что же все это значит? — спросил Панкратов.

— Вы, наверное, считаете меня сумасшедшей?

— Нет. Но вижу, что вы чем-то очень встревожены. Чем?

— Скажу, — пообещала Вера Павловна. — Но сначала вопрос. Как вы узнали, где я встречаюсь с Арсеном? За мной следили?

— Да.

— Мой телефон прослушивали?

— Да.

— Зачем?

— Мне нужно было узнать, жив Георгий или погиб. А вы были единственным человеком, который мог это знать. Когда вы узнали, что он жив?

— Через два месяца после его похорон.

— Почему Георгий не объявился сразу? Как только стало известно о катастрофе самолета?

— Он боялся, что я себя выдам. А через меня выйдут на него. Я понимаю, о чем вы думаете. Знать целых два месяца, что твой муж погиб, это страшное испытание, врагу не пожелаешь. Но вы не представляете, в каком ужасе мы тогда жили. Мы были уверены, что его снова хотят посадить. Что за ним охотится ФСБ. Я ждала его четыре года. Я бы не выдержала, если бы он снова попал в тюрьму. Он все правильно сделал. Он обязан был так сделать. Он думал не о себе — обо мне, о наших сыновьях. Жестоко? Да. Но только мы об этом можем судить. Никто не имеет права его осуждать!

— И меньше всех я, — подтвердил Панкратов. — Как вы узнали, что Георгий жив?

— О Господи! — вдохнула Вера Павловна. — Я вызвала вас по важному делу, а вы ввергаете меня в прошлое, которое даже сейчас я не могу вспоминать без содрогания!

— Не рассказывайте, если вам неприятно. Мой интерес к Георгию вполне обывательский. Я не часто встречал людей с таким характером и с такой необычной судьбой.

— Он совершенно невозможный человек! — горячо отозвалась Вера Павловна. — Человек-событие,

человек-приключение! Стоит ему появиться, и обычная жизнь превращается в аттракцион. Иногда в праздник, иногда в трагедию. Я расскажу, как я узнала, что он жив. На выходные я отпускаю домработницу. И вот представьте, возвращаюсь вечером из студии в пустой дом, и первое, что вижу в прихожей — его туфли. Те, в каких он уехал в аэропорт. Захожу в гостиную, а в кресле сидит какой-то человек. В его тапках. Вылитый он. Но не он, не может быть он, его похоронили на Ваганьковском кладбище! Я очень хорошо все помнила, очень хорошо! Было много венков, свечей, отпевал настоятель храма Воскресения Слоущего. Спрашиваю: «Это ты?» Он говорит: «Да, я. Я вернулся. Можно сказать, с того света». А у меня в голове только одна мысль: нужно срочно обзвонить всех друзей, чтобы никто не сказал ему, что он умер!..

Она замолчала. Мимо медленно тянулись набережные, проплыла гостиница «Украина». На мгновение потемнело, трамвайчик прошел под Новоарбатским мостом.

— Так я узнала, что он жив, — снова заговорила Вера Павловна. — Как вам это нравится, Михаил Юрьевич? Превратить свою смерть в трагифарс — на это способен только он! Я замужем за ним уже пятнадцать лет, и до сих пор не знаю, чего от него можно ждать!

— Не утомляет? — поинтересовался Панкратов.

— Как ни странно, нет. Что вы, совсем нет! Чему вы усмехаетесь?

— Вы посоветовали мне смотреть на молодежь и завидовать их юности. А я немного завидую вам. Вам повезло встретить Георгия. Ему тоже повезло. И я даже не знаю, кому больше. Он уже больше года считается погибшим. Вы встречаетесь?

— Что за вопрос! Я не постригалась в монахини.

— Он приезжает к вам? Или вы к нему?

— Нет, это опасно. Встречаемся где придется. Летом в Крыму, заказываем одну и ту же гостиницу. Зимой в загородных отелях. Прислуга на меня смотрит с большим любопытством. Иногда садились на теплоход на Речном вокзале, есть там трехчасовые прогулки по каналу. Из каюты даже не выходили. Смешно, да? Как любовники втайне от жен и мужей. У вас есть еще вопросы?

— Нет, — сказал Панкратов. — А теперь сядьте поближе и расскажите, что вас встревожило.

Рассказ Веры Павловны уложился в расстояние от пристани «Киевская» до «Парка культуры». Недели две назад она обратила внимание на то, что в квартире раздаются телефонные звонки и кто-то тут же вешает трубку. Домработница рассказала, что однажды пришли два сантехника, которых никто не вызывал, проверяли отопление. В ДЭЗе сказали, что никаких сантехников не присылали. Потом она заметила, что за ее «маздой» все время следует какая-то машина, «хонда» синего цвета с висюлькой в виде обезьянки на лобовом стекле. Эта обезьянка и привлекла ее внимание. Когда она попала на глаза в третий раз, Вера Павловна насторожилась. Несколько раз попыталась уйти от преследования, но «хонда» неизменно оказывалась сзади. В машине один человек. Довольно молодой, не кавказец. Когда Вера Павловна заходила в магазин или торговый центр, он незаметно шел за ней.

— Номер записали? — спросил Панкратов.

— Да. Но на следующий день номер был другой. Его я тоже записала. Вот они, возьмите. А машина та же. Что это значит, Михаил Юрьевич?

— Пока не знаю. Но вы правильно сделали, что позвонили. Мой телефон дал вам Георгий?

— Да. Он сказал, чтобы в случае чего я звонила вам. Вы знаете, что делать. И знаете, как с ним связаться.

— Вы ему звонили?

— Нет, мы связываемся по Интернету. Эта шпионская жизнь начинает мне надоедать.

На пристани «Парк Культуры» трамвайчик заметно опустел, публика решила продолжить развлечения в парке Горького, где, как и на Речном вокзале, было полно выпускников с красными лентами. Панкратов сходил в бар и принес две банки «Кока-колы». Не то чтобы его мучила жажда, ему нужно было время подумать.

«Хонда» с разными номерами. Какая-то самостоятельность. Профессиональная наружка давно уже не меняет номера, она меняет машины. Один водитель в «хонде». Он же следит за клиентом в магазине. Совсем ни к черту. Топтуны всегда работают парой. Нет, здесь что-то не то.

— Сделаем так, — предложил Панкратов. — Завтра утром вы позвоните мне с домашнего телефона и попросите срочно приехать.

— В телефоне наверняка жучок, — предупредила Вера Павловна.

— На это и расчет. В квартире тоже жучки. Даром, что ли, приходили сантехники? Я приеду, и вы расскажете мне то, что сейчас рассказали. Взволнованно, с экспрессией. Сможете?

— Постараюсь.

— Скажете, что через вас кто-то хочет найти Георгия. И вас это очень тревожит. Я задам пару уточняющих вопросов и скажу, что в самое ближайшее время встречу с Георгием и введу его в курс дела. И мы вместе решим, как следует поступить.

— Вы в самом деле встретитесь с Георгием?

— Нет. Может быть, позже. Сейчас я хочу, чтобы слежка переключилась на меня. Так и будет, если мы правильно понимаем ситуацию. Им нужны не вы, а Георгий. Если, конечно, вас не выслеживает ревнивой любовник.

Вера Павловна вспыхнула:

— Михаил Юрьевич, а банкой «Колы» по голове хотите?

— Не хочу, она липкая. Я пошутил. Вы все запомнили? Подходим к Устьинскому мосту, можете здесь сойти. А мне придется плыть обратно. Машину-то я оставил на Речном вокзале.

Вера Павловна надела парик и снова стала похожа на блондинку-студентку. Пожаловалась:

— Терпеть не могу парики, в них голова потеет. До завтра!..

Забрав свой «фольксваген» с парковки у Речного вокзала, Панкратов успел сделать еще одно дело, захал на Мясницкую в Главное управление ГИБДД и у знакомого полковника пробил номера синей «хонды». Как он и ожидал, номера оказались фальшивыми, оба с машин, давно снятых с учета. А вечером в «Кофе Хаус» на Неглинке встретился с человеком, который предпочитал, чтобы его называли Николаем Николаевичем, а как его звали на самом деле, не знал никто.

II

«Филер должен быть политически благонадежный, честный, трезвый, смелый, ловкий, сообразительный, выносливый, терпеливый, настойчивый, осторожный, правдивый, дисциплинированный, уживчивый, серь-

езно и сознательно относящийся к делу и принятым на себя обязанностям, крепкого здоровья, в особенности с крепкими ногами, с хорошим зрением, слухом и памятью, с такою внешностью, которая давала бы ему возможность не выделяться из толпы и устраняла бы запоминание его наблюдаемыми...»

Всеми этими качествами, перечисленными в инструкции Департамента полиции начальникам охранных отделений, ведавших в царской России сыском, Николай Николаевич обладал в полной мере. Кроме разве что политической благонадежности, о которой Панкратов не мог судить, потому что они никогда на эти темы не разговаривали. А все остальное при нем: трезвый, смелый, сообразительный, крепкого здоровья даже сейчас, в шестьдесят лет. А уж его умению не выделяться из толпы мог поучиться любой артист. Никто не выделил бы его и среди работяг, выходящих с завода после смены, и среди привокзальных бомжей. Если надо, он сошел бы за своего даже на научной конференции — скромный провинциальный профессор, внимательно слушающий столичных коллег, но не рискующий с ними спорить. Эта способность сливаться с окружающими, обязательная для сотрудников службы наружного наблюдения, и предопределила его судьбу. НН — так называли наружку на сленге. Или Николай Николаевич.

Панкратов познакомился с ним еще в советские времена по служебной надобности, когда Николай Николаевич был небольшим начальником в 7-м Главном управлении КГБ — в «семерке», следившей за подозрительными иностранцами и вступавшими с ними в контакт нашими несознательными гражданами. Начиная рядовым топтуном, тогда Панкратов не смог бы с

ним познакомиться ни при каких обстоятельствах, в КГБ это была самая закрытая служба. Сотрудников наружки знал только их непосредственный руководитель, а больше не знал никто, включая Председателя КГБ. Они никогда не появлялись в здании на Лубянке, с начальством встречались на конспиративных квартирах.

В КГБ Николай Николаевич дослужился до подполковника, после 91-го года его вывели за штат, он перешел в «семерку» МВД и сделал там неплохую карьеру. Лет десять назад что-то у него не срослось с новым начальством, в чине генерал-майора он вышел в отставку и стал, как он сам говорил, рантье. Рента была не процентами с капитала, никаких капиталов он не нажил, ренту давала ему обширнейшая и очень специфическая информированность. Как Панкратов служил посредником между бизнесменами и властями, так и Николай Николаевич был связующим звеном между МВД и теми, кому требовались особые услуги милиции. Прослушка любых телефонов, в том числе и сотовых, гарантированно защищенных от прослушки, негласная охрана VIP-персон, стационарное и мобильное наружное наблюдение, контрнаблюдение — все это Николай Николаевич мог организовать. Понятно, что очень не даром.

За многолетнее знакомство между ними сложились взаимно уважительные отношения, отчасти из-за сходства характеров, внутренней уравновешенности, а больше — из-за обязательности, присущей обоим. Ни Панкратов, ни Николай Николаевич никогда не обещали того, чего не могли сделать. И всегда делали то, на что подписались. В отличие от многих милицейских, которые брали деньги и потом находили десят-

ки причин, почему они не могут ничего сделать. Поэтому деловые люди, раз попробовав, больше никогда к ним не обращались.

Каждое дело, за которое брался Николай Николаевич, требовало довольно сложной организации. Говоря современным языком — логистики. Панкратов не знал, как Николай Николаевич строит свои отношения со службой наружного наблюдения, а про прослушку однажды рассказал. Не специально, просто пришлось к слову. Чтобы она была или хотя бы выглядела законной, договаривались со следователем, он вписывал нужные номера в какое-нибудь из уголовных дел, которых в работе у каждого следователя были десятки. Суд, не вникая, санкционировал прослушку. Таким образом она становилась не просто законной, но могла фигурировать в обвинительном заключении в качестве доказательства. Но до этого не доходило, заказчикам достаточно было знать содержание разговоров.

Вечерняя публика в «Кофе Хаус» на Неглинке была не такая, как днем. Почти не было молодежи, все больше модно одетые дамы, заглянувшие отдохнуть после шоппинга и поболтать с подругами, и интеллигентные пенсионеры, достаточно обеспеченные, чтобы позволить себе чашку эспрессо за сто пятьдесят рублей или ассорти из мороженого за двести пятьдесят. На такого пенсионера был похож сейчас и Николай Николаевич.

— Вам кофе? — поздоровавшись, спросил Панкратов.

— Капучино, — ответил Николай Николаевич. — Черный здесь не очень.

— Есть проблемы? — спросил он, когда Панкратов вернулся к столику от бара с двумя чашками капучино.

— Есть. Завтра мне понадобится наружка. Три машины. Контрнаблюдение. Это возможно?

— Сделаем. На сколько?

— На весь день. Возможно, еще на день или два.

— Встанет в копеечку.

— Знаю.

— Кто объект?

— Я.

— Вы? — удивился Николай Николаевич. — Неужели стали олигархом? Поздравляю.

— Не стал. И уже не стану. Раньше нужно было начинать, лет двадцать назад.

— А тогда кому понадобилось за вами следить?

— Это и нужно узнать. Будет синяя «хонда» с фальшивыми номерами. Запишите номера... Но не исключено, что еще две или три машины.

— Серьезные дела, я смотрю, — заметил Николай Николаевич. — Прослушка нужна?

— Может понадобиться, потом решим. Пусть ваши люди подтянутся завтра к половине первого в Строгино. Я буду на «фольксвагене» темно-синего цвета. Госномер...

— Да знаю я ваш номер. Куда в Строгино?

Панкратов продиктовал адрес Веры Павловны. Объяснил:

— Там живет одна дама, за которой следит кто-то на «хонде». Попросила меня помочь.

— Почему она не пошла в милицию?

— Это вы у меня спрашиваете?

— Странные времена, не находите? — проговорил Николай Николаевич не то с недоумением, не то с раздражением. — Есть милиция, но она сама по себе. Есть правительство, тоже само по себе. Даже президент сам по себе. Все есть, а люди обращаются к нам, а не к ним. К чему мы идем, Михаил Юрьевич?

— Меня тоже последнее время занимает этот вопрос, — отозвался Панкратов. — Не знаю. К чему-то идем. К чему? Узнаем, когда придем. А что прикажете делать? Выходить на Манежную площадь? Или к Белому дому, как в августе 91-го? Выходили. И что получилось?

— Да, ничего хорошего, — согласился Николай Николаевич. — Удивительная страна Россия. В ней все меняется, и все остается прежним.

Глубокомысленно помолчали — два немолодых человека, много чего знающие о жизни. Но не знающие главного — куда выносит Россию глубинное течение жизни. Молча допили капучино по двести рублей за чашку, молча пожали друг другу руки и вышли на Неглинку. Николай Николаевич сразу исчез в вечерней толпе, а Панкратов поехал домой. Нужно было выспаться, завтрашний день обещал быть не очень спокойным.

III

Как и договаривались, Вера Павловна позвонила в начале одиннадцатого и взволнованным голосом попросила срочно приехать.

— Сегодня не смогу, дела, — придал разговору Панкратов элемент бытовой достоверности. — Постараюсь завтра или послезавтра.

— Нет-нет! — горячо запротестовала она. — Сегодня, сейчас! За мной все время следят, мне страшно. Я не знаю, что делать!

— Ну, хорошо, хорошо, успокойтесь, приеду. Буду у вас примерно в час дня.

Но в Строгино Панкратов приехал в половине первого и некоторое время кружил по кварталу вокруг дома Веры Павловны. Синюю «хонду» с обезьянкой на лобовом стекле он заметил сразу. Она стояла возле соседнего дома так, что из нее был виден подъезд Веры Павловны и выезд из подземного гаража. Водительская дверь «хонды» была открыта, какой-то молодой парень заурядной внешности в шортах и пестрой футболке курил в машине, изображая водилу, который терпеливо ждет хозяина. Только вот потрепанная «хонда» не очень-то походила на машину, хозяин которой держит водителя. Никаких других подозрительных машин Панкратов не заметил, а машин наружки угадать даже и не пытался, на Николая Николаевича работали профессионалы.

В гостиной Веры Павловны Панкратов пробыл минут двадцать, этого времени хватило, чтобы изобразить «театр у микрофона», как раньше называли радиоспектакли. Панкратов решил обострить ситуацию.

— Я проверил номера синей «хонды», которые вы записали, — сказал он. — Оба номера фальшивые, сняты со старых машин.

— Как это? — удивилась она. — А если тормознет гаишник?

— А то сами не знаете. Откупятся. Но пусть вас это не беспокоит. Я встречусь с Георгием, разберемся.

— Когда вы с ним встретитесь?

— Возможно, сегодня. Или завтра. Пока не знаю. А вы сидите дома и никому не открывайте, только знакомым.

Судя по всему, театр у микрофона убедил невидимых слушателей. Некоторое время «хонда» маячила в зеркале заднего вида машины Панкратова, а потом исчезла и больше ни разу не появилась. Целый день Панкратов колесил по душной загазованной Москве, к тому же с явной гарью шатурских торфяников, не делая никаких резких движений и неожиданных маневров — так, как ездит человек, понятия не имеющий, что за ним следят, и не пытающийся оторваться от слежки. Заезжал в ненужные ему офисы, перекусывал в открытых кафе и снова возвращался в прохладный «фольксваген» с исправно работающим кондиционером. Однажды ему показалось, что сзади очень уж навязчиво привязалась «лада-приора», но он даже ее номер не стал записывать. Кому надо, запишут.

Вечером на связь вышел Николай Николаевич:

— Вас вели три машины. Около часа синяя «хонда», потом «лада-приора» и «лендкрузер». По два человека в каждой. «Ладу» еще не успели пробить, а «лендкрузер» из гаража ритейлера Федотова. Знаете такого?

— Нет.

— А мы хорошо знаем. В прошлом крупный криминальный авторитет по кличке Федя Кривой. В 90-е годы его банда специализировалась на заказных убийствах. Сейчас уважаемый бизнесмен. Но старую профессию не забыл. Стал осторожнее, берет очень дорого. Не представляю, почему вы его заинтересовали.

— Не я, — возразил Панкратов. — Совсем другой человек. Через меня они рассчитывают выйти на него. Поставьте все телефоны ритейлера на прослушку.

— Уже поставили, — сообщил Николай Николаевич. — Десять минут назад был интересный звонок. Хотите послушать?

— Давайте.

Шорох в телефоне прервался грубым мужским голосом:

— Слышишь меня? С тебя бутылка. Скоро найдем твоего клиента.

— Вы ищите его уже месяц, — недовольно ответил абонент.

— Не ссы. Уже сидим у него на хвосте. День-два, и он наш.

— Жду.

Связь прервалась.

— Первый — Федя Кривой, — прокомментировал Николай Николаевич. — С кем говорил, неизвестно.

— Прокрутите запись еще раз, — попросил Панкратов. — Голос вроде знакомый.

Он внимательно прослушал разговор.

— Да, знаю абонента. Это Михеев, генеральный директор ЗАО «Росинвест». Поставьте на прослушку его телефоны. Запишите офисный и мобильный...

Панкратов продиктовал номера.

— Сделаем, — сказал Николай Николаевич. — Контрнаблюдение снимаем?

— Пока нет.

— Понял. До связи!..

Значит, Михеев. Что ж, этого можно было ожидать. Теперь было что сообщить Гольцову.

Для деловых людей в Москве давно уже не было секретом, что в милиции можно в частном порядке заказать любые услуги — от наезда на конкурента до силового прикрытия рейдерского захвата чужого бизнеса, от защиты от наезда до силового противодействия рейдерам. Только плати. Но тут были свои тонкости. Федя Кривой, хорошо известный оперативникам уголовного розыска, не мог заказать профессиональную наружку ни за какие деньги, никто бы на это не пошел, слишком стремно. Поэтому он был вынужден обходиться своими силами. А вот прослушку любых телефонов мог заказать без труда, если не в милиции или в ФАПСИ, то в какой-нибудь частной фирме, специализирующейся на таких услугах. В Москве их было немало. Понятно, что они себя не рекламировали, но кому надо, те знали.

Панкратов был не на сто процентов уверен, что его телефон не поставлен на прослушку еще со вчерашнего дня, но предпочел не рисковать. Он сделал то же, что Вера Павловна. Оставил машину у метро «Тургеневская», вошел в вестибюль и сунул карточку в телефон-автомат. Прикрывая аппарат спиной, набрал номер Гольцова:

— Георгий, нужно встретиться.

— Приезжайте, — ответил Гольцов. — Я дома.

— Не могу, у меня на хвосте две машины. Только и ждут, когда я к вам приеду. Давайте в городе. Скажем, на выходе из «Баррикадной», это по вашей линии. Часа за полтора успеете?

— Это так срочно?

— Да, срочно, — подтвердил Панкратов.

— Выезжаю...

Теперь нужно было оторваться от слезки, причем так, чтобы эти в «ладе-приоре» и «лендкрузере» ничего не заметили. Немного подумав, он доехал до спорткомплекса «Олимпийский» на проспекте Мира и взял в кассе билеты на два сеанса в бассейн.

— Вода сорок пять минут, — предупредила кассирша. — Еще полчаса на раздеться-одеться.

— Спасибо, понял, — сказал Панкратов и прошел внутрь, не оглядываясь, но твердо зная, что у кассы уже вертится какой-нибудь господинчик, любопытствующий, какие билеты купил его знакомый. Ну, такой представительный, седой, с коротенькой стрижкой, мы договорились вместе поплавать, но я немного опоздал. Взял на два сеанса? Спасибо. Нет, мне не нужно, столько времени у меня нет, поплаваем в другой раз.

Но в раздевалку Панкратов заходить не стал, обогнул главную спортивную арену, на которой монтировали громоздкое оборудование для какого-то вечернего музыкального шоу, служебным коридором вышел в хозяйственный двор с фурами, на которых это оборудование привезли, и через пять минут оказался на тихой улочке позади спорткомплекса. Незаметно осмотрелся. Никто не выскочил следом, суматошно озираясь по сторонам. Нехитрый фокус удался, два с половиной часа были выиграны. Панкратов тормознул частника и направился к «Баррикадной».

Минут двадцать он прождал на солнцепеке, пока из метро в толпе пассажиров появился Гольцов — в легком светлом костюме, в солнцезащитных очках в стильной оправе. Приостановился, закуривая, рассеянно глянул по сторонам. Увидев Панкратова, посочувствовал:

— Давно ждете? Ну и жара. Говорят, такого лета в Москве не было сто тридцать лет. Хотя покупай кондишен. Останавливает одно: а если он не будет нужен еще сто тридцать лет? Где бы нам поговорить?

— Я знаю одно спокойное место, здесь рядом. Пойдемте, — предложил Панкратов.

Пересекли Садовое кольцо, забитое машинами, как дальневосточные реки идущей на нерест горбушей. Однажды в командировке Панкратов видел это впечатляющее зрелище и вспоминал его, глядя на московские улицы. Разве что машины, как горбуша, не лезли друг на друга. Но иногда лезли, и тогда все движение замирало. Свернули на Поварскую, подошли к зданию затейливой старинной архитектуры.

— Это же Центральный дом литераторов, — прочитав вывеску, заметил Гольцов. — Нас туда пустят?

— У вас деньги есть?

— Есть.

— Тогда пустят.

Они беспрепятственно вошли в знаменитый на всю Москву Дубовый зал ресторана ЦДЛ, но сразу поняли, что здесь поговорить не удастся. На половине зала столы были сдвинуты, всюду бушевал банкет. Человек на сорок. И на писателей они были не похожи. На сотрудников крупного банка, на топ-менеджеров преуспевающей фирмы, но только не на писателей.

— Корпоратив, — заключил Панкратов. — Но ничего, найдем другое место.

Они прошли через ресторан, в вестибюле спустились вниз и оказались в малолюдном кафе с десятком столиков и буфетом с внушительной кофеваркой, за которым восседала полногрудая крашенная блондинка.

— Откуда вы здесь все знаете? — удивился Гольцов.

— Приходилось бывать, жена водила на разные мероприятия. Фильмы из категории «кино не для всех», литературные чтения. Пыталась приобщить меня к культурной жизни Москвы.

— Приобщила?

— Не очень. Вам пива?

— Нет, минералки.

Устроились за столиком в углу. Панкратов сказал:

— Ну вот, здесь можно спокойно поговорить.

IV

Подробный отчет Панкратова о событиях двух минувших дней Гольцов выслушал внимательно, не перебивая. Немного подумав, кивнул:

— Спасибо, Михаил Юрьевич, вы все правильно сделали. Сколько вам это стоило?

— Мне? — переспросил Панкратов. — Вам, Георгий. Мне такие расходы не по карману.

— Я неправильно выразился. Мне, конечно. Так сколько?

— Пока не знаю. Счет представят, когда работа будет закончена. Как сейчас говорят — инвойс.

— Работа закончена, мы уже все узнали.

— Вот как? Но эти, на «лендкрузере» и «ладе», будут ездить за мной до второго пришествия. Пока я не приведу их к вам. Или пока они не узнают ваш адрес.

— Они его узнают. И очень скоро.

— Не понял. Что вы задумали?

Гольцов улыбнулся, отчего его жесткое некрасивое лицо точно бы подсветилось изнутри мягким светом.

— Михаил Юрьевич, я очень ценю вашу помощь. Но о своих планах промолчу. Я не уверен, что вы их одобрите. Здесь курить можно?

— Можно, наверное. Пепельница есть. Да и другие курят, — кивнул Панкратов на соседние столики. За одним трое молодых людей и две девушки пили пиво и читали друг другу стихи. За другими сидели по двое, курили, обсуждали свои дела. Время от времени в кафе появлялись немолодые писатели, выпивали по рюмке коньяку или по чашке кофе, съедали по бутерброду и уходили. В углу средних лет энергичная дама что-то доказывала собеседнику, нервно листая то ли текст рукописи, то ли договор. Собеседник реагировал вяло, что очень сердило даму.

Гольцов закурил французскую сигарету «Голуаз» и доверительно тронул Панкратова за плечо.

— Не обижайтесь, Михаил Юрьевич. Не хочу втягивать вас в свои дела.

— Я уже втянут в них по самое никуда. Вы не слишком затянули свое пребывание на том свете?

— Еще нет.

— Я почему спрашиваю? — объяснил Панкратов. — Вера Павловна женщина с сильным характером. Но нервы у нее уже на пределе.

Гольцов помрачнел.

— Меня это тоже тревожит.

— Так заканчивайте эту историю. Хотите посадить Михеева? Сажайте, что вам мешает? Подделанная дарственная — уже состав преступления. Получит лет пять или шесть.

— Восемь, — сказал Гольцов.

— Что восемь? — не понял Панкратов.

— Я хочу, чтобы он получил восемь лет. Столько, сколько получил я. И так, как получил я. С купленными следователями, с купленной судьей. Я хочу, чтобы он побыл в моей шкуре.

— Вам не нужно подкупать следователей. Они и так будут рвать его, как тузик грелку. За Кириллова. На самого Кириллова им насрать, но Михеев подставил весь Следственный комитет, ему это не спустят.

— Значит, проблемой меньше. Но главная проблема остается — судья Фролова.

— В чем проблема?

— Я хочу, чтобы его дело вела судья Фролова. И вела его так, как мое. С заранее написанным приговором. За взятку в триста тысяч долларов.

— Как вы рассчитываете дать ей взятку? Очень непростое дело, судьи берут только у своих.

— Я знаю как. Так и быть, скажу, чем я занимался последние месяцы. Искал тех, с кем Фролова училась в Юридической академии. В ее группе было двадцать три человека. Четверо эмигрировали в Израиль, двое сейчас в Америке. Остальные в России. Все более-менее устроены. Кроме одного. Некто Красильников. Лучший на курсе, подавал большие надежды, красавец. С Фроловой у него был роман. Как говорят, бурный. Спился. Я нашел его в бомжатнике в Марьиной роще. Сейчас живет у меня в Жулебино, приходит к себя. Вот он и даст взятку судье Фроловой. И она возьмет. А если не возьмет, то я ничего не понимаю в людях.

Панкратов с крайним неодобрением покачал головой.

— Играете с огнем, Георгий. Вы уже загнали Михеева в угол. Зачем, по-вашему, он связался с Федей Кри-

вым? Чтобы его люди нашли вас, а потом Михеев пришел к вам и на коленях попросил прощения?

— Мне интересно узнать, до чего человека могут довести деньги. Нормального, в общем-то, человека.

— Догадаться трудно?

— Не очень. Но я хочу знать точно.

— Может, на этом и остановиться?

— Нет! — резко сказал Гольцов, и в лице его появилась та же неукротимость, которая произвела впечатление на Панкрата в его надгробье на Ваганьковском кладбище. — Вы можете что-нибудь изменить в России?

— Вряд ли.

— И я не могу. Но могу кое-что изменить в той жизни, которой живу я и будут жить мои сыновья. Сделать ее немного чище. И я это сделаю. Следователь Кириллов получил свое, адвокат Погорелов получил свое, прокурор Анисимов ответил на Страшном Суде. Не знаю, как он оправдывался. Возможно, у него было голодное детство. Это уже не наши дела. Свое получит судья Фролова, свое получит Михеев. Я поступлю с ними так же, как они поступили со мной. Это справедливо. Это по закону гор, о котором нам когда-то напомнил Арсен. И хватит об этом.

— Что ж, хватит так хватит, — согласился Панкратов. — Значит, наружку снимаем?

— Да.

— Прослушку?

— Тоже.

— Так и передам...

Дама за столиком в углу раздраженно убрала бумаги в портфель и вышла из кафе, всем своим видом де-

монстрируя негодование. Ее собеседник подошел к буфету, взял большую рюмку коньяка и вернулся на место. И тут Панкратов его узнал. Это был писатель Ларионов.

«Вот так встреча!» — удивился он и тут же поправился: «Ну, а где еще можно встретиться с писателем, как не в писательском клубе?»

Извинившись перед Гольцовым, Панкратов подошел к столу Ларионова.

— Добрый день, Валерий. Можно к вам?

— Господи Боже мой! — изумился писатель. — Национальная алкогольная безопасность! Конечно, садитесь. Как вы здесь оказались?

— Случайно. Что это за дама, с которой вы разговаривали?

— Из издательства. Предложили продолжить серию Маши Зарубиной. «Смертельная страсть-2». А что? Пипл хаваает.

— Вы согласились?

— Посмотрите на мои руки, — предложил Ларионов и продемонстрировал руки с вьезшейся в кожу черной металлической пылью. — Ну какая из меня Маша Зарубина? Поздно мне рядиться в панталончики и кружавчики.

— Мне показалось, она была недовольна?

— Недовольна? Слабо сказано. Предложила за книжку аж пятнадцать тысяч рублей и очень обиделась, когда я послал ее на х... В вежливой форме, конечно. Уже совсем писателей за людей не считают. И вот что странно. Мошенник всегда обижается на того, кто не дает себя нае... обмануть. И обижается очень искренне. Этого я никогда понять не мог.

— Хочу поблагодарить вас за главы, которые вы прислали, — сменил Панкратов тему. — Прочитал с большим интересом.

— Разобрались в гибели Гольцова?

— Да. Вы написали, что хотели бы спросить у Георгия, чувствовал ли он зов судьбы. И добавили: «Но у него уже ничего не спросишь». Хотите спросить?

— Это вы о чем?

— Пойдемте. Только сначала допейте коньяк. А то потом прольете.

Ларионов с некоторым недоумением опустошил рюмку и последовал за Панкратовым.

— Познакомьтесь, джентльмены, — предложил Панкратов. — Впрочем, вы уже знакомы. Но это было давно, двадцать лет назад. Так что можете познакомиться снова.

— Здравствуйте, Валерий, — с мягкой улыбкой сказал Гольцов. — Рад вас видеть.

— У меня что-то с головой, — пожаловался писатель. — И вроде выпил всего ничего. Это вы, Георгий?

— Я.

— Точно вы?

— Хотите меня потрогать?

— Хочу.

— Ну, потрогайте.

Писатель как бы с опаской прикоснулся к плечу Гольцова.

— Правда, вы. Невероятно! Но почему вы здесь?

— Где же мне быть?

— Там, — кивнул Ларионов на потолок.

— Там скучновато, — усмехнулся Гольцов. — Здесь веселее. Но формально я еще там.

Панкратов посмотрел на часы.

— Джентльмены, вынужден вас покинуть. Формально я сейчас в бассейне спорткомплекса «Олимпийский», и мое время быстро подходит к концу. Вы хотели, Валерий, задать Георгию какой-то вопрос?

— Вопрос? — возмутился писатель. — Десять! Сто!

— Вот и задавайте...

Таксист попался опытный, довез до «Олимпийского» всего за полчаса. Панкратов через хоздвор вошел в комплекс, быстрым шагом миновал раздевалку и вышел на улицу несколько взмокший, что вполне соответствовало виду человека, который от души поплавал в бассейне, а потом постоял под горячим душем.

К вечеру жара не спала, а словно бы сгустилась, превратилась в вязкую духоту, как в русской бане. Панкратов включил кондиционер и сидел в машине, пока рубашка не перестала прилипать к телу. Выезжая на проспект Мира, он не заметил ни «лады-приоры», ни «лендкрузера», неотвязно следующих за ним, ни машин наружки. Ими могла быть любая из тысяч машин, проезжавших световые тоннели в смоге из автомобильных газов и дыма горящих торфяников.

На душе у него было беспокойно. Очень не нравилась ему мрачная энергия, которой был наполнен Гольцов. И тревожили его слова про свой адрес: «Они его узнают. И очень скоро». Что это, твою мать, значит? Что он задумал?

Панкратов признавал право Георгия поступать так, как он считал нужным. «Мне отмщение и аз воздам». Но вызывала большие сомнения переусложненность его планов. Опыт подсказывал ему, что такие планы очень редко реализуются так, как задуманы. Всегда вмещи-

вается какая-нибудь случайность, все идет наперекосяк, и в итоге получается неизвестно что. Но его мнения не спрашивали, ему отводилась роль наблюдателя, при сем присутствующего.

Возле уличного таксофона Панкратов тормознул и позвонил Николаю Николаевичу:

— Наружку можно убрать.

— Понял. Прослушку?

— Пока оставьте, — помедлив, сказал Панкратов. —

Пусть будет. На всякий случай.

— Сделаем. До связи!..

Глава десятая **УБИЙСТВЕННОЕ ЛЕТО**

I

Москвичи всегда недовольны погодой. Зима давно уже не зима, а не пойми что, какая-то хлябь. Летом, которого так ждешь, сплошные дожди, не купаешься в подмосковных речках, не позагораешь. В городских квартирах с отключенным отоплением холодно, на дачах сыро. Огурец еще растет, а помидор начинает гнить, не успев покраснеть. Вот говорят: глобальное потепление, глобальное потепление. А где оно, это потепление?

Лето 2010 года заставило москвичей с нежностью вспоминать холодные ночи, туман по утрам и моросящие дождики днем. С Запада надвинулся антициклон и застыл над Россией от Москвы до Владивостока. Солнце прокалило землю, сожгло посевы. Горели леса, лесные пожары уничтожили несколько деревень. Были мобилизованы все резервы МЧС, но они оказались бессильны перед стихией. Сам премьер Путин сел за штурвал самолета-амфибии и вылил на

горящий лес несколько тонн воды. Но леса продолжали гореть, продолжали гореть подмосковные торфяники, заволакивая окрестности едкой гарью. Она добралась и до Москвы, окутала город густым туманом. Из аптек мгновенно исчезли марлевые повязки, а из магазинов вентиляторы и кондиционеры. Машины скорой помощи не успевали на вызовы. Говорили о сотнях умерших, преимущественно пожилых людях. Минздрав опровергал слухи, но никто не верил официальным опровержениям. Началась тихая паника. Все, кто мог, вывозили детей и стариков за город. Кто не мог, костерили московские власти, не стесняясь в выражениях.

Мэр Лужков в это время проводил свой отпуск в Альпах. На вопросы возмущенной общественности, почему градоначальник отсиживается в горах, когда Москва задыхается в дыму, пресс-секретарь мэрии отвечал, что все городские службы работают в штатном режиме и в личном присутствии мэра нет никакой необходимости. Только через две недели Лужков понял, что делает ошибку, и поспешно вернулся в Москву. Но было уже поздно, всеобщее недовольство градоначальником стало таким, что для его отставки не требовалось никаких дополнительных причин.

Вероятно, это и заставило его предпринять решительный шаг. Говорили, правда, что к этому его подтолкнул разговор с руководителем крупной госкорпорации, который в последние годы отошел от политики, а когда-то, при Ельцине, был союзником Лужкова. Через несколько дней в газете «Тверская, 13», издании московской мэрии, появилась заметка о том, что Юрий Михайлович Лужков категорически против изменения проекта автотрассы «Москва — Санкт-Петербург», на

чем настаивали защитники Химкинского леса, поддержанные президентом Медведевым. Позже он подтвердил свою позицию в статье «Российской газеты», а потом в интервью «Ведомостям». Это был вызов: мэр Лужков открыто выступил против президента. Лишь немногие, кто был в курсе подковерных кремлевских интриг, знали, что цель мэра совсем другая: продемонстрировать свою верность премьеру Путину. Расчет казался безошибочным, Путин поддерживал проект трассы через Химкинский лес, его не могло не раздражать противодействие президента. Демарш Лужкова давал Путину возможность показать, кто в доме хозяин, Юрий Михайлович не сомневался, что он ею воспользуется.

Перед премьером встала непростая задача. Нужно было, конечно, поддержать мэра. Но это означало окончательно подорвать авторитет президента Медведева, которого оппозиционеры давно уже называли местоблюстителем и мальчиком на побегушках в тандеме. Да, он был младшим в тандеме, но авторитет Медведева — это авторитет верховной власти, а его следовало оберегать. Если мэры и губернаторы начнут вытирать ноги о президента России, ничего хорошего из этого не получится. Премьер решил выждать.

Молчание премьера подконтрольные президенту федеральные телеканалы восприняли как знак и начали небывало резкий наезд на мэра. Были показаны два фильма «Дело в кепке», где прямо говорилось, что только благодаря Лужкову его жена Елена Батурина стала обладательницей состояния почти в три миллиарда долларов. 19-го сентября Лужкова вызвал руководитель администрации президента Нарышкин и предложил ему подать в отставку, пообещав кресло сенатора

в Совете Федерации. Мэр отказался и написал Медведеву резкое письмо, ультимативно потребовав либо отстранить его от должности, либо публично отмежеваться от тех, кто организовал информационную кампанию против него.

Письмо было передано Нарышкину вечером 27-го сентября и сразу переслано президенту Медведеву, находившемуся с официальным визитом в Китае. В Шанхае был день, в Москве ночь. Не лучшее для время для телефонных звонков, но Медведев приказал соединить его с Путиным. Неизвестно, о чем они говорили, но утром 28-го сентября, когда Лужков приехал в мэрию и открыл очередное заседание правительства, в зале появился молчаливый штатский с коричневым портфелем и вручил Лужкову Указ Президента РФ. В нем говорилось: «На основании подпункта «г» пункта 1 и подпункта «а» пункта 9 статьи 19 ФЗ от 6 октября 1999 года номер 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» постановляю:

1. Отрешить Лужкова Юрия Михайловича от должности мэра Москвы в связи с утратой доверия Президента РФ...».

II

Через несколько дней после отставки Лужкова, взбудоражившей всю Москву, один из заместителей председателя Следственного комитета, генерал-майор юстиции, в своем кабинете в офисе СКП в Техническом

переулке вел прием граждан. На прием записывались заранее — за месяц и больше. Референты тщательно просеивали посетителей, всеми способами отваживали сутяг, других направляли в районные отделения милиции, просителей с важными делами или особо настойчивых приходилось допускать к начальству.

Обязанность принимать граждан вменялась всем руководителям СКП, кроме председателя. И хотя каждому отводилось всего по четыре часа в месяц, она воспринималась как дурная повинность. Во-первых, муторно. Во-вторых, бесполезно. Все равно дело будет спущено вниз, разве что с начальственной резолюцией: «Разобраться и доложить».

Перед заместителем председателя лежал список, подготовленный референтом: фамилия, имя, отчество, место работы, суть дела в одной фразе. Выпроводив очередного посетителя, генерал-майор прочитал: «Гольцов Георгий Андреевич, предприниматель, о деле говорить отказался». Распорядился по интеркому:

— Просите.

Обычно посетители являлись с пухлыми папками, даже с туго набитыми бумагами портфелями, но у человека, который вошел в кабинет, в руках не было ничего. Высокий, с жестким лицом, в светлом костюме. Вошел уверенно, сел уверенно, не на краешек стула. На руке часы «Патек Филипп». Не из бедных предприниматель, бедным такие часы не по карману.

— Слушай вас, Георгий Андреевич, — любезно проговорил генерал. — Что привело вас ко мне? Вы отказались говорить об этом референту. Мне, надеюсь, расскажете.

— Я хочу, чтобы Следственный комитет возбудил уголовное дело против моего бывшего делового пар-

тнера, — ответил посетитель. — Точнее, против финансового директора моей фирмы. Воспользовавшись моей смертью, он подделал мою дарственную и перерегистрировал фирму на себя.

— Как? — переспросил генерал. — Воспользовавшись вашей смертью?

— Да. Я считался погибшим в авиакатастрофе.

— А вы не погибли?

— Как видите.

— Как вам это удалось?

— Не сел в тот самолет.

— Почему?

— Раздумал.

— Но сейчас вы считаетесь живым?

— Да, свидетельство о моей смерти аннулировано ЗАГСом.

— Необычная история. Но вернемся к вашему делу. Почему вы уверены, что дарственная подделана вашим партнером?

— Потому что я ему ее не давал.

— Какая фирма?

— ЗАО «Росинвест».

— Капитализация?

— Примерно семьдесят миллионов долларов.

— Серьезно! Мошенничество в особо крупном размере, от пяти до десяти лет, — машинально квалифицировал генерал. — Но вы напрасно пришли ко мне. Вам следует подать заявление в УБЭП. Референт подскажет, к кому обратиться и как написать заявление.

Разговор был закончен, но посетитель не торопился уйти.

— Вы не спросили, кто мой деловой партнер.

— Это имеет значение?

— Для вас — да.

— Кто?

— Михеев.

— Фамилия почему-то знакомая.

— Он сдал вашего следователя Кириллова.

— Так это он?! Кравченко, срочно ко мне! — распорядился генерал по внутреннему телефону. Объяснил Гольцову: — Это старший следователь по особо важным делам, подполковник юстиции. Так-так, очень интересно!

Подполковнику юстиции было лет сорок. Рослый, лысоватый, в обычном костюме и немодном галстуке, он был похож на чиновника районной управы, но никак не на следователя по особо важным делам.

— Познакомьтесь, Кравченко, это предприниматель Георгий Андреевич Гольцов, — представил посетителя генерал. — Вам задание. Примите у него заявление и допросите обо всех обстоятельствах дела. Все проверьте. Если подтвердится, возбудите уголовное производство. Допрос под протокол и под видеозапись. Запись — мне. Желаю успеха, Георгий Андреевич. Очень правильно, что вы к нам пришли.

В кабинете следователя Гольцов провел не меньше двух часов. Кравченко дал ему подписать протокол допроса и подвел итог:

— Дарственную из архива сегодня же запросим и отправим на экспертизу. Если она действительно подделана, возбудим уголовное дело, а с Михеева возьмем подписку о невыезде. Преступление экономическое, посадить нельзя, такие сейчас порядки. Но если вы узнаете, что он намерен скрыться или попытается ока-

звать на вас давление, сразу звоните, изменим меру пресечения, возьмем под стражу.

— У вас, возможно, будет другой повод взять его под стражу, — неопределенно пообещал Гольцов.

— Какой? — насторожился следователь.

— Пока это только предположения.

Выйдя из здания СКП, он набрал домашний номер Панкратова:

— Михаил Юрьевич, это Гольцов. Нам с Верой Павловной нужно на три дня улететь из Москвы.

— Куда?

— В Осетию, на свадьбу Арсена. Большое событие, нельзя не поехать. С ужасом представляю, сколько придется пить. Говорят, правда, что осетинская самогонка всего двадцать градусов. Это утешает.

— Передайте Арсену мои поздравления.

— Обязательно передам. Мы вернемся в пятницу. Подъезжайте ко мне часам к девяти вечера, нужно кое-что обсудить. Адрес помните?

— Конечно, помню.

— На всякий случай: Жулебино, улица Маршала Полубояркова, дом 34, квартира 126, код подъезда 0464. До встречи!

Гольцов прервал связь.

В своей квартире на Бульварном кольце Панкратов долго смотрел на телефон и слушал короткие гудки отбоя, словно они могли объяснить смысл этого странного звонка. Чрезвычайно странного. Потом положил трубку. Смысл был понятен, Гольцов сделал то, что собирался сделать: сообщил свой адрес людям Феди Кривого. Но зачем, зачем?!

Панкратов побродил по квартире, посидел на кухне у транзистора, рассеянно слушая попсу. Наконец решительно встал, надел плащ и вышел на улицу. В салоне сотовой связи на Пушкинской купил недорогой мобильник и позвонил Николаю Николаевичу:

— Есть что-нибудь по нашей теме?

— Есть. Хорошо, что вы позвонили. Слушайте.

В трубке прозвучал знакомый грубый голос:

— Нашли твоего клиента. В пятницу дело закончим.

— Почему в пятницу?

— Невтерпеж? Потерпи, больше месяца ждал, теперь уже скоро!

Запись прервалась.

— Звонок был двадцать минут назад, — сказал Николай Николаевич. — Вы поняли, кто говорил?

— Да, Федя Кривой.

— А с кем?

— С Михеевым.

III

Олег Николаевич не понимал людей, для которых бизнес был главным и единственным содержанием жизни. При случае он сам охотно рассуждал о социальной ответственности бизнеса, который пополняет государственную казну налогами, создает рабочие места и все такое. Но в глубине души знал, что это просто слова. Единственная цель бизнеса — прибыль, кэш, все остальное — прилагательное. Зачем нужны деньги? Чтобы обеспечить человеку удобную жизнь сейчас и безбедную старость в будущем. Ну, и благосостояние потом-

ства, если потомство есть и оно стоит того, чтобы о нем позаботиться. Вот и все.

Но эта простая схема не очень-то сопрягалась с реальной жизнью. Олег Николаевич знал немало бизнесменов, для которых блага, которые давал прибыльный бизнес, как бы не имели никакого значения. Таким был Георгий Гольцов. Такими были многие крупные предприниматели, даже олигархи. Каждый день у них был расписан по минутам на недели вперед, у них просто не оставалось времени ни на что. Зачем вилла на Рублевке, если ты приезжаешь туда только переночевать? Зачем яхта на Лазурном берегу, если она без дела простаивает у причала? Если у тебя уже есть миллиард долларов, зачем рвать жилы, чтобы заработать еще десять? Один или десять — все равно не успеешь потратить, жизни не хватит.

Не понимал Михеев таких людей. Они казались ему азартными игроками, готовыми сутками сидеть за карточным столом. Игра для них была самоценна, она была и средство, и цель. Но не считаться с ними было нельзя. Они втягивали в сумасшедшую гонку десятки тысяч предпринимателей, как в марафоне лидеры задают темп. Хочешь не хочешь, а тянись, ловчи, спихивай соперника за обочину, иначе окажешься за обочиной сам.

Олег Николаевич иногда с ностальгией вспоминал советские времена. Сейчас он был бы, пожалуй, заместителем министра. Казенная дача где-нибудь в Архангельском. Пусть и не такая богатая, как эта, на Николиной горе. Персональная черная «Волга» с водителем. Ну и что, что не «мерседес»? Машина она есть машина. Зато все предсказуемо. Неторопливая спо-

койная жизнь. Не ценили. А теперь крутись, как белка в колесе, перебирай лапками.

Единственный, кто нравился Олегу Николаевичу и даже вызывал легкую зависть — олигарх Абрамович. Вот кто умел получать удовольствие от своих миллиардов. Взял и купил лондонский футбольный клуб «Челси», а года три назад привез свою команду в Москву. И хотя «Челси» проиграла то ли «Спартаку», то ли «Динамо», одно удовольствие было смотреть по телевизору, как Роман Аркадьевич болеет за своих в VIP-ложе. В другой раз купил стометровую яхту и приплыл на ней на Экономический форум в Санкт-Петербурге, заставив всех забыть о форуме и говорить только о его яхте, которая с трудом вписывалась в габариты Невы и смогла бросить якорь только возле легендарной «Авроры». Дорогие машины, красивые женщины в бриллиантах. По крайней мере, за это стоит вкалывать.

К Абрамовичу Олег Николаевич даже не пытался примериваться, но модель его жизни казалась очень привлекательной. Он иногда думал: вот закончу этот проект, уйду в кэш и пошлю подальше весь этот бизнес. У него был счет в австрийском банке «Кредитанштальт», о котором никто не знал. Несколько лет назад он купил пентхаус в испанском курортном городке Марбелья. Об этом тоже никто не знал. Небольшой, всего на две спальни, не на первой линии, но ему и этого хватит. Раза два летал туда в отпуск, чаще не получалось, не отпускали дела.

Олег Николаевич не определял для себя сумму, после которой можно будет подвести черту. Он просто чувствовал: рано, пока еще рано. Черта отдалялась, как

линия горизонта. Только недавно сказал себе: все, хватит, надо кончать. И все дела складывались так, что пришло время кончать.

Разговор с ритейлером Федотовым, в девичестве Федей Кривым, как сказал о нем референт Погорелова Слава, оставил у Олега Николаевича сложное чувство. Он ожидал увидеть громилу в малиновом пиджаке с тяжелой золотой цепью на шее и с синими от наколок руками. Ритейлер оказался жилистым человечком лет шестидесяти с маленьким голым черепом и немного косящими глазами, откуда, вероятно, и пошла его кличка. Никаких малиновых пиджаков, никаких цепей, элегантный черный сюртук, галстук-бабочка. От громилы у него был только низкий грубый голос и склонность к блатному жаргону. Стрелку он забил в ресторане «Суши весла» на Лубянке, где его знали и обслуживали очень предупредительно.

Олег Николаевич начал рассказывать, почему ему нужно найти Гольцова, ритейлер перебил:

— Не грузи. Мне твои проблемы до фени. Пробил я тебя. Фирма крутая, бабло есть, нищелюды в рейтинг «Финансов» не попадают. Давай по делу. Найти — сто косарей зеленых, найти и убрать — пол-лимона. Дешевле только даром, — процитировал он фирменный слоган своих магазинов.

— Сначала найти, — поспешно уточнил Михеев.

— Не бойсь, найдем. Бабки вперед. Завтра зане-сешь ко мне в офис. С объективкой на клиента. Телефоны, связи и все такое. Вали. Обедаю я один. Привычка. Не люблю, когда мне в рот смотрят.

Ритейлер принялся изучать меню, Олег Николаевич вышел из ресторана в смятенных чувствах. И все

полтора месяца, пока кадры Феди Кривого пытались выйти на след Гольцова, ощущал себя выбитым из колеи. В офисе подписывал бумаги, подготовленные Яном Серегиним, но в дела не вникал, все мысли были заняты другим. Если найдут Георгия — что? А если не найдут — что? Не готов он был кардинально решить вопрос с Гольцовым — убрать, как с бесхитростной простотой бандита предложил Федя Кривой. Но и ждать, когда Георгий воскреснет со всеми вытекающими последствиями, тоже не резон. И так плохо, и так плохо.

Скандалная отставка Лужкова и крах империи Батуриной, которые еще пару месяцев назад вызвали бы у него злорадное ликование, сейчас оставили равнодушным и даже прибавили новых проблем. Что теперь делать с долгом фармацевтической фабрики? Батуриной не до нее, ее бизнес уже начали рвать на части. О своем плане санации фабрики Олег Николаевич и вспоминать не хотел. Он был готов переуступить долг любому, даже без процентов. Сорок миллионов долларов на дороге не валяются. Желающие обязательно найдутся, чуть позже, когда все устанет. Но это время, а времени было в обрез. О договоре с академиком Троицким Ян почему-то не напоминал. Это радовало Михеева, потому что избавляло от новой стычки с ним, которая могла привести к тому, что этот упертый судак швырнет заявление, а без него начнет сбоить вся налаженная работа «Росинвеста».

И вот раздался звонок, которого Олег Николаевич так ждал и так боялся: «Нашли твоего клиента. В пятницу дело закончим».

Федя Кривой позвонил в понедельник вечером. Во вторник Олег Николаевич приехал в офис, но понял, что никакими делами заниматься не может. Он вызвал машину и вернулся на дачу. Николая Степановича оставил при себе — на случай, если придется куда-то ехать. «Мерседес» загнали в гараж, водитель ушел в свою комнату во флигеле. Там же жил дворник-татарин с женой, сторожил дачу, следил за участком. Жена ходила за продуктами в соседний супермаркет, готовила бесхитростную еду, Олег Николаевич был неприхотлив к пище. Когда нужно было собрать деловых партнеров, чтобы пообщаться в неформальной обстановке, приглашали повара и официантов из ресторана «Каток».

Невыносимо медленно тянулось время. Олег Николаевич бесцельно слонялся по дому, небритый, в пижаме, старательно обходя бар. Пить можно, когда у тебя все в порядке. Когда все не в порядке, пить нельзя, это всегда плохо кончается. Включал телевизор, щелкал пультом, с раздражением выключал. Часами сидел в плетеном кресле на открытой террасе, бездумно глядя, как дворник сметает первые желтые листья с дорожек, как ходят над Николиной горой низкие облака. Земля оживала после безумного лета, расправлялись пожухшие кроны деревьев, сквозь выжженные газоны пробивалась зеленая травка.

В четверг утром Олег Николаевич понял, что ему нужно сделать. Тщательно побрился, надел темный костюм с темным галстуком. Вызвал Николая Степановича:

- Выводите машину, едем в Сергиев Посад.
- Там что?

— Троицко-Сергиева Лавра.

— Не ближний свет, — оценил водитель, никогда не замечавший в Михееве интереса к религии. — Может, в храм Христа-спасителя? Или в Елоховский собор? В Москве много богатых церквей.

— В Лавру! — повторил Михеев. Почему именно в Лавру, он и сам не знал, но чувствовал, что ему нужно туда, в старинное намоленное место.

Через два часа езды по забитому машинами Ярославскому шоссе «мерседес» припарковался на площади перед крепостной стеной, над которой золотились купола Троицко-Сергиевой Лавры. Олег Николаевич купил в церковной лавке план-путеводитель по Лавре, с толпой богомольцев и туристов вошел в Святые ворота, миновал величественный Успенский собор, Троицкий собор, часовню Успенского кладезя со святой водой, перед которой толпились бедно одетые женщины с бидонами, и вошел в Надвратную церковь, про которую в путеводителе было сказано, что там все время идет служба. И только оказавшись в полутемном храме среди богомольцев, спросил себя: а зачем я сюда приехал? Покаяться? В чем? Попросить прощения? За что? Неловко перекрестившись, купил десяток свечек и поставил их перед темными ликами каких-то святых. И тут понял, о чем ему следует помолиться: «Господи, вразуми!»

Вряд ли его неумелая молитва дошла до адресата, но неожиданно появилось четкое понимание того, как ему следует поступить. Первое. Заказ на Гольцова отменить. Георгий не сделал ему ничего плохого, он не виноват в том, что так сложились обстоятельства. Второе. Срочно улететь из Москвы. В Испанию, в Марбелью. И наблюдать оттуда, как будут развиваться собы-

тия. А как они будут развиваться? Гольцов вернет себе «Росинвест»? Имеет право, Олег Николаевич никогда не зарегистрировал бы его на себя, если бы не эта нелепая история с авиакатастрофой. Дарственная? А что дарственная? Она написана рукой Георгия, он не станет этого отрицать.

Вернувшись на Николину гору, первым делом нашел в столе свой загранпаспорт. Действителен еще три года. Виза многократная, в посольстве ее дают при предъявлении купчей на испанскую недвижимость — эскритуры, как они ее называют. Регулярные рейсы «Аэрофлота» летают до аэропорта Малаги три раза в неделю по вторникам, пятницам и субботам. От аэропорта до Марбельи всего 46 километров. Заказал по интернету билет на вторник, расплатился «Визой». Теперь можно было звонить Феде Кривому.

На дисплее высветился его номер. В меню появилось: «Позвонить», «Отправить SMS». Очень соблазнила эсэмэска — не нужно ничего объяснять. Только два слова: «Все отменяется». Но Федя Кривой обязательно начнет названивать, требовать объяснений. Придется звонить.

Олег Николаевич помедлил перед тем, как нажать кнопку «ОК». Даже походил по кабинету, настраиваясь на неприятный разговор. Мобильник лежал на письменном столе, светился дисплеем, ждал. Но в тот момент, когда Михеев решительно сел в кресло, в дверь кабинета постучали, всунулся дворник:

- Извините, хозяин, к вам приехали.
- Кто приехал?
- Какой-то человек. Говорит, скульптор. Фрол.
- Пьяный? Гони его к черту!
- Нет, трезвый. Говорит, что-то привез.

— Только его мне сейчас не хватает! — буркнул Михеев и спустился во двор.

Перед воротами стояла белая «Газель» с металлическим кузовом, перед ней нетерпеливо прохаживался камнерез в своей обычной кожаной куртке, с ремешком на лбу и в кирзачах с подвернутыми голенищами. В стороне перекуривали трое каких-то задрипанного вида мужичков в рабочих комбинезонах.

— Здорово, Олег Николаевич! — весело приветствовал Михеева Флор. — Привез твой заказ.

— Что ты привез? — не понял Олег Николаевич.

— Сейчас увидишь, — с многозначительным видом пообещал Фрол. — Скажи татарину, путь откроет ворота.

— Открой, — распорядился Михеев.

«Газель» задом въехала на участок, по командам камнереза проследовала в конец аллеи.

— Хорош, здесь самое место. Давай, мужики! — приказал он грузчикам.

Они извлекли из кузова сначала невысокие деревянные козлы из толстых брусьев, потом с особой осторожностью что-то тяжелое, укутанное в мешковину, и водрузили на козлы.

— Нервных просят не смотреть! — весело объявил Фрол и сдернул мешковину.

Олег Николаевич обмер. С козлов на него смотрел он сам — из черного матового камня. То же тяжелое лицо, та же склоненная, как бы набыченная голова, то же выражение мучительной неуверенности, которое он последнее время часто замечал у себя при случайном взгляде в зеркало.

— Как? — спросил Фрол. — Я назвал эту работу «Судьба». Теперь, Олег Николаевич, можешь помирать

спокойно, памятник у тебя будет классный. Спорим, что к нему будут приходить специально смотреть? И спрашивать: «Кто это?» Что с тобой? — встревожился он, заметив, как мертвенная бледность заливает тяжелое лицо Михеева. — Может, таблетку? Татарин, быстро тащи таблетки, которые пьет хозяин!

— Не нужно таблеток. Кто тебе это заказал? — севшим голосом спросил Олег Николаевич.

— Как кто? Разве не ты?

— Я что, спятил?

— А я думал, ты.

— И теперь ты хочешь, чтобы я заплатил?

— Нет, мне уже заплатили, — со вздохом признался Фрол. — А вот выпить с тобой не откажусь. За окончание работы. Ведь классно получилось, Олег Николаевич, скажи?

— Кто тебе заплатил?

— Да тот мужик, которого ты похоронил на Ваганькове. Ну, помнишь? Я тебе о нем рассказывал. А ты еще не поверил.

— Гольцов?

— Во-во, точно. Гольцов...

Мобильник на письменном столе пролежал до ночи с набранным номером. Кнопку «ОК» Олег Николаевич так и не нажал.

Федя Кривой позвонил в пятницу в семь вечера:

— Дело сделано...

«Вот и все, — устало подумал Олег Николаевич, закончив разговор. — Дело сделано. Я ни при чем. Видит Бог, я этого не хотел. Так получилось. Стечение обстоятельств. Судьба!..»

Он перенес плетеное кресло с террасы в сад, поставил его на аллее метрах в трех от того страшного, каменного, закрытого мешковиной. Потом поднялся в кабинет, прихватил из бара бутылку виски. Удобно устроившись в кресле, налил полный стакан и медленно, с наслаждением, выпил.

Теперь можно.

Потом сдернул мешковину и до темноты смотрел на себя — черного, каменного. Он уже нравился сам себе. В нем, каменном, было то, что влияет на жизнь человека независимо от его воли и его желаний.

Судьба.

Глава одиннадцатая

МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ

I

«— Дело сделано.

— Как прошло?

— Не ссы, все чисто. С тебя еще сто косарей.

— За что?

— Он был не один. Бабу тоже пришлось убрать.

— Я не заказывал бабу!

— Мало ли что ты заказывал. Она видела моих.

Ждать, когда она их опознает?

— Но...

— Кончай базар. Бабло подгони завтра в «Суши весла» к трем часам. Пятьсот штук. И никаких фокусов, Михеев. Понял?

— Понял.

— Будь!..»

Зловещая запись, которую Панкратову прокрутил Николай Николаевич, все время звучала у него в ушах, пока он пробивался на своем «фольксвагене» к Жулебино по Старой Рязанке, по которой вся Москва, каза-

лось, устремилась на дачи. О том, что он увидит в доме номер 34 по улице Маршала Полубояркова, Панкратов запрещал себе думать. Всегда осторожный за рулем, он шел на рискованные обгоны, подрезал машины, обходил пробки по встречке, вызывая возмущенный рев разноголосых автомобильных сирен. И вот наконец Люберцы, поворот с Октябрьского проспекта на Маршала Полубояркова.

Возле дома номер 34 стояли две машины скорой помощи и три милицейских «форда» с работающими проблесковыми маячками. У подъезда толпились любопытные, их оттеснял милицейский наряд. Пока Панкратов искал место для парковки, из подъезда вышли врачи скорой, сели в машины и уехали. На носилках никого не выносили и не грузили в скорые. Что означало только одно: выносить некого.

Панкратов уверенно раздвинул любопытных.

— Посторонним нельзя, — преградил ему дорогу милицейский сержант.

— Свои, — показал Панкратов удостоверение ФСБ.

— Проходите, — посторонился сержант. — Шестой этаж.

— Знаю.

На лестничной площадке курил омовец в бронежилете, с автоматом Калашникова.

— ФСБ, полковник Панкратов, — предупредил Панкратов его угрожающее движение. — Кто старший?

— Следователь СКП Кравченко. Он там, в квартире. Осторожно, товарищ полковник, не поскользнитесь. Кровищи ужас, никогда столько не видел.

Знакомая двухкомнатная квартира казалась тесной от милицейских и штатских. Оперативная группа

была занята привычными делами. Жужжала камера, фиксируя положение трупов, вспыхивал блиц фотоаппарата, эксперты прикладывали к рассыпанным по полу гильзам мерные линейки и показывали фотографии, что снимать. Один труп, накрытый простыней, лежал посередине залитой кровью гостиной, второй, тоже под простыней, на окровавленной кровати в спальне. Три вооруженных омоновца в бронежилетах теснились в гостиной на диване, поджимая ноги, чтобы никому не мешать.

Следователь СКП Кравченко мельком взглянул на удостоверение Панкрата и с неопределенным выражением произнес:

— Быстро вы все узнаете!

— Что здесь произошло? — спросил Панкратов.

— Сами видите. Дверь открыли отмычкой, следов взлома нет. Эти двое были в спальне. Женщина, возможно, услышала шум, вышла посмотреть. Здесь ее и... Потом и его. Стреляли из пистолетов с глушителями, соседи ничего не слышали. Похоже, двое. Все дело закончили минут за пять.

— Оружие бросили?

— Забрали с собой. Бандитские дела, давно такого не было.

— Кто вас вызвал?

— Никто. Была оперативная информация, что готовится покушение на гражданина Гольцова, проживающего в этой квартире. Планировалось на девять вечера. Мы подтянулись на два часа раньше. Опоздали.

Панкратов наклонился над трупом в гостиной и осторожно снял с головы простыню, ожидая увидеть ко-

ротенькую стрижку Веры Павловны. Но увидел длинные каштановые волосы, слипшиеся от крови.

Это была не Вера Павловна.

Быстро прошел в спальню и снял простыню с труп мужчины.

Это был не Гольцов.

II

На следующий день без нескольких минут три Олег Николаевич подъехал к ресторану «Суши весла». С собой у него был кожаный кейс, в нем — пятьсот тысяч долларов, пятьдесят пачек стодолларовых купюр в банковских бандеролях, почти все содержимое его домашнего сейфа. У него и мысли не возникло кинуть Федю Кривого, было только одно желание — поскорее отдать деньги и постараться стереть из памяти это страшную историю, в которую он был втянут стечением обстоятельств.

Желтая дорожная разметка перед рестораном означала, что здесь разрешена только короткая остановка. Машины высаживали посетителей и сразу выезжали на ближайшую парковку. Если кто-то задерживался, его вежливо спрашивали швейцар и охранник. Но на этот раз вся проезжая часть перед рестораном была заставлена машинами, которые вроде бы и не собирались никуда уезжать. Стояла милицейская «Газель» с надписью на борту «Главное управление МВД», черная «Волга» с госномерами и тремя антеннами. И тут же синий «фольксваген», показавшийся почему-то знакомым. Какие-то люди в штатском молча стояли

у входа, не похожие на посетителей этого дорогого ресторана.

— Заберешь меня минут через десять, — бросил Михеев Николаю Степановичу и вылез из «мерседеса». Дорогу ему преградил швейцар:

— Извините, господин, сейчас нельзя.

— В чем дело? — возмутился Олег Николаевич. — У меня на три часа назначена важная деловая встреча.

Один из штатских, наблюдавший за входом, повернулся к нему:

— Не состоится у вас деловая встреча, Михеев. Вернее, состоится, но не сейчас и не здесь.

— Михаил Юрьевич, вы? — удивился Олег Николаевич. — Почему не состоится?

— Сейчас увидите, — пообещал Панкратов.

В холле ресторана произошло движение, швейцар суетливо распахнул двери, вышел рослый лысоватый штатский, за ним два омовца вывели закованного в наручники маленького жилистого человека с голым черепом, в черном сюртуке и с галстуком-бабочкой. Это был Федя Кривой. Омовцы бесцеремонно засунули его в «Газель», погрузились сами, машина уехала. Рослый штатский закурил и обратился к Панкратову:

— Одно дело сделано. Где наш живой труп?

— Сейчас должен подъехать. Сами знаете, какой трафик. Да вон, подъехал.

К ресторану подкатила лиловая двухдверная «мазда» с женщиной в белой бейсболке за рулем, из нее вышел какой-то человек и подошел к ресторану. Олег Николаевич посмотрел на мужчину и почувствовал, что у него предательски ослабли ноги.

Это был Гольцов.

Этого не могло быть. Это было невозможно, невысказано, невероятно! Но это было. Это был он, Гольцов, в светлом костюме, в модных солнцезащитных очках.

Живой!

Он снял очки, за руку поздоровался с Панкратовым и рослым штатским и спросил Олега Николаевича:

— Вот мы и встретились, Олег Михеев. Ну, покажи, во сколько ты оценил мою жизнь?

— Это Михеев? — спросил штатский.

— Он самый, — подтвердил Панкратов. — Олег Николаевич Михеев.

— Старший следователь по особо важным делам Кравченко, — представился штатский. — Гражданин Михеев, вы задержаны.

— В чем меня обвиняют? — с трудом ворочая будто бы распухшим языком, спросил Олег Николаевич.

— Обвинение вам будет предъявлено в свое время. Вас подозревают в организации заказного убийства гражданина Гольцова.

— Как... Гольцова?! Он живой! Вот он, живой!

— Ему повезло. Но два человека убиты. Судья Фролова и временно не работающий Красильников. Им не повезло. Они оказались не в том месте и не в то время.

— Тебе, Олег, тоже не повезло, — словно бы даже с сочувствием сказал Гольцов. — Получил бы свои восемь лет, через четыре года вышел бы по УДО. И все дела. А так получишь лет двадцать. Или даже пожизненное.

Страшная боль пронзила грудную клетку. Олег Николаевич обеими руками схватился за сердце и боком

повалился на землю. Кейс выпал из его рук и от удара раскрылся. Пачки столонларовых купюр рассыпались по асфальту.

Кэш.

Обмякшее тело Михеева погрузили в черную «Волгу». Кравченко приказал водителю:

— Включай сирену! В Склиф!

Панкратов и Гольцов проводили взглядом сорвавшуюся с места машину.

Панкратов спросил:

— Так что это было, Георгий? Там, в Жулебино?

— Нелепость, — неохотно отозвался Гольцов. — Я дал Красильникову денег, велел снять номер в гостинице и в Жулебино не появляться. Он, видно, решил сэкономить. Или Фролова не захотела идти в гостиницу. Как же, судья, что о ней могут подумать? Парня жалко, вот кому действительно не повезло!

«Мазда» нетерпеливо посигналила, из нее высунулась Вера Павловна, жалобно спросила:

— Гоша, ты скоро? Здесь нельзя стоять, меня же оштрафуют! Михаил Юрьевич, отпустите моего мужа! Ну, пожалуйста!

— Иду-иду, — отозвался Гольцов. — Вы приготовили инвойс?

Взял у Панкратова распечатку счета, быстро просмотрел.

— Как я понимаю, никаких банковских переводов?

— Да, в этой части России пока ходят только наличные, — подтвердил Панкратов. — Не знаю, как будет дальше, но пока так.

— Вы забыли включить в счет свой гонорар.

— Не забыл. Видите ли, Георгий, сделать что-нибудь для России за деньги — это работа. Или служба. Патриотизм — это когда бесплатно. Вы немного очистили нашу жизнь. Как смогли. Я вам помог. Как смог. Не лишайте меня возможности уважать себя. Хоть чуть-чуть.

Гольцов молча пожал ему руку и пошел к «мазде». Панкратов сел в свой «фольксваген» и отъехал от ресторана. Возле самого дома сыграл «Прощание славянки» его мобильник. Звонил следователь Кравченко:

— Не довезли Михеева. Обширный инфаркт. На этот раз ему повезло. Все уголовные дела против него будут закрыты в связи со смертью подозреваемого.

III

Олега Николаевича Михеева похоронили на Троекуровском кладбище на семейном участке, где уже были похоронены его предки. Их было много. Прадеды: купец первой гильдии, из крепостных графа Шереметьева; штабс-капитан, кавалер трех Георгиевских крестов, участник Брусиловского прорыва; приват-доцент Московского университета. Прабабки: акушерка земской больницы, актриса театра Корша, учительница гимназии. Один дед — политкаторжанин, член общества «Земля и воля», второй — оперуполномоченный ГПУ. Отец — редактор издательства «Советская Россия», умер в 1992 году, когда «Советская Россия» закрылась. Мать пережила его всего на полгода.

На могиле установили надгробный памятник работы московского камнереза Фрола, который он назвал «Судьба».

* * *

Через две недели после похорон Михеева в кабинете академика Владимира Федоровича Троицкого состоялось подписание договора о партнерстве возглавляемой им фармацевтической фабрики и ЗАО «Росинвест». По условиям договора ЗАО «Росинвест» обязалось вложить в модернизацию фабрики в общей сложности 54 миллиона долларов в обмен на 50 процентов плюс одну акцию фабрики. Договор подписали академик Троицкий и генеральный директор ЗАО «Росинвест» Георгий Гольцов.

Вместо эпилога

ТРЕТЬЯ ПОЛОВИНА ЖИЗНИ

Из книги писателя Ларионова

«В один из хмурых дней в конце ноября, когда к Москве подступило предзимье с дождями и мокрым снегом, в Таганском межрайонном суде подошел к концу процесс над бывшим следователем СКП Кирилловым, обвиняемым по статье 290-й Уголовного кодекса за вымогательство взятки в особо крупном размере с использованием служебного положения. Наказание по этой статье предусматривало лишение свободы на срок от семи до пятнадцати лет.

Процесс длился около двух месяцев при пустом зале. Приходили только местные пенсионеры, которым суд заменял кино, телевидение и театр, да изредка забредали случайные посетители, у которых были дела в суде. Но в день оглашения приговора в небольшом зале заседаний почти не осталось свободных мест, его заполнили представительные мужчины в штатском, с заметной военной выправкой. Это были работники Генеральной прокуратуры и следователи СКП. Они си-

дели по разные стороны от прохода и демонстративно не обращали друг на друга внимания.

Адвокат, назначенный Кириллову судом, в перерывах между заседаниями в чем-то горячо убеждал подзащитного, тот не соглашался, что очень сердило адвоката. За неделю до окончания процесса ему удалось переубедить Кириллова. Он показал, что уголовное дело на предпринимателя Михеева возбуждено на законных основаниях, о чем свидетельствуют результаты почерковедческой экспертизы платежных документов, собственноручно подписанных Михеевым, и тот факт, что Михеева уверенно опознал курьер, передавший ему похищенные средства.

— Ваша честь, — заявил адвокат. — Эти показания моего подзащитного позволяют исключить из обвинения факт вымогательства и должны быть учтены как обстоятельство, существенно смягчающее его вину.

— Протестую, — вмешался прокурор. — Показания подсудимого не могут быть проверены судом в связи со смертью предпринимателя Михеева.

— Протест удовлетворен, — постановил судья.

Оглашение приговора заняло два часа. Суд решил: назначить обвиняемому Кириллову наказание в виде лишения свободы сроком 12 лет с отбыванием в колонии строгого режима.

Присутствующие неторопливо покинули зал. Обе половины зала были довольны. Следователи тем, что Кириллов никого не сдал. Прокурорские тем, что он получил почти по максимуму. На Кириллова никто даже не посмотрел.

Вместе со всеми здание суда покинул человек, стоявший во время чтения приговора в дальнем углу зала. Его одежда резко отличалась от костюмов присутству-

ющих. Серая куртка, похожая на тюремную, такие же штаны, грубые ботинки. Оказавшись на улице, он надел кепи, какие на зонах называют пидорками, и стал неотличим от старой фотографии, сделанной в тот день, когда он вышел из лагеря.

Дождь срывался на мокрый снег, по Марксистской улице сплошным потоком шли машины. Гольцов вышел к торговому центру на Таганке и устало сел на поребрик. Под ногами валялась картонная коробка из-под обуви, мимо спешили хмурые люди, все в своих саботах.

В душе у него было пусто. Вот, он сделал то, что обязан был сделать. Для себя, для жены, для своих сыновей. Но немного и для них, для этих людей, равнодушных ко всему, что их не касалось. А их ничего не касалось.

Неожиданно у ног что-то звякнуло. Гольцов посмотрел. В коробке лежала монета. Десять рублей. Он не заметил, кто ее бросил. Кто-то из них, равнодушно спешащих мимо. Бросил десятку зэку, недавно вышедшему из тюрьмы и не знающему, как теперь жить.

Позже он просверлил в монете дырочку и носил ее на груди на платиновой цепочке...»

«Мне пришлось пожить в двух социальных системах — в СССР и в постсоветской России. Переход из одной системы в другую был ошеломляюще быстрым, как если бы в одну ночь, пальцем не шевельнув и шага не сделав, мы все очутились в эмиграции — в какой-то новой стране, живущей по новым законам. С гиперинфляцией, быстро превратившей рубль в тысячу рублей,

а тысячу рублей в миллион. С пугающим изобилием продуктов в магазинах, еще вчера пустых, но с ценниками, вызывающими оторопь. С безработицей, про которую мы привыкли читать газетные статьи под рубрикой «Их нравы». С многомесячными задержками зарплаты у тех, кто еще работал.

Меня до сих пор поражает, как нам удалось выжить. Надежды пришедших к власти демократов на то, что рынок все поставит на свои места, оправдались с точностью до наоборот. Что нужно делать, не знал никто. Ни простые обыватели вроде меня, ни правительство Гайдара, ни президент Ельцин.

Долгое время я находил только одно объяснение. Когда умелый хозяин понимает, что заблудился, он отпускает поводья, и лошадь сама находит дорогу. У правительства хватило ума отпустить поводья. Указ мэра Лужкова о свободе торговли превратил Москву в огромную барахолку. Везде — у Малого театра с задумчивым драматургом Островским на пьедестале, на Тверской возле Юрия Долгорукого, возле всех станций метро — все торговали кто чем мог: книгами из домашних библиотек, посудой, поношенной обувью и одеждой, сахаром, макаронами, сигаретами, водкой. Казалось бы, что толку от этой жалкой торговлишки? Но прошло немного времени, и все начало налаживаться. Как-то само собой. Народ умеет выживать. Научился, жизнь научила. Только ему не нужно мешать.

Сейчас я нахожу чудесному спасению Россию другое объяснение. Свобода пробудила в людях предприимчивость — свойство характера, не то чтобы подзабытое за годы советской власти, но не востребованное и даже преследуемое по статье 153-й Уголовного кодекса РСФСР:

«Частнопредпринимательская деятельность с использованием государственных, кооперативных или иных общественных форм — наказывается лишением свободы на срок до пяти лет...

Коммерческое посредничество, осуществляемое частными лицами в виде промысла или в целях обогащения, — наказывается лишением свободы на срок до пяти лет...

Действия, предусмотренными частями первой и второй настоящей статьи, повлекшие обогащение в особо крупных размерах, — наказываются лишением свободы на срок до десяти лет с конфискацией имущества...»

Но то, что заложено в человеке природой, не вытравить никакими уголовными кодексами. Приглушить можно, уничтожить нельзя. Предприимчивые люди были в России во все времена. Но при советской власти они засыхали, как семена в безводной степи. Горбачевская перестройка взрыхлила и увлажнила землю, и все пошло в рост — и овес, и овсюг, все полезные злаки и весь чертополох. Но злаков было все-таки больше, предприимчивые люди спасли Россию.

Такие, как герой моей книги Георгий Гольцов.

Они уже есть. Их становится все больше. Придет время, и они займут высшие государственные посты. И это будет уже другая Россия.

Может быть...»

В России никогда не умирала надежда.

Артур Борисович Таболов

Кэш

Выпускающий редактор М.С. Балякина
Литературный редактор Ю.А. Тржемецкая
Художник-оформитель И.В. Глейзер

Подписано в печать 02.08.2012. Формат 84×108 ¹/₃₂
Усл. печ. л. 16,8. Заказ № 6167. Тираж 1000 экз .

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007.027.06.07 от 20.06.2007

ООО «ИД «Русь»-«Олимп»
115419, Москва, ул. Орджоникидзе, дом 3, под. 2
www.rus-olimp.ru
E-mail: olimpus06@rambler.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Издательский дом «РУСЬ-ОЛИМП»

Уйти в кэш – успешно завершить сделку.

Бизнес-сленг

Артур Таболов, автор романа «Водяра», всегда пишет о том, что хорошо знает.

В своем новом романе «Кэш» он вводит читателя в темное закулисье российского бизнеса.

«...Скандальная отставка Лужкова и крах империи Батуриной, которые еще пару месяцев назад вызвали бы у него злорадное ликование, сейчас оставили равнодушным и даже прибавили новых проблем...»